

ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ

РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ В ЛИЦАХ

Выпуск 4

Москва
2025

УДК 330.8(47)
ББК 65.02(2)
И 712

Редакционная коллегия:
д.э.н. Л.Б. Вардомский, д.э.н. М.И. Воейков (отв. ред.),
чл.-корр. РАН М.Ю. Головнин, д.э.н. В.Ю. Музычук,
д.э.н. Т.В. Чубарова

И712 **Институт экономики в лицах:** Сборник / Отв. ред. М.И. Воейков. – М.: ИЭ РАН, 2025.
Вып. 4. – 166 с.

ISBN 978-5-9940-0799-0

Настоящий выпуск сборника «Институт экономики в лицах», четвертый по счету, приурочен к 95-летию Института экономики Российской академии наук (ИЭ РАН). За долгий период существования Института в его стенах работали многие известные экономисты, внесшие значительный вклад в изучение как экономической теории, так и практики функционирования советской и российской экономики. Биографии ученых, работавших в Институте, и результаты их исследований во многом отражают развитие советской и российской экономической мысли.

Ключевые слова: Институт экономики, ученые Богачев, Глинкина, Городецкий, Дзарасов, Евстигнеев, Маневич, Савченко, Сорокин.

ББК 65.02(2)

© Институт экономики РАН, 2025
© Коллектив авторов, 2025
© В.Е. Валериус, дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

М.Ю. Головнин	
Предисловие.....	8
Е.М. Бухвальд, О.Н. Валентик	
Богачев Виктор Николаевич.....	13
Л.Б. Вардомский	
Глинкина Светлана Павловна.....	36
М.И. Воейков	
Городецкий Евгений Семенович.....	48
М.И. Воейков	
Дзарасов Солтан Сафарбиевич.....	57
Н.М. Плискевич	
Евстигнеев Рубен Николаевич.....	87
Т.А. Бараненкова	
Маневич Ефим Львович	115
А.Е. Городецкий, М.Н. Федорова	
Савченко Поль Вячеславович.....	134
М.И. Воейков	
Сорокин Дмитрий Евгеньевич	157

**К 95-летию Института экономики
Российской академии наук**

1930–2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск сборника «Институт экономики в лицах», четвертый по счету¹, приурочен к 95-летию Института экономики Российской академии наук (ИЭ РАН). За долгий период существования Института в его стенах работали многие известные экономисты, внесшие значительный вклад в изучение как экономической теории, так и практики функционирования советской и российской экономики. Биографии ученых, работавших в Институте, и результаты их исследований во многом отражают развитие советской и российской экономической мысли и могут быть весьма полезны для понимания особенностей этого развития.

Современный ИЭ РАН – результат слияния двух институтов, произошедшего в 2005 г.: Института экономики РАН и Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, который в советский период носил название Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР. В настоящем сборнике представлены статьи об ученых, работавших и в том, и в другом институтах, некоторые из них в период их слияния.

-
1. Предыдущие выпуски: Институт экономики в лицах. Выпуск 1. К 75-летию ИЭ РАН. М.: ИЭ РАН, 2005; Институт экономики в лицах. Выпуск 2. М.: ИЭ РАН, 2009; Институт экономики в лицах. Выпуск 3. М.: ИЭ РАН, 2010. Кроме того, к 90-летию Института вышел расширенный сборник «Институт экономики Российской академии наук в лицах». Отв. ред. М.И. Войков. СПб.: Алетейя, 2020.

Статьи в сборнике даны в алфавитном порядке, но здесь мы дадим краткую характеристику личностей сотрудников Института и их вклада в экономическую науку в хронологическом порядке. Среди вошедших в данный сборник ученых можно условно выделить три поколения, хотя сроки работы в Институте тех, кто относится к одному поколению, не обязательно совпадают.

Ефим Львович Маневич и Евгений Семенович Городецкий родились еще в 1910-е годы. Оба они прошли Великую Отечественную войну, что связывает данный сборник с еще одним важным юбилеем этого года – 80-летием Победы. Е.Л. Маневич пришел в Институт экономики АН СССР еще до войны: с 1937 г. он стал аспирантом, а с 1940 г. – сотрудником Института. После войны он вернулся в институт, активно занимаясь проблематикой заработной платы, а затем и более широкими вопросами труда в социалистической экономике, а также вопросами демографической политики. В результате он фактически создал школу изучения труда, занятости и демографии в Институте экономики. Е.С. Городецкий долгое время работал на кафедре политической экономии на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, а в Институт экономики АН СССР пришел в начале 1970-х годов в достаточно сложный для института период, когда жесткой критике сверху подверглось рыночное направление, представленное в том числе в работах Я.А. Кронрада. Е.С. Городецкий, хотя и относился к школе политэкономии экономического факультета МГУ, во главу угла ставившую планомерность развития при социализме, представлял ее «товарное крыло» (наряду с другим героем нашего сборника С.С. Дзарасовым), разумно сочетая планомерность и товарность. В результате политэкономическое направление в Институте экономики продолжило развиваться, не уйдя в противоположную крайность.

Следующее поколение представленных в нашем сборнике ученых родилось на рубеже 1920–1930-х годов: Солтан Сафарбиевич Дзарасов, Виктор Николаевич Богачев, Поль Вячеславович Савченко, Рубен Николаевич Евстигнеев.

С.С. Дзарасов, как и Е.С. Городецкий, пришел в Институт экономики после работы на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, а также в Академии общественных наук и Университете Дружбы народов. В нашем институте он долгое время возглавлял кафедру экономической теории. В советский период он, как и представители политэкономической школы Института экономики, относился к «рыночному крылу» политэкономии социализма. Интересна трансформация его взглядов в период рыночной трансформации, когда он стал сторонником посткейсианства и предлагал использование теоретических наработок и практических рецептов этого направления в России.

В.Н. Богачев относился к числу старожилов Института, работая в нем с 1950-х годов. Он занимался достаточно широким кругом вопросов, которые в целом можно свести к проблемам эффективности в экономике. Это и проблемы эффективности капитальных вложений, управлеченческих процессов в экономике, воспроизводства общественного богатства, выстраивания оптимального планирования. В условиях современной дискуссии об измерителе результатов экономического развития показательно, что В.Н. Богачев особое внимание уделял экономическому богатству.

П.В. Савченко пришел в Институт экономики АН СССР в 1978 г. также после длительного периода работы на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (как и другие герои нашего сборника). Особенностью его исследовательского подхода было стремление к анализу социально-экономической системы в целом (Системы, как он ее называл). При социализме он обосновывал необходимость товарно-денежных отношений, что роднило его с другими представителями школы политэкономии института. Он был сторонником коллективной формы собственности (колхозов); большое внимание уделял проблеме монополизма и социальным проблемам в социалистической экономике. Следует также подчеркнуть значительный организационный талант Поля Вячеславовича как

редактора коллективных работ (учебников), а также заместителя заведующего кафедрой института на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Благодаря усилиям П.В. Савченко в постсоветский период поддерживались связи между Институтом экономики и экономическим факультетом, многие сотрудники Института преподавали спецкурсы в МГУ им. М.В. Ломоносова.

Р.Н. Евстигнеев во многом олицетворяет собой объединение двух институтов – Института экономики РАН и ИМЭПИ РАН. Он начал свою трудовую деятельность в Институте экономики АН СССР, затем перешел во вновь созданный ИЭМСС и вернулся в Институт экономики после объединения двух институтов в 2005 г. Работая в ИЭМСС АН СССР и ИМЭПИ РАН, Р.Н. Евстигнеев выходил за рамки страновых исследований, стремясь изучать сначала социалистическую систему в целом, а затем ее трансформацию в капиталистическую систему. Наконец, особого внимания заслуживает разрабатывавшаяся Рубеном Николаевичем совместно со своей супругой Людмилой Петровной (также сотрудницей ИЭ РАН в этот период) в 2000-е годы концепция экономической синергетики, представлявшая собой новый теоретический подход к исследованию экономических процессов.

Хронологически завершают историческую линию сборника портреты Дмитрия Евгеньевича Сорокина и Светланы Павловны Глинкиной. Их сближает то, что в период существования объединенного института они были заместителями директора. Д.Е. Сорокин продолжал традицию политэкономических исследований в Институте экономики. В своих исследованиях и выступлениях он опирался на использование статистических данных, чему во многом способствовало полученное им образование (он закончил Московский экономико-статистический институт). Особое внимание Дмитрий Евгеньевич уделял проблематике структурной модернизации и необходимости структурного поворота российской экономики.

С.П. Глинкина начинала свой трудовой путь в ИЭМСС АН СССР с изучения Венгрии, однако впоследствии сфера ее

исследовательских интересов существенно расширилась. Ее работы были посвящены проблемам приватизации и «теневой экономики» в период перехода к рынку, а затем – и общей оценке трансформационных процессов в регионе Центральной и Восточной Европы. Затем географическая сфера ее исследований расширилась до «пояса соседства» России – понятия, введенного ею применительно к странам, граничащим с Россией и играющим важную роль в экономике и внешней политике нашей страны. В области теории Светлана Павловна большое внимание уделяла моделям капитализма, в том числе сформировавшимся в постсоциалистических странах. Большое практическое значение имели индивидуальные и организованные С.П. Глинкиной коллективные исследования экономической интеграции как на европейском, так и на евразийском направлении. Наконец, ею было организовано новое направление исследований в институте, посвященных объединению БРИКС, позволивших выйти с регионального на глобальный уровень.

Хочется надеяться, что данная здесь краткая характеристика жизненного пути в институте и направлений исследования ученых, статьи о которых вошли в данный сборник, вызовет дальнейший интерес читателя и вызовет у него желание более подробно ознакомиться с творческим путем ярких личностей, работавших в разное время в нашем институте.

*Директор Института экономики
Российской академии наук,
член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук
М.Ю. Головнин*

Е.М. Бухвальд, д.э.н.
О.Н. Валентик

**БОГАЧЕВ
ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ
(1929–1991)**

Виктора Николаевича Богачева с полным основанием можно отнести к числу наиболее интересных научных Института экономики РАН (ранее, при его жизни – Институт экономики АН СССР). Его позиции в отечественной экономической науке определялись в первую очередь не числом и объемом публикаций, хотя практически каждая из них была и остается востребованной с точки зрения объективного восприятия того, что характеризовало экономику России на протяжении специфического периода – сначала подъема, а затем и деградации системы планового хозяйствования. Главное в научной деятельности В.Н. Богачева, в его публикациях, выступлениях и пр. – постоянные признаки оригинальности мышления, неординарности выводов и практических рекомендаций; его способность к предвидению основных проблем и направлений дальнейшего развития отечественной экономики. Современники отмечали необычайное остроумие Виктора Николаевича, его способность четко и в доступной форме изложить смысл и значение любой экономической теории. Именно эти качества вспоминаются нам прежде всего при обращении к работам В.Н. Богачева и его научному наследию в целом.

В.Н. Богачев родился 12 мая 1929 г. в Москве. В 1951 г. с отличием окончил Московский Государственный экономический институт и практически сразу начал активную научную

деятельность. В 1951–1957 гг. В.Н. Богачев работал в секторе размещения производительных сил Института экономики АН СССР. Сочетая теоретические исследования с изучением конкретной практики хозяйствования, В.Н. Богачев участвовал в Дальневосточной и Бурятской экспедициях Института.

В 1957–1961 гг. В.Н. Богачев – сотрудник редакции журнала «Вопросы экономики», в т.ч. в должности заместителя главного редактора журнала. Как полагали коллеги, именно работа в ведущем экономическом журнале страны сформировала поистине энциклопедический характер научной эрудиции Виктора Николаевича, его способность разбираться в различных научных концепциях и давать им объективную оценку.

С 1961 г. по 1965 г. В.Н. Богачев снова трудится в Институте экономики АН СССР. В этот период, работая в секторе эффективности капитальных вложений и внедрения новой техники, В.Н. Богачев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Норма сравнительной эффективности вариантов капитальных вложений (элементы теории и принципы расчета)» (1965 г.). Результаты этого исследования легли в основу изданной им в 1966 г. монографии «Срок окупаемости».

В 1965 г. В.Н. Богачев по приглашению СО АН СССР переезжает в Новосибирский Академгородок, где в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР руководит сектором эффективности капитальных вложений и проблем строительного производства Сибири. Одновременно он читает курс истории экономических учений в Новосибирском университете; участвует в создании журнала «Экономика и организация промышленного производства» («ЭКО»). Здесь же он защищает докторскую диссертацию на тему «Норма эффективности и дисконтная ставка (вопросы экономико-математического анализа)» (июнь 1975 г.).

В 1976 г. В.Н. Богачев возвращается в Москву. Продолжая научные исследования, он работает в секторе эффективности темпов и пропорций общественного производства Института

экономики АН СССР. Этим сектором в данный момент руководил член-корр. АН СССР А.И. Ноткин. С 1982 г. В.Н. Богачев сам возглавляет данное научное подразделение института и одновременно преподает в Академии народного хозяйства при Совете министров СССР. Последние четыре года жизни – с 1987 по 1991 г. – В.Н. Богачев трудился в секторе методологии политической экономии социализма.

В.Н. Богачев и вопросы планирования и эффективности хозяйственной деятельности

Ключевым предметом исследований В.Н. Богачева за всю научную деятельность стала советская хозяйственная система. В его работах эта система получала вполне объективный анализ и оценку, равноудаленные как от слепого безграничного восхваления, так и от голого критиканства, лишенного позитивного конструктивного элемента для экономической теории и практики хозяйствования. В.Н. Богачев, несомненно, принадлежал к той когорте советских экономистов, которые, внешне не выходя за допустимые в те годы рамки негатива в отношении советской плановой системы, тем не менее в полной мере видели нарастающую дефектность этой системы, четко осознавали потребность в ее реформировании и давали в этом отношении научно обоснованные рекомендации. Разумеется, само понятие реформирования в тот период неизбежно укладывалось во вполне определенные рамки, не допускавшие мысли о демонтаже основ этой плановой системы в целом.

Для В.Н. Богачева, как и для многих других ученых-экономистов того периода, средством лечения советской хозяйственной системы виделась прежде всего теория и практика оптимального планирования, вокруг чего в 1960–1970-е гг. велись самые острые научные дискуссии. Целью этих дискуссий стали теоретическое обоснование и практическая интерпретация методов планирования и управления, позволяющих существенно повысить эффективность важнейших плановых решений (в том числе в инвестиционной сфере), а также

эффективность всей системы хозяйствования и управления в целом. Поэтому содержательным стержнем научной деятельности на данном этапе В.Н. Богачева стали именно проблемы эффективности и оптимизации управленческих процессов в народном хозяйстве.

Здесь В.Н. Богачев сумел реализовать поистине новаторские подходы к рассмотрению данной группы проблем. Ему удалось направить это рассмотрение в конструктивное русло обсуждения процедур и механизмов согласования народнохозяйственных и локальных критериев оптимальности и эффективности. Другая особенность теоретико-методологического подхода В.Н. Богачева при исследовании проблем оптимальности и эффективности — последовательный учет фактора времени в применяемых моделях и последовательное утверждение того, что время является экономической категорией.

Подход В.Н. Богачева к решению как научных, так и прикладных проблем оптимального управления опирался на принцип взаимозаменяемости текущих и капитальных расходов и поиск оптимального их соотношения, что в тот период получило определение как теория эффективности капитальных вложений. Такой методологический подход позволил В.Н. Богачеву и другим экономистам проводить подобные исследования по различной тематике, используя сходный математический аппарат и методы исследования.

Что касается непосредственно строительной сферы, то здесь основной идеей автора и его коллег по ряду публикаций (А.Г. Лавров, С.А. Суспицын, В.И. Клиторин и др.) было четкое обоснование того, что для крупных региональных инвестиционных программ и проектов всегда должен определяться и строго соблюдаться оптимальный срок реализации. Отклонение от такового приводит как к народнохозяйственным, так и к локальным экономическим потерям. Эта идея иллюстрировалась авторами на примере программ формирования Братского и Усть-Илимского территориально-производственных комплексов Восточной Сибири, а также программы освоения зоны, прилегающей к Байкало-Амурской

железнодорожной магистрали. При этом основные результаты и рекомендации, сформулированные авторами, касались организации и инфраструктурного обеспечения строительства как в пределах «обустроенных» территорий, так и в районах пионерного освоения².

Возвращение В.Н. Богачева в Институт экономики АН СССР неизбежно потребовало его обращения к научной тематике, которая на том этапе, несомненно, занимала одно из центральных мест в исследованиях Института в целом, и сектора, руководимого А.Н. Ноткиным в частности. Речь идет о проблеме интенсификации общественного производства. В.Н. Богачев полагал, что в методологическом отношении вопросы интенсификации не могут быть отделены от проблем эффективности общественного производства: и в том, и в другом случае речь в конечном счете идет о сравнении затрат с результатами. По его мнению, эти понятия во многом соотносились как цель (эффективность) и как главное средство ее достижения (переход к интенсивному типу воспроизводства).

В.Н. Богачев был сторонником углубленного понимания сущности и методов измерения интенсивного типа воспроизводства. Как отмечал В.Н. Богачев, наука в данном направлении столкнулась с целым рядом нерешенных задач, а именно с тем, какой показатель служит адекватным мерилом конечных результатов хозяйствования на общественном уровне; рост чего должен быть разложен на экстенсивные и интенсивные факторы; что подразумевается под соразмерностью (или несоразмерностью) динамики расхода первичных ресурсов в условиях неизбежных и закономерных изменений их структуры.

Анализируя данную проблему, В.Н. Богачев критиковал многие традиционные подходы и предлагал несколько оригинальных вариантов ее решения. В частности, в виде агрегата затрат (!) он предлагал использовать показатель национального дохода. При этом он отмечал: «Национальный

2. См.: Клиторин В.И. Виктор Николаевич Богачев. 1929–1991 // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2009. Т. 9. №1. С. 141–148.

доход, подсчитанный по месту создания и фиксирующий сумму денежных выплат используемым факторам производства, как нельзя лучше характеризует объем общественных затрат в фактически сложившемся масштабе цен... К нему следует добавить годовой фонд амортизации. Эта сумма и составит полный национальный расход в денежной форме». С этим расходом должны быть соотнесены такие агрегаты, как: а) «эффективный фонд потребления» (очищенный от потребительских товаров и услуг, навязанных потребителю³, и избыточного, несоответствующего спросу количества поставляемых изделий); б) «конечный результат капиталовложений» (как в части расширения фондов, так и по различным направлениям их модернизации).

В.Н. Богачев отмечал: «Предлагаемое сопоставление суммы «эффективного фонда потребления» и «конечного результата капиталовложений» с денежной величиной первичных затрат — национального дохода плюс амортизации представляет собой как коэффициент полезного действия наличных народнохозяйственных ресурсов в фактическом их составе и текущей оценке⁴. Эти интересные взгляды, во многом противоречившие традиционным на тот момент взглядам на проблему эффективности и интенсификации (национальный доход как выражение результата, а не затрат), к сожалению, в основном остались на уровне научной гипотезы. Конечно, теоретически и сейчас можно было бы осуществить расчеты по схеме оценки эффективности, предложенной В.Н. Богачевым, однако предположить, какой практический смысл они могли бы иметь в настоящее время, достаточно сложно.

Следует отметить, что в данный период В.Н. Богачев также обратился к проблематике регионального развития,

3. По мнению В.Н. Богачева, тотальный дефицит потребительских товаров, свойственный советской экономике, порождал у населения не только вынужденные сбережения, но и вынужденные покупки как средство защиты от потенциального дефицита тех или иных товаров в последующем.
4. См.: К вопросам теории и методологии национального богатства (Проблемы национального богатства в трудах д.э.н. Богачева). М.: ИЭ РАН. 1995. С. 49.

прежде всего, на примере такого макрорегиона, как Сибирь. Он рассматривал регион как особый субъект хозяйствования, важнейшей задачей которого является регулирование уровня и динамики издержек предприятий посредством развития региональной инфраструктуры.

В.Н. Богачев и проблемы воспроизводства общественного (национального) богатства

После возвращения в Институт экономики АН СССР В.Н. Богачев также много и интересно работал в области воспроизводства и оценки национального (общественного) богатства, неизменно привлекая внимание как сторонников, так и оппонентов своих научных взглядов. Здесь надо отметить, что в своих работах В.Н. Богачев периодически использовал оба понятия – и общественное, и национальное богатство, не проводя между ними четких различий. Во всяком случае, в работах В.Н. Богачева нам не удалось найти конкретных указаний на различия в этих двух определениях богатства, хотя такую попытку предпринимали некоторые другие авторы. Кроме этого, В.Н. Богачев использовал термин «экономическое богатство», видимо, как максимальное приближение богатства к признакам экономической категории. Главными из этих признаков в отношении богатства данный автор считал следующее: а) богатство формируется исключительно запасами и не включает никаких элементов потока выпуска или дохода; б) неотъемлемым признаком элементов, формирующих «экономическое богатство», является то, что любой из них так или иначе охвачен отношениями собственности, т.е. представляет собой имущественный объект. При этом второй из названных признаков распространялся автором и на такой элемент богатства, как природные ресурсы (см. ниже).

Такой поворот В.Н. Богачева в сторону проблематики богатства не виделся как принципиальный отход от ранее выбранного вектора научных исследований данного автора. Это связано с тем, что в трендах динамики и структуры богатства В.Н. Богачев видел одним из важных индикатор-

ров эффективности общественного производства и перехода к его преимущественно интенсивному типу. Более того, В.Н. Богачев, несомненно, ратовал за усиление роли богатства как измерителя экономического роста в целом. Такой подход, по его мнению, объективно отвечал структурным изменениям в общественном производстве и потреблении.

Как отмечал В.Н. Богачев, рост общественных потребностей и сопровождающие его структурные сдвиги в экономике обуславливают повышение воспроизводственной роли накопленного имущества и других (в частности, природных) элементов богатства. Отсюда невозможна и исчерпывающая оценка экономических результатов воспроизводственного процесса, его эффективности лишь в терминах текущего выпуска⁵. Однако это интересное направление исследований далее, сожалению, не получило развернутого развития в отечественной экономической науке, поскольку в новых условиях само понятие эффективности как макроэкономической категории наполнилось качественно иным содержанием.

Но названное выше – лишь один из аспектов тех существенных новаций, которые В.Н. Богачев внес в круг вопросов, касающихся национального богатства и методологии его оценки. Нельзя не сказать о развитии данным автором общих представлений о сути и структуре богатства как воспроизводственной категории в целом. Следует отметить, что в тот период данный круг вопросов оставался предметом острых научных дискуссий, часто с выражением просто диаметрально противоположных точек зрения. По сути, в центре дискуссий оставался следующий тезис: можно ли утверждать, что всякое богатство обязательно является результатом той или иной формы накопления и, напротив, всякое накопление в той или иной форме обязательно ведет к приращению или, как полагал В.Н. Богачев, предотвращению убыли того или иного элемента национального богатства. В более практическом плане можно выделить два дискуссионных аспекта понимания

5. Там же. С. 13.

и оценки богатства, а именно включение или невключение в состав богатства природных ресурсов (если да, то в какой мере) и, соответственно, включение или невключение в состав богатства так называемого человеческого капитала.

Пытаясь найти ключ к решению данной проблемы, В.Н. Богачев акцентировал внимание на необходимость базировать общее понимание богатства и методологию его оценки на развитии теории воспроизводства. Общее понимание богатства и его границ, по его мнению, должны строиться на базе строго научной концепции общественного воспроизводства и ее сердцевины – теории накопления, хотя это и не означает, что эти теоретические посылки не могут стать объектом творческого развития. В.Н. Богачев неизменно находился на следующей позиции: если есть некое благо долговременного пользования и неким образом полученная его экономическая оценка, то это еще недостаточное условие, для того чтобы включить данное благо в состав национального богатства⁶. Нельзя, как отмечал В.Н. Богачев, объявлять то или иное экономически ценностное понятие формой (составляющей) богатства, ссылаясь лишь на впечатления его важности, значимости и пр., и даже располагая некими, часто достаточно примитивными приемами его количественной оценки. Впрочем, В.Н. Богачев допускал и иные подходы к решению данной проблемы, в частности через представление природных ресурсов в качестве забалансовых статей богатства, измеренных своей естественной мерой, не сопоставимой с измеренными в рублях имущественными благами.

Что касается названных выше двух возможных слагаемых богатства – человеческого капитала и природных ресурсов – то здесь мнение В.Н. Богачева обозначилось следующим образом. Включение в состав богатства «человеческого капитала» полагалось им неоправданным. Человек, отмечал данный автор, «не средство производства, а его цель. Воспитание

6. В.Н. Богачев особо рассматривал такие блага, потенциально относимые к национальному богатству, как оборонное имущество и невоспроизводимые продукты труда, выступающие объектом рыночного оборота.

и образование, как все прочие формы социально-культурного обслуживания – не «подготовительный цех» общественно-производственной системы, а один из ее конечных выходов⁷. В.Н. Богачев полагал, что в воспроизводственном плане включение «человеческого капитала» в состав богатства, по сути, стирает грань между потреблением и накоплением.

Как мы отмечали в одной из наших работ, В.Н. Богачев «критиковал сторонников «человеческого капитала» с различных сторон, достаточно резко, но всегда очень взвешенно и аргументированно. Сегодня, много лет спустя приходится признать: по многим позициям своих критических высказываний В.Н. Богачев был если не совсем прав (строго говоря, его критика касалась не столько категории человеческого капитала вообще, сколько определенной системы представлений о его сущности и методах измерения), то, во всяком случае, ближе к истине, чем это казалось в те годы»⁸. Кроме того, надо отметить, что, занимая в целом достаточно критическую позицию по вопросу о включении «человеческого капитала» в национальное богатство, В.Н. Богачев разделял мнение о необходимости дальнейшего исследования данной проблемы, в частности с точки зрения оценки эффективности различных составляющих социальной политики государства.

Намного труднее дать однозначное определение того, как В.Н. Богачев трактовал вопрос о включении в состав богатства природных ресурсов и приемлемой в данном случае методов оценки. Представляется, что в данном вопросе формирование авторского мнения осталось во многом мере незавершенным. С одной стороны, В.Н. Богачев отмечал: «Национальное богатство ограничивается, таким образом, совокупностью запасов вещественных ценностей». С другой стороны, им допускалась

-
- 7. Цит. по: К вопросам теории и методологии национального богатства (Проблемы национального богатства в трудах д.э.н. Богачева). М.: ИЭ РАН. 1995. С. 24.
 - 8. Бухвалд Е.М. Воспроизводственные проблемы человеческого (социального) капитала // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Экономика. 2012. №4 (16). С. 22.

возможность оценки природных благ на основе метода расчета восстановительной стоимости и капитализации дифференциальной формы. Имевшиеся на тот момент оценки природных богатств (тогда – СССР) В.Н. Богачев полагал значительно завышенными.

Вместе с тем, разрабатывая концепцию «экономического богатства», В.Н. Богачев декларировал и такой критерий включения природных ресурсов в состав богатства, как их охват отношениями собственности. Он, в частности, отмечал, «границу, отделяющую даровые элементы природной среды от элементов, входящих в «экономическое богатство», можно установить соответственно тому, является ли данный элемент объектов правового имущественного регулирования». Однако сегодня такой подход к выделению «богатства составляющей» доли природных ресурсов представляется достаточно формальным. По сути, можно говорить, что в настоящее время все основные вещные природные блага так или иначе охвачены отношениями собственности. Так, в ч. 2 ст. 9 Конституции РФ (новая редакция) указывается, что «Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности». По сути, складывается ситуация, при которой все основные вещные природные блага (земля, леса, недра), независимо от того, используются они как-то или нет, априори находятся в государственной собственности (федеральной или субъектов Федерации), а также в муниципальной собственности, если в соответствии с законом они не переданы во владение непубличных собственников (например, фермеров и пр.)⁹.

Однако наибольший интерес здесь представляют попытки раскрыть экономическую сущность природных

9. Так, по данным федерального статистического наблюдения, на 1 января 2021 г. в частной собственности находилось 133,0 млн га земельных участков, что составило 7,8% земельного фонда страны. Из них площадь земельных участков, находящихся в собственности граждан, составила 110,1 млн га, или 6,4%; в собственности юридических лиц находилось 22,9 млн га, или 1,4% земельного фонда России. Площадь земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности, составила 1 579,6 млн га, или 92,2% от площади земельного фонда страны.

ресурсов и методы их оценки как элемента национального богатства на основе развития представлений о процессах воспроизводства и накопления. В.Н. Богачев критически относился к широко распространенной в тот период позиции, согласно которой природные ресурсы становятся составляющим национального богатства лишь постольку и в той мере, в какой они заключают в себе накопленные затраты общественного труда.

В.Н. Богачев имел твердое убеждение в том, что описать экономическую сущность природных ресурсов как элемента национального богатства и предложить объективные методы их оценки невозможно, оставаясь в пределах классических представлений о структуре (формах) процессов накопления и воспроизводства. Он отмечал, что в настоящее время многообразие форм воздействия хозяйственной и иной деятельности человека на природную среду столь велико и противоречиво, что все это воздействие уже невозможно наделить неким традиционным «богатство образующим» эффектом. Соответственно, требуются и новые подходы к пониманию процессов, составляющим собой накопление и воспроизводство данного сегмента национального богатства. Как отмечал В.Н. Богачев, под влиянием всех форм человеческой деятельности природные блага из статуса внешнего окружения все более перемещаются в состав общехозяйственной среды и все более выступают не только ресурсным источником, но и прямым результатом воспроизводственного процесса. И здесь В.Н. Богачев сумел выдвинуть ряд оригинальных идей. К их числу следует отнести такие научные гипотезы, как «принцип взаимозаменяемости», возможность «автономной динамики богатства», а также гибкий подход к пониманию признака воспроизводимости благ.

В этой связи очень интересной теоретической новацией В.Н. Богачева в отношении специфики воспроизводства национального богатства следует считать предложенный им «принцип взаимозаменяемости». Суть этого принципа в том, что современные условия хозяйствования формируют некую

альтернативу: предпочтение либо дополнительного выпуска продукции (в т.ч. и за счет дополнительного расходования природных ресурсов), либо сохранения (умножения) тех природных богатств, которые при расширении традиционных видов производства поглощаются, разрушаются или качественно ухудшаются.

Еще одним характерным примером «принципа взаимозаменяемости» может служить реально существующая альтернатива — как для отдельных индивидов, так и общества в целом — между производством дополнительного продукта, увеличения дохода и материального потребления, с одной стороны, а с другой — получения дополнительного фонда свободного времени. Таковое не является особой формой богатства, но в современных условиях все более представляет собой определенную самоценность социального характера.

Логическим развитием сформулированного В.Н. Богачевым «принципа взаимозаменяемости» может считаться предложенная им гипотеза «автономной динамики» богатства. Эта гипотеза, в общем близкая по смыслу к «принципу взаимозаменяемости», также составляет интересную альтернативу традиционной схеме расширенного воспроизводства богатства по формуле «производство — накопление — экономический рост». По мнению В.Н. Богачева, механизм «автономной динамики» состоит в возможности при определенных эколого-экономических условиях обеспечивать приращение или хотя бы простое сохранение богатства, как бы минуя стадию производства и накопления (во всяком случае, в традиционном понимании последнего). Как полагал В.Н. Богачев, в современной экономике возможна и все шире практикуется прямая трансформация производственных возможностей в приращение богатства или предотвращение его убыли, минуя стадию производства и, значит, стадию накопления. Богатство в данном случае, отмечал ученый, увеличивается не в результате интегрирования в запас каких-либо элементов текущего выпуска, а за счет ограничения дохода; в богатство превращается не созданный доход, а доход преднамеренно

упущенный¹⁰. Эти эффекты не могут быть уловлены в объемах национального дохода или какого-либо иного агрегата текущего выпуска продукции. Компенсацией упущеного дохода служит в этом случае сохранение и поддержание в надлежащем состоянии соответствующих элементов общественного богатства.

Вместе с тем, такие интересные теоретические новации В.Н. Богачева, как «принцип взаимозаменяемости» и механизм «автономной динамики» богатства и ранее, и сейчас вызывают определенные вопросы, и даже возражения. Сегодня нельзя не сказать об этих возражениях, ибо они выступают органичной частью понимания значимости научного наследия В.Н. Богачева и его использования в современных условиях.

Прежде всего, исследователи обратили внимание на то, что «принцип взаимозаменяемости» и механизм «автономной динамики» богатства аргументируются автором преимущественно на микроуровне хозяйственных процессов, т.е. на основе примеров, относящихся к отдельным предприятиям, отраслям, технологическим процессам. Справедливость (применимость) этих принципов на макроуровне в данном случае остается под вопросом (хотя, как отмечено ниже, В.Н. Богачев и выступал за обновление систем национального счетоводства).

Кроме того, нельзя не видеть, что практическое применение «принципа взаимозаменяемости» имеет объективные пределы. Действительно, человеческое общество может прекратить всякую хозяйственную деятельность, радостно наблюдая сохранение и прирастание природных богатств. Однако долго это не продлится, поскольку в итоге такого радения о своем богатстве люди просто умрут от голода и холода. В этой связи научно-практическая трактовка «принципа взаимозаменяемости» требует постановки и решения вопроса об оптимальном балансе этого замещения, но в трудах В.Н. Богачева этот аспект проблемы освещения не получил.

10. Богачев В.Н. Тенденции структуры общественного богатства СССР и пропорции воспроизведения // Вопросы интенсификации и сбалансированности расширенного воспроизводства в период развитого социализма / Под ред. А. И. Ноткина. М.: Наука, 1981. С. 204.

Далее, акцентировалось внимание на то, что «принцип взаимозаменяемости» как бы абстрагируется от позитивного влияния факторов научно-технического прогресса. Между тем, современные технологии часто устраниют необходимость жесткого выбора: или получение дополнительной продукции, или сохранение природных ресурсов и среды обитания в целом при условии жесткого эколого-экономического и технологического контроля в производстве. Противоречия «взаимозаменяемости» (или продукция / или богатство) все более устраняются за счет использования природосберегающих технологий, привлечения в хозяйственный оборот вторичных ресурсов и пр.

Наконец, следует признать, что гипотеза выдающегося ученого относительно «принципа взаимозаменяемости» скорее всего не нашла подтверждения и на практике. Как хорошо известно, значительные масштабы падения промышленно производства в стране в 1990-е годы привели лишь к ограниченному позитивному эффекту в смысле снижения темпов и общих масштабов загрязнения природной среды. Во многом это было связано с тем, что предприятия в ходе кризиса и нарастающих финансовых трудностей первым делом сбрасывали удорожающие производство эколого-защитные системы, большинство из которых сегодня не функционирует.

Таким образом, сегодня, на основе опыта длительной полосы развития российской экономики можно с достаточной степенью достоверности свидетельствовать: гипотезы «прямой трансформации» и «автономной динамики богатства» возможны лишь как некий частный случай в экономике. Однако в качестве доминирующей тенденции в сфере воспроизведения природной среды и общественного богатства в целом эти гипотезы имеют лишь ограниченное значение и долговременных, наиболее значимых экономических и научно-технологических тенденций развития в полной мере не отражают.

Есть еще один важный аспект проблемы. В.Н. Богачев в основном разрабатывал вопросы, касающиеся новых зако-

номерностей и механизмов воспроизведения богатства. Однако разработка этих вопросов в отношении богатства требовала хотя бы общих указаний на модификацию основных параметров (ключевых категорий) текущего выпуска (продукта). Особо значимым этот тезис представляется в свете обоснованного и четко выраженного желания ученого взглянуть на всю проблематику богатства исключительно с позиции теории воспроизведения и развития всех ее категорий. Однако на деле получалось противоречиво: представления о сущности богатства и механизмах его воспроизведения Богачевым постоянно развивались, а вот его понимание продукта и дохода оставалось как бы неизменным. Между тем, основные категории воспроизведения представляют собой тесно взаимосвязанную систему, в которой развитие одних составляющих неизбежно должно вносить корректизы во всю систему этих категорий в целом. Так, неоднократно упоминавшаяся В.Н. Богачевым ситуация «преднамеренно упущенного дохода» ради сохранения (умножения) богатства наверняка могла бы иметь оборотную сторону в виде альтернативных форм продукта и дохода. Практически это означает, что признание экономической реальности названных выше новаций в отношении динамики богатства и условий его роста (сохранения) требует, по сути, полной реконструкции теории воспроизведения. Нельзя говорить о правомочности и практической значимости этих новаций как о серьезном результате и объекте научных исследований, пока все остальные компоненты теории воспроизведения (прежде всего продукт, доход, накопление и пр.) остаются без соответствующего обогащения. Однако ради справедливости отметим, что в связи со сформулированными им новациями в отношении сущности категории богатства и факторов его динамики В.Н. Богачев все же высказывался за реформирование всей системы национального (общественного) счетоводства в целом.

В этом смысле практическая значимость этого направлений исследований В.Н. Богачева состоит в том, что наряду

с работами других ученых им были заложены основы концепции так называемого эколого-экономического счетоводства. Таковое предполагает несколько иные подходы к исчислению валового внутреннего продукта (ВВП), в рамках которых все, сделанное для сохранения и приращения природных богатств, учитывается как часть такого продукта. Хотя эти подходы не получили официального признания и осуществляются только экспериментально, они дают возможность обогатить наши представления об особенностях воспроизводственных процессов в современной экономике.

В.Н. Богачев: мысли на изломе социально-экономических систем

Сразу после «старта» глубоких социально-политических и экономических реформ в России многие отечественные ученые, в том числе и экономического профиля, поспешили выступить с заявлениями о том, что они якобы в полной мере предвидели подобный поворот событий, осознавали тупиковый характер плановой системы советского типа, бесмысленность попытка ее косметического реформирования, и даже неизбежность полномасштабного перехода страны к рыночным началам хозяйствования. За подобными утверждениями очень часто не было ничего, кроме конъюнктурных настроений отдельных представителей экономической науки.

Между тем, целый ряд последних по времени работ В.Н. Богачева позволили ему активно включиться в полемику по поводу совершенствования механизмов управления и обсуждения мер «перехода к рынку» в период так называемой перестройки и гласности. При этом определенный скептицизм в отношении так называемых реформ, свойственный многим работам В.Н. Богачева, еще в 1970-е годы, судя по его последним статьям, постоянно нарастал. Формально оснований для этого вроде бы и не было. В стране постоянно расширялось поле для научных дискуссий; все меньшие становился круг тем, запретных для обсуждения; все больше при обсуждении путей дальнейшего развития экономики страны использовались идеи

и термины, более свойственные экономике рыночного типа. Однако В.Н. Богачев отчетливо видел конъюнктурность многих из этих идей, упрощенность и схематичность их представлений о началах рыночной экономики и путях ее становления. Автор четко осознавал явную недооценку со стороны большинства представителей экономической науки глубины необходимых стране социально-экономических преобразований, равно как и их возможных последствий. Как отмечали коллеги В.Н. Богачева по работе в журнале «ЭКО» Т.Р. Болдырева и Ю.П. Воронов, в последних по времени работах и в борьбе Виктора Николаевича — как ученого и как журнального редактора — с ветряными мельницами пустословия и словоблудия все более виделся оттенок обреченности¹¹. Однако это не мешало В.Н. Богачеву до последних дней научной деятельности выступать с комментариями и предложениями, сохранившими свою практическую значимость и до наших дней.

К сожалению, В.Н. Богачев не дожил до момента, когда можно было бы попробовать сформировать и реализовать некую стратегию реформ, так или иначе основанных на его теоретических положениях. Однако многое в отношении таких реформ — как позитивного, так и негативного свойства — ему удалось предугадать достаточно точно. Как мы отмечали в 1995 г., целый ряд работ В.Н. Богачева и сформулированных в них положений во многом могут быть определены «как начальный теоретический фундамент нового экономического мышления и реализации принципиально иной модели хозяйствования, качественно новых установок (приоритетов) экономического роста, новых подходов к пониманию закономерностей воспроизводственного процесса»¹². Содержащиеся в его статьях последних лет оценки и прогнозы оказались удивительно точными. Ныне они представляют несомненный интерес не только для историков науки, но и для специалистов

-
11. Болдырева Т.Р., Воронов Ю.П. Наш дорогой господин научный профессор (К 90-летию со дня рождения В.Н. Богачева) // ЭКО. 2018. №5. С. 177.
12. К вопросам теории и методологии национального богатства (Проблемы национального богатства в трудах д.э.н. Богачева). М.: Э РАН. 1995. С. 139.

в области государственного управления, финансовых механизмов и институциональных основ современной экономики.

С методологической точки зрения, будучи последовательным сторонником применения математических методов в экономических исследованиях, В.Н. Богачев, как его ученики, тем не менее прекрасно понимали различие между теоретическими и прикладными моделями. Первые он рассматривал как язык науки, позволяющий преодолевать схоластические методы в научной дискуссии, а вторые – как методы получения количественных оценок и конкретных практических рекомендаций.

Прежде всего следует отметить, что в практическом плане В.Н. Богачев, будучи сторонником использования рыночных начал хозяйствования, все же предостерегал от эйфории надежд на механизмы рыночной саморегуляции. Как отмечал В.Н. Богачев в последней из своих опубликованных статей, «повышение эффективности хозяйствования требует рыночной самоорганизации везде, где спонтанная координация хозяйственных действий возможна и целесообразна», – но при этом одновременно подчеркивал: «Рынок» – слишком общее и пустое определение, чтобы обозначать им цель социально-экономических преобразований¹³.

Основой его представлений о новой экономике для страны были институты оптимального планирования в пределах «необходимого минимума» государственного регулирования, демократизации хозяйственного управления и полного хозяйственного расчета, реализующего прежде всего не локальный, а общегосударственный экономический интерес¹⁴. Однако, будучи приверженцем идеи названного «полного хозрасчета», он ясно представлял ограниченность последнего в условиях директивных, а следовательно, негибких цен. Также Богачев не считал актуальной, и тем более первоочередной задачей экономических реформ «освобождение цен» и приватизацию как основу для формирования рыночных отношений. Он полагал,

13. Богачев В.Н. Рынок, собственность, справедливость // Экономические науки. 1991. №5. С. 15.

14. См.: Богачев В.Н. Прибыль.: О рыночной экономике и эффективности капитала. М.: Финансы и статистика. 1993. С. 15, 24, 57 и др.

что рынок не может исправно функционировать без предпринимателя, а формирование такого типа хозяйствующих субъектов весьма затруднено, особенно когда выработана многолетняя привычка решать вопросы управления производством методами административно-командного хозяйствования. В этом хорошо виден точный прогноз того, что на деле принесла российской экономике одномоментная либерализация цен и обвальная приватизация государственной собственности, якобы нацеленная на формирование в экономике страны института «эффективных собственников».

Другим ярким примером научного предвидения В.Н. Богачева, сделанным им на основе сформулированных в его работах принципов «взаимозаменяемости» и «автономной динамики», может служить его предложение реорганизации «общественного счетоводства». Он также критиковал теорию «пределов роста», полагая, что необходимо не говорить о неких «пределах роста», а внести корректировки как в само понимание «экономического роста», так и в методы его изменения в пользу показателей динамики и структуры общественного богатства.

Можно констатировать, что В.Н. Богачев отчетливо видел нарастание кризисных явлений в национальной экономике в наблюдаемый им период. Однако, судя по всему, эти кризисные явления не виделись им как полный крах экономической системы социализма как таковой (многие современники и коллеги отмечали его приверженность идее конвергенции двух систем). Он отмечал: «Субъективно нарастание неуправляемости экономического и социального развития воспринято многими как крах самой идеи социализма»¹⁵. Объективно оценивая всю сложность социально-экономической ситуации в стране, проблемность избранного курса реформ, В.Н. Богачев, видимо, все же считал эти проблемы в принципе решаемыми. Он писал: «Сознание надвигающейся национальной беды, угроза скатиться в водоворот

¹⁵. Богачев В.Н. Освоить бы накопленное // ЭКО. 2019. №5. С. 185 (перепечатка данной статьи в ЭКО, 1989. № 6. С. 119–133).

слаборазвитости должны побудить народ к осознанию солидарной ответственности за судьбы страны...»¹⁶.

Судя по публикациям 1989–1991 гг., В.Н. Богачев был очень озабочен отсутствием четкой стратегии экономической реформы в стране. Он писал: «Легко соблазниться иллюзией, будто рынок автоматически формирует общественно полезные стереотипы, поскольку его агенты отвечают «собственной» собственностью... Оздоровление экономики, как и общества, связано с процессами демократизации, с формированием структур хозяйственного народовластия»¹⁷. При этом он отмечал, что и в рамках такого процесса, как «демократизация хозяйственного управления» «остается необходимость государственного управления ... в частности, пресечение монополистических пополновений; консультационно-информационное обслуживание предприятий»¹⁸. Конечно, далеко не все из названных выше интересных положений В.Н. Богачева поддаются сегодня однозначному толкованию. Так, можно по-разному трактовать такие установки, как «демократизация хозяйственного управления», «формирование структур хозяйственного народовластия» и пр. Например, на начальном этапе реформ действительно зарождался слой «арендных» и «народных» предприятий, который, однако, так и не получил значимого развития, зато концентрация производства и капитала в экономике страны получила в итоге беспрецедентные, олигархические масштабы.

Теперь каждый читатель вправе решать самостоятельно: был ли В.Н. Богачев прав в этих надеждах на реформы, на формирование систем хозяйствования и управления, ориентированных на общенародные интересы, и в какой мере они оправдались на деле.

16. Там же с. 189.

17. Богачев В.Н. О хозяйственной власти, деньгах и немного о мифотворчестве // Вопросы экономики. 1989. № 9. С. 66.

18. Богачев В.Н. Полный хозрасчет и централизованное хозяйственное управление // Вопросы экономики. 1988. № 5. С. 12.

Основные работы В.Н. Богачева

- Богачев В.Н. «Срок окупаемости». Теория сравнения плановых вариантов. М.: Экономика, 1966.
- Богачев В.Н. Программы хозяйственного освоения восточных районов СССР. М.: Экономика. 1974 (в соавторстве с О.С. Пчелинцевым).
- Богачев В.Н. Национальное богатство в системе воспроизводственных категорий развитого социализма. Препринт доклада. М.: ИЭ АН СССР. 1977.
- Богачев В.Н. Национальное богатство в системе социалистического воспроизводства // Экономический строй социализма: В 3 т. М.: Экономика. 1980. Т. 3, гл. 12.
- Богачев В.Н. Тенденции структуры общественного богатства СССР и пропорции воспроизводства. В кн.: Вопросы интенсификации и сбалансированности расширенного воспроизводства в период развитого социализма / Под ред. А. И. Ноткина. М.: Наука, 1981. С. 201–223.
- Богачев В.Н. О так называемом «социальном эффекте» и его соотношении с эффектом экономическим // Проблемы народнохозяйственного критерия оптимальности. М.: Наука. 1982. С. 74–81.
- Богачев В.Н. Прибыль?.. О рыночной экономике и эффективности капитала. М.: Финансы и статистика. 1993.
- Богачев В.Н. Интенсификация и денежные аспекты воспроизводства // в кн.: Расширенное воспроизводство в условиях интенсификации экономики. М.: Наука. 1986. С. 327–344.
- Богачев В.Н. Полный хозрасчет и централизованное хозяйственное управление // Вопросы экономики. 1988. №5. С. 3–15.
- Богачев В.Н. О хозяйственной власти, деньгах и немного о мифотворчестве // Вопросы экономики. 1989. №9. С. 57–67.
- Богачев В.Н. Освоить бы накопленное // ЭКО. 1989. №6. С. 119–133 (перепечатано с сокращениями в: ЭКО. 2019. №5. С. 183–192).
- Богачев В.Н. Увековечить стагфляцию // Вопросы экономики. 1991. № 1. С. 3–16.
- Богачев В.Н. Рынок, собственность, справедливость // Экономические науки. 1991. № 5. С. 14–23.
- Богачев В.Н. Регионы России: теория, проблемы Сибири, экономика строительства / Отв. ред. О.С. Пчелинцев, С.А. Суспицын.

Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1999. Богачев В.Н. Народнохозяйственная эффективность и затратный механизм. Избранные труды / Сост. О.С. Пчелинцев. М.: Наука, 2006.

Литература о В.Н. Богачеве

Болдырева Т.Р., Воронов Ю.П. Наш дорогой господин научный профессор (К 90-летию со дня рождения В.Н. Богачева) // ЭКО. 2019. № 5.

Клиторин В.И. Виктор Николаевич Богачев. 1929–1991 // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2009. Т. 9. №1. С. 141–148.

К вопросам теории и методологии национального богатства (Проблемы национального богатства в трудах д.э.н. Богачева). М.: ИЭ РАН. 1995.

Л.Б. Вардомский, д.э.н.

**ГЛИНКИНА
СВЕТЛАНА ПАВЛОВНА
(1954–2019)**

Период конца 1980-х – начала 1990-х годов ознаменовался тектоническими изменениями мировой геополитической карты, обусловленными крахом социалистической системы и связанного с ним развалом биполярного мироустройства. В этот период динамично шла глобализация мировой экономики, выстраиваемая под интересы развитой части мира, бурно шел европейский интеграционный процесс.

На смену трансформаций, произошедших в 1990-е годы, в 2000-х и 2010-х годов пришли новые драматичные процессы, которые проистекали из изменившейся структуры международных отношений. В мировой экономике появились новые лидеры, среди развивающихся стран стала расти спрос на более справедливые экономические отношения с развитыми странами, проамериканская глобализация забуксовала, экономически и политически окрепла Россия и другие постсоветские страны, а пространство, занимаемое этими странами, стало ареной не только для евразийских интеграционных процессов, но и для обострения коренных противоречий в интересах РФ и стран Запада.

В плеяде ученых Института международных экономических и политических исследований РАН (ИМЭПИ РАН), а затем и научного направления «Международные экономические и политические исследования» Института экономики РАН, возглавивших и организовавших исследования проблем

бывших социалистических стран в это динамичное время, ярко проявила себя Светлана Павловна Глинкина, которая была заместителем директора ИМЭПИ РАН и Института экономики РАН, возглавляла указанное научное направление.

Основные вехи пути в науке

Светлана Глинкина появилась на свет в конце 1954 г. в древнем городе Новгороде в семье служащих. Светлана Павловна скончалась 20 ноября 2019 г. И город ее рождения, и семья сыграли, на наш взгляд, важную роль и в ее судьбе, и в ее становлении как крупного ученого-международника. Исторически возвышение Великого Новгорода неразрывно связано с его ролью ведущего центра международных отношений древнерусского государства, и гений этого места создавал людей, способных ставить и решать большие задачи.

В 1972 г. Светлана Павловна с золотой медалью окончила новгородскую школу № 2 и поступила в Московский государственный институт международных отношений МИД СССР на факультет международной журналистики. Согласитесь, поступить в такой престижный и полузакрытый для широкой молодежной массы ВУЗ – дорогого стоит. Светлана в начале своей жизненной карьеры оказалась готова взять этот сверхвысокий для большинства молодых людей барьер. В 1977 г. она с отличием окончила МГИМО, получив специальность журналиста-международника и став одним из немногих в СССР квалифицированных специалистов по Венгрии.

Поступив в аспирантуру Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (ИЭМСС АН СССР) в 1977 г., Светлана Павловна связала свою дальнейшую жизнь с академической наукой. В 1981 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Использование кооперативной формы хозяйства в промышленности, сфере услуг и строительстве на современном этапе развития социалистического общества в ВНР». Ее научным руководителем был известный ученый К.И. Микульский.

По окончании диссертационных дел началась трудовая деятельность С.П. Глинкина прошла путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора сначала ИЭМСС АН СССР, а затем созданного на его основе ИМЭПИ РАН. В 1998 г. защитила докторскую диссертацию «Формирование частного сектора в постсоциалистических странах Центрально-Восточной Европы».

После слияния ИМЭПИ РАН и Института экономики (ИЭ) РАН в 2005 г. С.П. Глинкина работала заместителем директора ИЭ РАН. С 2015 г. по 2019 г. являлась руководителем научного направления «Международные экономические и политические исследования» Института экономики РАН. Следует также отметить, что С.П. Глинкина работала в Московской школе экономики МГУ им. М.В. Ломоносова с момента ее основания в 2004 г., а с 2008 по 2019 г. возглавляла кафедру общей экономической теории.

Научные интересы Светланы Павловны были весьма обширны. Она начала с исследования малых форм хозяйственной деятельности в постсоциалистических странах, затем освоила весьма сложную и рискованную тему «теневой экономики» и коррупции, заслужив этим немалый авторитет в зарубежных и отечественных научных кругах. Позднее С.П. Глинкина увлеклась вопросами рыночной трансформации в постсоциалистических государствах, тем более что пришло время осмыслить, к чему привела эта трансформация и какие модели капитализма были реализованы в рассматриваемых странах. Этим вопросам был посвящен ряд крупных работ, имевших немалый научный резонанс. Исследования велись в тесной увязке с ходом интеграционных процессов и результатами структурной модернизации национальных экономик. В 2010-х годах Светлана Павловна уделяла также большое внимание исследованию геополитических факторов евразийской интеграции и роли Китая в развитии стран ЦВЕ и постсоветских стран. Ее разнообразные научные интересы объединяло то, что они были привязаны к странам – соседям России, которые в быстро меняющихся геополитических

условиях играли особую роль, как в экономическом развитии, так и безопасности нашего государства. Эти страны получили название «российский пояс соседства».

Профессор С.П. Глинкина была приверженцем коллективных исследований. Она была одновременно и руководителем, и соисполнителем научных работ разного формата. В рамках создаваемых ею научных коллективов шло активное обсуждение хода исследований, определялись наиболее интересные подходы и делались содержательные выводы. На этой основе выходили в свет интересные научные доклады и монографии. Широкий научный кругозор, педагогические и организаторские способности С.П. Глинкиной органично дополняли друг друга, что шло на пользу ее научным интересам и увлечениям. Все это положительно сказывалось на исследовательской деятельности возглавляемого ею направления ИЭ РАН, что можно проследить по результатам его работы.

От трансформации к моделям капитализма

В 1990-е годы перед ИМЭПИ РАН стояла задача исследования системной трансформации бывших социалистических государств. Эмпирическую основу проводившихся исследований составляло изучение социально-экономического развития постсоциалистических стран и интеграционных процессов, в которые они были вовлечены. На этой основе анализировались взаимосвязанные вопросы их политической, социальной и экономической трансформации, модернизации, регионализации и глобализации. В организации этих исследований ведущую роль сыграла С.П. Глинкина. Итоги исследований наиболее полно и комплексно были отражены в трехтомнике «Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформации в конце XX – начале XXI века», вышедшем под редакцией А.Д. Некипелова, С.П. Глинкиной и И.И. Орлика в 2000 и 2002 г. в издательстве «Наука». Впоследствии уже под непосредственным руководством С.П. Глинкиной итоги трансформации на более широком временном горизонте и с более широким географическим охватом (для всего «пояса

соседства» России) были проанализированы в трехтомнике «Постсоциалистический мир: итоги трансформации» (под общей редакцией С. П. Глинкиной). Отдельные тома были посвящены регионам Центрально-Восточной Европы, постсоветскому пространству, социалистическим и постсоциалистическим странам Восточной и Юго-Восточной Азии. Они вышли в свет в 2017–2018 гг.

Важные теоретические обобщения процесса трансформации были сделаны С.П. Глинкиной в докладе 2008 г. «Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций», где она обосновала необходимость анализа посткоммунистических трансформаций на национальном, региональном (в рамках региональных интеграций) и глобальном уровнях¹.

Со временем, по мере изменения ситуации и под влиянием накопленного эмпирического материала, возникла потребность оценить итоги произошедшей трансформации и их эффекты. В 2013 и 2015 г. С.П. Глинкина и Н.В. Куликова написали несколько статей на эту тему², а в 2016 г. Светлана Павловна опубликовала доклад «К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации»³. В этой работе она подробно рассмотрела некоторые методологические подходы к анализу разнообразия моделей современного капитализма и на основе исследования результатов рыночных трансформаций сделала вывод о возникновении на постсоциалистической почве несвойственных для развитых западных государств моделей капитала.

1. Глинкина С.П. Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций. Научные доклады ИЭ РАН. М. 2008. С. 29.
2. Глинкина С.П., Куликова Н.В. Трансформация и ее социально-экономические эффекты в Центральной и Восточной Европе // Белорусский экономический журнал. 2013. № 3; Глинкина С.П., Куликова Н.В. Заемствование рыночных институтов развитых стран: опыт Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. 2015. № 4; Глинкина С., Куликова Н. Евроинтеграционная модель постсоциалистической трансформации стран Центрально-Восточной Европы и их экономическая динамика // Российский экономический журнал. 2016. № 4.
3. Глинкина С.П. К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации: доклад. М.: ИЭ РАН, 2016.

лизма. Речь идет о государственном, клановом, зависимом или периферийном капитализме, для которых характерны альтернативные экономические механизмы координации, тесно связанные с относительно стабильным набором комплементарных институтов, обеспечивающих странам специфические сравнительные преимущества. Светлану Павловну особенно беспокоила институциональная гибридность экономических систем в России и других странах СНГ, которая порождала многочисленные дисфункции управления, осложняла проведение структурных реформ и модернизацию экономики.

В своих работах С.П. Глинкина доказывала, что внедренные модели капитализма в рассматриваемых странах стали результатом рыночных и geopolитических трансформаций, они весьма индивидуальны и отражают специфику внутренних и внешних условий, в которых они реализуются. Трансформационные волны, возникшие в 1990-е годы, могут проявляться довольно долго в связи с деиндустриализацией, ростом социального неравенства, меняющимся миропорядком и усилением влияния geopolитических факторов на экономическое развитие.

Исследование региональных интеграций в условиях нарастающих geopolитических противоречий

Трансформация стран ЦВЕ и СНГ неразрывно связана с ходом их вовлеченности в интеграционные процессы, исследование которых являлось другим важным направлением исследований ИМЭПИ РАН и научного направления «Международные экономические и политические исследования» ИЭ РАН, поскольку они были неразрывно связаны с трансформацией. Но условия европейской и евразийской интеграций сильно различались.

Страны ЦВЕ вскоре после распада СЭВ стали институционально включаться в европейскую интеграцию, которая становилась все более мощным фактором структурных и технологических трансформаций национальных экономик. В исследо-

ваниях этих стран речь шла о вопросах их адаптации к требованиям европейской интеграции, ее издержках и преимуществах⁴. Трансформация данных стран происходила через их вхождение в европейскую экономику, построенную на либеральных принципах, и одновременно в условиях растущей власти наднациональных органов управления европейской интеграцией⁵.

В 2013 г. в научном направлении «Международные экономические и политические исследования» ИЭ РАН было выпущено несколько работ, анализирующих возможность создания и успешного функционирования Евразийского союза. В коллективном докладе «Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации», выполненном авторским коллективом во главе с С.П. Глинкиной, ставился вопрос о своевременности перехода к союзному формату интеграции в условиях, когда наднациональный уровень управления будет ограничен внешней торговлей и техническим регулированием, а механизмы координации структурной и технологической модернизации с целью расширения внутрисоюзного спроса не предусмотрены⁶.

С.П. Глинкина активно включилась в исследование геополитических проблем постсоветской интеграции. Всесторонний их анализ был сделан в монографии «Евразия в поисках идентичности»⁷. Светлану Павловну интересовали вопросы геополитического соперничества ведущих мировых центров на постсоветском пространстве, которое оказывало сильное влияние на отношения России и постсоветских стран и их интеграционные проекты. Ее вывод о том, что «геополитическое

4. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицына И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М.: Институт экономики РАН, 2014.
5. Куликова Н.В., Синицына И.С. Национальные и наднациональные компетенции в процессе расширения Европейского союза на восток // Опыт наднационального регулирования в региональных интеграционных группировках / Отв. ред. С.П. Глинкина. М.: Институт экономики РАН, 2015.
6. Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации. Ред. С.П. Глинкина. Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН. 2013.
7. Евразия в поисках идентичности. Институт экономики РАН. Отв. ред. Глинкина С.П., Зебин А.З. СПб. «Нестор история». 2011.

соперничество, развернувшееся на постсоветском пространстве, является реальным и очень важным фактором, детерминирующим масштабы, динамику и формы сотрудничества на постсоветском пространстве⁸, оказался пророческим.

Параллельно в научном направлении «Междунраодные экономические и политические исследования» ИЭ РАН проводилось изучение трансрегионализации мировой экономики — новой формы экономических альянсов, построенных на сетевой основе. Над этой темой работали С.П. Глинкина, А.З. Зевин и Б.А. Хейфец. Одним из направлений этого исследования стало изучение БРИКС — нерегионального объединения крупнейших развивающихся стран мира. С.П. Глинкина активно включилась в продвижение исследования роли БРИКС в мировой экономике и глобальном управлении и взаимных экономических связей стран объединения в рамках Института как нового направления исследований. По этой проблематике в 2014 г. была издана коллективная монография под редакцией Светланы Павловны, в которой анализировались потенциал и роль БРИКС в современной мировой экономике; основные направления экономического сотрудничества стран — участниц группировки (внешнеторговое и инвестиционное, научно-техническое и валютно-финансовое); намечены общие контуры дальнейшего развития группировки и определена роль в этом процессе России⁹.

Другое направление исследований, активно продвигавшееся С.П. Глинкиной, было связано с оценкой влияния Китая на развитие стран российского пояса соседства¹⁰. На

-
8. Глинкина С.П. Геополитическое соперничество на постсоветском пространстве как фактор сдерживания сотрудничества стран СНГ / Сборник Экономическое взаимодействие стран СНГ в контексте евразийского интеграционного проекта / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М: ИЭ РАН, 2015. С. 32.
 9. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики — взаимодействие в БРИКС / Ред. С.П. Глинкина. М: ИЭ РАН, 2014.
 10. Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: Доклад. М: ИЭ РАН, 2016; Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М: ИЭ РАН, 2018. С. 44–45.

эту тему было опубликовано несколько работ, среди которых ведущее место занимал доклад «Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России»¹¹.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что центральной линией научных исследований С.П. Глинкиной было комплексное изучение экономических и политических трансформаций на разных уровнях, особое место среди которых заняли постсоциалистические трансформации, затронувшие почти три десятка стран, и огромный вклад в развитие данного направления принадлежит именно ей. Она стала разработчиком оригинальной методологии многоуровневого анализа трансформационных процессов, предусматривающей изучение взаимовлияния изменений на национальном, региональном и глобальном уровнях. Благодаря ее научным поискам и идеям была создана довольно специфическая методология исследования путей формирования частных капиталов на базе сочетания формальных и неформальных институтов. Работая по данному научному направлению, Светлана Павловна опубликовала более 270 работ, включая авторские и коллективные монографии, брошюры, научные доклады. География публикаций профессора Глинкиной С.П., кроме постсоветского пространства, охватывает такие страны, как Австрия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Китай, Сербия, Словакия, Вьетнам, США, Финляндия, Хорватия. Начавшаяся новая трансформация мира, региональных объединений и стран под влиянием деглобализации, усиленной пандемией COVID-19 и антироссийскими санкциями, могла бы стать новым полем успешных исследований для острого и пытливого ума заслуженного деятеля науки РФ, доктора экономических наук, профессора С.П. Глинкиной. Увы, нам придется этим заниматься без нее, но с помощью ее научного наследия.

11. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. 2018. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М: ИЭ РАН.

Основные работы С.П. Глинкиной

- Глинкина С.П. Кооперативы в экономике социалистических стран. М.: Наука, 1989.
- Глинкина С.П. Формирование частного сектора в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы. М., ИМЭПИ РАН, 2003.
- Глинкина С.П. Научные подходы к оценке масштабов теневой экономики и их влияния на национальную безопасность страны. М., ИМЭПИ РАН, 2003.
- Глинкина С.П. Приватизация: концепции, реализация, эффективность. М.: Наука, 2006;
- Глинкина С.П. Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций. Научные доклады ИЭ РАН. М., 2008.
- Глинкина С.П. К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации: доклад. М.: ИЭ РАН, 2016. Глинкина С.П. ЕС и Россия в регионе Балтийского моря // Россия и Польша перед лицом общих вызовов / Отв. ред. И.С. Синицына. М.: ИЭ РАН, 2018. С. 363–369.
- Глинкина С.П. Экономический патриотизм: предпосылки появления в Центральной и Восточной Европе (опыт Венгрии) // Общественные науки и современность. 2018. № 6. С. 45–58.
- Глинкина С.П. О разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации (вместо предисловия) / Постсоциалистический мир: итоги трансформации. В 3 т. Под общ. ред. С.П. Глинкиной. Т. 1. Центрально-Восточная Европа / Отв. ред. Н.В. Куликова. СПб: Алетейя, 2017. С. 10–30.
- Глинкина С.П. Постсоциалистические трансформации в свете дискуссий о многообразии моделей капитализма // Общественные науки и современность. 2017. № 2. С. 5–22.
- Глинкина С.П. Геополитическое соперничество на постсоветском пространстве как фактор сдерживания сотрудничества в рамках СНГ/В сб.: Экономическое взаимодействие стран – членов СНГ в контексте Евразийского интеграционного проекта. М.: ИЭ РАН. 2015. С. 11–32.

*Коллективные работы под редакцией и под руководством
С.П. Глинкиной*

- Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. /
Под общ. ред. акад. А.Д. Некипелова. Т. 1. Постсоциалистический мир: итоги трансформации 90-х годов. В 2-х частях / Отв. ред. С.П. Глинкина. М.: Наука, 2002.
- Последствия расширения Европейского союза для экономики России / Под ред. Глинкиной С.П. М.: НИС, 2004.
- Россия и Центрально-Восточная Европа: Трансформации в конце XX – начале XXI века / Отв. ред. С.П. Глинкина, И.И. Орлик. М.: Наука, 2005.
- Страны Центральной и Восточной Европы – новые члены Европейского союза: проблемы адаптации / Под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой. М.: Наука, 2010.
- Модернизация в странах российского пояса соседства. Структурный и технологический аспекты / Ред. С.П. Глинкина. Институт экономики РАН. М.–СПб.: Нестор-История. 2012.
- Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации / Ред. С.П. Глинкина. Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН. 2013.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина. И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2014. С. 20–41.
- Глинкина С.П. и др. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики – взаимодействие в БРИКС. М.: ИЭ РАН, 2014.
- Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: доклад. М.: ИЭ РАН, 2016. Постсоциалистический мир: итоги трансформации. В 3 т. / Под. общ. ред. С.П. Глинкиной. СПб: Алетейя, 2017.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2018.

Литература о С.П. Глинкиной

Страны «пояса соседства» России: модели развития и вопросы сотрудничества: Сборник статей, посвященных памяти С.П. Глинкиной / Отв. ред.: Л.Б. Вардомский, М.О. Тураева, Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2024.

М.И. Войков, д.э.н.

**ГОРОДЕЦКИЙ
ЕВГЕНИЙ СЕМЕНОВИЧ
(1919–1994)**

Евгений Семенович Городецкий крупный советский ученый-экономист, политэконом, основное место работы которого был экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Но последние 20 лет, не порывая с МГУ, он работал в Институте экономики АН СССР.

Евгений Семенович родился 5 января 1919 г. в городе Умань Черкасской области. В 1939 г. после окончания средней школы поступил в Московский институт инженеров связи. С 1943 по 1945 г. участвовал в Великой Отечественной войне и в 1945 г. был тяжело ранен. В 1945 г. стал студентом МГУ им. М.В. Ломоносова и прошел путь от студента до профессора МГУ. В 1953 г. защитил в МГУ кандидатскую диссертацию на тему: «Развитие многоотраслевого хозяйства и правильное сочетание его отраслей в колхозах Ленинского района Сталинградской области», в 1966 г. защитил докторскую диссертацию «Система рентабельности колхозного производства». И многие годы Е.С. Городецкий разрабатывал проблемы совершенствования именно колхозного производства. Затем в центре его научных интересов оказались проблемы сочетания планового хозяйства и товарно-денежных отношений.

Теперь несколько личных воспоминаний. Я познакомился с Евгением Семеновичем Городецким в самом начале 1970-х годов, когда он с известной группой преподавателей

из МГУ им. М.В. Ломоносова пришел в Институт экономики АН СССР в Отдел общих проблем политической экономии социализма. Тогда была такая наука. В 1974 г. Е.С. Городецкий согласился быть оппонентом по моей кандидатской диссертации. В тех условиях это был благородный, и даже мужественный поступок Е.С. Городецкого. Но надо объяснить, почему все это произошло и почему я так считаю.

Дело в том, что в 1971 г. ЦК КПСС принял Постановление по Институту экономики АН ССР «О работе партийной организации Института экономики Академии наук ССР по выполнению Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», где было жестко раскритиковано рыночное направление в Институте экономики. Я весь этот процесс хорошо помню. Тогда мы, молодые сотрудники Института, были обескуражены, как нам казалось, явной несправедливостью. Ряд заслуженных ученых, пользовавшихся большой известностью и популярностью, живущих наукой и для науки, марксистов, патриотов, попросту не допустили участвовать в конкурсе на занятие должности старшего научного сотрудника в Институте, которому они отдали почти всю свою жизнь. На их место пришла группа профессоров МГУ, среди которых и был Е.С. Городецкий.

Направление экономической теории, которое разрабатывалось в Институте экономики АН ССР и лидером которого, по общему признанию, был Я.А. Кронрод, в центр внимания ставило товарные отношения и признавало регулирующую роль закона стоимости. И стало быть, рассматривало социалистический способ производства как относительно самостоятельный по отношению к коммунистической формации. Сегодня это можно трактовать как обоснование рыночного социализма. За это и критиковался Институт экономики в постановлении ЦК КПСС. Я же в то время был аспирантом Я.А. Кронрода и подготовил кандидатскую диссертацию на тему «Противоречия товара в условиях социалистической экономики», где развивал аналогичные идеи

о необходимости товарного производства при социализме. Естественно, что пришедшие из МГУ люди, в целом умные и симпатичные, встретили мою диссертацию очень настороженно. Но мне помог Е.С. Городецкий, согласившись быть моим оппонентом по диссертации, т.е. встав на мою сторону и, так сказать, прикрыв меня от подозрительных взглядов.

Другое направление в политической экономии социализма сформировалось на экономическом факультете Московского университета им. М.В. Ломоносова, где в середине 1950-х годов прошлого века сложилась особая школа отечественной экономической науки. Ее возглавил Н.А. Цаголов, который с 1957 г. и до конца жизни заведовал там кафедрой политической экономии. К этому направлению примыкали многие ученые, работавшие в разнообразных образовательных и научных учреждениях многих городов страны. И Евгений Семенович Городецкий был видной фигурой в этой школе, но все же представлял, так сказать, особое направление на экономфаке МГУ. Е.С. Городецкий, как и некоторые другие, правда, очень немногие (например, С.С. Дзарасов), представляли товарное крыло школы МГУ, т.е. считали, что в тех условиях социализма необходимо было товарное производство и действие закона стоимости.

Главным достижением школы Цаголова принято считать учебник «Курс политической экономии», вышедший в советский период несколькими изданиями и переведенный на несколько иностранных языков. Учебник этот для тех времен действительно был творческим и интересным и заметно отличался в лучшую сторону от стандартных советских учебников политической экономии. Е.С. Городецкий был среди авторов 2-го тома этого учебника, еще будучи кандидатом экономических наук. Учебник Цаголова отличался, не знаю, как лучше сказать, но скажу так: несталинизованной трактовкой многих экономических категорий. Конечно, не всех. Сталинская методология весь послевоенный советский период прочно гнездилась во всех учебниках и научных трудах по обществознанию. Достаточно назвать догму о том,

что в СССР был построен социализм. Догму, которую почти никто в советское время не собирался подвергать сомнению. Сегодня, конечно, многие на этот вопрос смотрят по-иному. Однако по ряду категорий и положений уже в 1960-е годы начался пересмотр некоторых элементов сталинизированной методологии. И университетский «Курс политической экономии» предложил не только некоторую свежесть трактовок, но и некую системность в их изложении.

Вопрос в экономической науке после 1956 г., т. е. после XX Съезда партии, стоял так: или идти в экономических исследованиях к реальностям народнохозяйственной практики и, стало быть, к рыночным отношениям, или же идти к абстрактной теории социализма, восстанавливая после сталинистских напластований аутентичный марксизм и идеальные представления о социалистическом обществе начала XX, или даже конца XIX в. Последнее было менее опасно. Рыночников, в частности, многих сотрудников Института экономики АН СССР, которые пошли по первому пути, довольно быстро стали ругать и притеснять. Сторонников школы Цаголова, которые устремились по второму пути, стали, наоборот, поддерживать и выдвигать. Как раз сторонники и ученики Н.А. Цаголова заняли большинство ключевых постов в научно-партийном руководстве советской эпохи.

В этом-то и состояла главная или основная проблема советской экономики и, соответственно, основная проблема политической экономии социализма: что важнее — товарность или планомерность? Хозяйственная жизнь требовала легализации товарных, рыночных отношений, которые составляли реальную основу существовавшего тогда способа производства. Почти все экономические реформы советского периода были направлены именно в эту сторону и все они, как известно, не удались. Но не удались не потому, что эти реформы как бы выдохлись и не получились, а просто потому что их прикрыли. Каждый раз, когда экономические реформы набирали динамику и мощь, их административно-волевым путем отменяли. Вот и все. Потому что развитие

рынка в конечном счете противоречило бы идеологическим и политическим основам советского режима, для него рыночные отношения были неприемлемы. Поэтому политический режим всегда насиливал экономику: временами репрессиями, временами авторитаризмом. Доставалось и экономистам-рыночникам, о чем свидетельствует Постановление ЦК КПСС по Институту экономики АН СССР 1971 г.

В 1969 г. в МГУ прошла дискуссия о товарном производстве при социализме. Как уже говорилось, школа МГУ была известна формулой о том, что социализм есть система не товарного, а планомерно организованного производства. Сегодня можно утверждать, что эта постановка существенно ближе к истине. Ибо социализм как таковой вполне может обойтись без товарного производства. Это вытекает из общей теории социализма и смены формаций. Но реальная жизнь была товарная. Даже советский социализм так и не смог ужиться с товарным производством и вынужден был завершить свой путь. Школа Института экономики АН СССР утверждала, что если производство при социализме носит товарный характер, то, стало быть, и социализм есть разновидность товарного производства. Это более логичное построение, но к социализму имеющее очень малое отношение. Признание товарного характера производства как объективно необходимой его составляющей характеристики с логической неизбежностью ведет к признанию данного общества товарным (хоть в какой-то существенной степени). А это шло вразрез с общей концепцией школы МГУ и идеологическими установками политической власти в стране.

Е.С. Городецкий в школе МГУ представлял именно рыночное крыло. На конференции 1969 г. в МГУ Е.С. Городецкий говорил: «На первой фазе коммунизма обобществление процесса производства сочетается с известным обособлением интересов работника, предприятия от интересов всего общества в целом. В рамках общенародной собственности на стадии социализма имеет место известная экономическая обособленность предприятий. Поэтому здесь еще не завер-

шен процесс превращения товара в нетовар, еще действует закон стоимости»¹. И в другом месте: «На стадии социализма продукт труда не только в личном подсобном хозяйстве и не только в колхозном секторе, но и в государственном принимает еще форму товара, и это свидетельствует о широте действия закона стоимости»². Под этими словами мог подписаться любой представитель школы Института экономики и это правильные слова и с точки зрения сегодняшнего дня.

В чем, так сказать, проблема школы Цаголова, ее наиболее крупная ошибка? Ошибка, которая до сих пор свойственна многим убежденным социалистам, воспитанным на классических работах начала XX в. В том, что Цаголов, как и многие другие, в силу имеющихся традиций понимания социализма как более экономически рационального общества, пытался планомерностью заменить собственно экономический механизм. Но сделать это невозможно. Если объективно неизбежен экономический, рыночный механизм, то планомерность на его место поставить просто невозможно. Об этом, между прочим, и писал Е.С. Городецкий, который как уже говорилось, принадлежал товарному крылу школы МГУ и, следовательно, был ближе к реальности. Например, он писал в 1983 г., уже будучи в Институте экономики: «Нельзя не видеть того реального факта, что товарно-денежные отношения, отражая собой объективные особенности экономической структуры общественного производства на фазе социализма, выполняют функции: 1) меры объема и структуры общественного производства... 2) формы движения созданного продукта... 3) экономического стимулирования роста... Но этот круг отношений, интегрируясь в системе непосредственно-общественного производства и сохраняя еще опреде-

-
1. Городецкий Е.С. Общественно необходимые затраты труда, стоимость и цена // Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного социалистического производства / Под ред. Н.А. Цаголова. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 227.
 2. Городецкий Е.С. Разработка теории товарно-денежных отношений при социализме // Развитие политической экономии в СССР и ее актуальные задачи на современном этапе / Под ред. Н.А. Цаголова. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 196.

ленные черты и свойства товарного производства, вообще по своей природе не может быть непосредственно общественным, планомерным»³. Вот, я бы сказал, что это прямой выпад против основного постулата школы МГУ.

И еще один важный вопрос, касающийся соотношения плана и рынка. Весь вопрос в литературе того времени сводится к тому, как сочетать план и рынок. Об этом прямо писал Е.С. Городецкий, что мы имеем «противоречия между планом как экономическим рычагом, рожденным отношениями планомерности и деньгами, ценой, прибылью, которые используются в процессе планирования, а так же материального стимулирования»⁴. Школа МГУ предлагала на первое место ставить план, а рынок становился ведомым. Но если сохранялась объективная необходимость подсчета экономической эффективности, тогда непонятным становится на чем основывается план. Только на директивах ЦК КПСС? А они на чем? А они практически основывались на требованиях лишь одного сектора экономики — военно-промышленного комплекса (ВПК). Поэтому советскую экономику вполне обоснованно называют милитаризованной экономикой, или экономикой мобилизационного типа. Но достаточно долго так жить было невозможно.

Еще очень важное положение, которое в свое время высказал Е.С. Городецкий, касается функциональных связей в экономике. В 1980 г. он писал: «К сожалению, и в нашей экономической литературе встречается негативное отношение к проблеме функциональных связей в системе общественных отношений... Сам факт наличия в системе общественного производства функциональных связей создает реальную основу для использования в экономических науках ряда положений классического математического анализа, а также тех разделов математики, которые явились дальнейшим развитием

3. Городецкий Е.С. О соотношении непосредственно общественных и товарно-денежных отношений при социализме. М: ИЭ АН СССР, 1983. С. 22.

4. Там же. С. 19.

последнего»⁵. А у нас сегодня, часто справедливо критикуя «экономикс», заодно критикуют и функциональные связи, хотя они существуют и изучать их надо. Е.С. Городецкий прямо указал на это 40 лет назад.

Итак, признаем факт существования советской политической экономии социализма как непреложный. Даже несмотря на то что, на мой взгляд, социализма в точном научном понимании у нас не было. Однако здесь надо сделать две оговорки. Первая касается довольно широко распространенного взгляда на то, что у нас все же был социализм, но в искаженном, или первоначальном, виде. Вторая касается того взгляда, что не может быть науки того, чего нет.

Преимущество школы МГУ было в том, что если забыть о реальной жизни, то ее схема была ближе классическому марксизму и из нее был легче выход на общую теорию социализма. Однако недостаточность ее была более существенна. Эта школа исходила из теории, из формулы якобы существовавшего социалистического общества и пыталась хозяйственную практику подгонять под теорию. Она исходила из догмы и уже для того общества запрещала рынок. Наверное, поэтому, когда сегодня рынок вышел на первое место, политическую экономию запретили вообще.

На мой взгляд, Евгений Семенович Городецкий в школе МГУ занимал самое разумное место, диалектически сочетая планомерность и товарность. И если бы все или хотя бы большинство советских экономистов придерживались разумной позиции Е.С. Городецкого, то, наверное, нашу страну не мотало бы из одной крайности (только планомерность без рынка и товаров) в другую (только рынок и никакого плана). Но к сожалению, таких взвешенных, разумно думающих людей, как Е.С. Городецкий, в нашей экономической науке было немного.

5. Городецкий Е.С. Качественные соотношения и применение математики в политико-экономическом анализе // Метод политической экономии социализма / Под ред. В.Н. Черковца, А.А. Сергеева. М.: Наука, 1980. С. 297–298.

Основные работы Е.С. Городецкого

- Хозрасчет и рентабельность колхозного производства. М.: Изд-во МГУ, 1963.
- Роль государственных закупочных цен в развитии колхозного производства. М., 1964.
- Закон стоимости в колхозном производстве. М.: Изд-во МГУ, 1967.
- Общественно-необходимые затраты труда, стоимость и цена в колхозном производстве. М.: Экономика, 1970.
- Место товарно-денежных отношений в планомерно организованном социалистическом производстве. М.: Изд-во МГУ, 1975.
- Общественно-необходимое рабочее время и проблемы планового ценообразования в условиях развитого социализма. М.: Высшая школа, 1979.
- Соотношение непосредственно-общественных и товарно-денежных отношений при социализме. М.: Изд-во ИЭ АН СССР, 1983.

Литература о Е.С. Городецком

- Очерки о жизни и научно-педагогической деятельности доктора экономических наук, профессора Е.С. Городецкого / Отв. ред. П.В. Савченко, М.Н. Федорова. М.: ИНФРА-М, 2019.
- Савченко П.В. К 100-летию со дня рождения Евгения Семеновича Городецкого // Вестник Института экономики РАН. 2019. №1. С. 191–199.

**ДЗАРАСОВ
СОЛТАН САФАРБИЕВИЧ
(1928–2015)**

Солтан Сафарбиевич Дзарасов родился 10 июля 1928 г. в селе Чикола в Северной Осетии, умер С.С. Дзарасов 23 января 2015 г. в Москве. В 1945 г. поступил в Московский экономический институт (ныне РЭУ им. Г.В. Плеханова), который закончил в 1950 г. Затем уехал к себе на родину, где стал председателем колхоза. Но потом вернулся в Москву и в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию в МГУ им. М.В. Ломоносова. С.С. Дзарасов все свои силы и недюжинный талант посвятил самым дискуссионным вопросам экономической теории. С.С. Дзарасов основал и был лидером одной из социал-демократических партий в нашей стране в период горбачевской перестройки (1996–1998 и 2001–2002 гг.) и всей душой боролся против нашествия дикого капитализма в России. Но прежде всего С.С. Дзарасов был выдающимся ученым политэкономом, труды которого занимают почетное место в истории отечественной экономической мысли.

С.С. Дзарасов долгое время возглавлял кафедру экономической теории Института экономики РАН, руководил подготовкой аспирантов, активно участвовал в научной и общественной жизни Института.

Главный вопрос, над которым С.С. Дзарасов работал последнее время, касался экономической теории, подходящей для сегодняшней России. С.С. Дзарасов во многих своих работах убедительно доказывал, что «экономикс», т.е.

либеральная неоклассическая тенденция в современной экономической науке, которая служила официальным прикрытием катастрофических реформ 1990-х годов и заполонила все наши учебники и университеты, вообще с научной точки зрения несостоятельна и тем более не соответствует российским условиям. На это место С.С. Дзарасов прочил теорию Д. Кейнса, а точнее посткейнсианство, т.е. те взгляды левых последователей английского экономиста, соединивших его идеи с классической политической экономией. При этом Дзарасов демонстрировал не только превосходное знание соответствующей литературы на соответствующем языке, но и личные ощущения и впечатления от продолжительного пребывания в среде посткейнсианцев в английских университетах. Эти личные пристрастия очень сильны в последних работах Дзарасова и, естественно, их украшают. Из них мысли и настроения английских посткейнсианцев можно черпать, что называется, почти из «первых рук». Для нашей экономической литературы это редкое и отрадное явление. И мы убеждаемся, что далеко не все западные экономисты являются сторонниками американализированного «экономикс» или праволиберальной рыночной концепции. Основное научное достижение Дзарасова в политэкономической области состоит, на мой взгляд, в том, что ему удалось поставить серьезную научную проблему взаимосвязи занятий политической экономией и деятельностью социал-демократии. Такая органическая связь действительно существует. И это обнаруживается при внимательном изучении всей жизни и общественной деятельности С.С. Дзарасова, и особенно его научных трудов.

Политэконом от рождения

Конечно, Солтан Сафарбиевич не родился в семье политэкономов. В 1928 г. в селе Чикола в Северной Осетии, что в 70-ти километрах от Владикавказа, где родился С.С. Дзарасов, политэкономов не было. Родители его были простые крестьяне. Но советская система открывала дорогу всем и С.С. Дзарасов, закончив среднюю школу в родном селе, поехал в 1945 г.

учиться в Москву, в Московский экономический институт (ныне РЭУ им. Г.В. Плеханова). Затем — аспирант, преподаватель, председатель колхоза, партийный работник и, наконец, элитарный московский профессор политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова¹. Последний период творческой деятельности С.С. Дзарасова был связан с Институтом экономики РАН.

Если приглядеться к стилю жизни, манерам и образу мышления Дзарасова, то можно заключить, что никем другим он и не мог быть, нежели политэкономом, в самом широком и глубоком смысле этого понятия. Его неторопливый, внимательный и очень основательный подход к делам, проблемам, и даже людям, говорит о том, что Дзарасов решал вопросы не с кондачка, а, так сказать, найдя центральную составляющую проблемы. Вот это ценное качество политэконома — ухватить сущность проблемы, вскрыть ее ядро, а потом уже ее разворачивать во всей богатой конкретности — в работах С.С. Дзарасова нашло поразительно цельное воплощение. Например, еще в 1969 г., участвуя в известной дискуссии политэкономов о товарном производстве при социализме, Дзарасов правильно писал, что «различные концепции товарно-денежных отношений, их места и роли при социализме по существу являются различными ответами на вопрос: что такое социализм»². Я еще вернусь к этой дискуссии и позиции С.С. Дзарасова в ней. Но здесь стоило бы отметить, что Дзарасов совершенно правильно указал на главное, что надо было бы обсуждать в той дискуссии — что же такое социализм. Но это обсуждать тогда по понятным причинам было нельзя, поэтому многие политэкономы развивали дискуссии по смежным направлениям, побочным линиям, поэтому для свежего человека многие политэкономические дискуссии тех лет выглядят несколько схоластичными.

-
1. Подробно жизненный путь и карьерный рост Дзарасова можно почерпнуть из обстоятельной статьи Г.Н. Цаголова «Солтан Дзарасов: современник будущего». См. «Альтернативы» за 2015 г., № 1.
 2. Дзарасов С.С. Экономические методы управления. М., 1969. С. 52.

Вообще, политэкономы – народ очень ушлый. То есть искусный в создании словесно-логических построений, которые бы позволяли высказать все или почти все, что он хотелось бы, даже когда это делать нельзя или не рекомендуется. Такое у нас было счастливое советское время. Дзарасов, конечно, в полной мере владел этим политэкономическим приемом, но все-таки оставался в пределах понятного и доступного. Поэтому работы Дзарасова советского периода и сегодня интересующемуся человеку полезно читать и перечитывать.

Можно привести еще один аргумент в защиту положения, что Дзарасов есть классический политэконом российской школы. Как уже отмечалось, для меня политэкономом является тот, кто прежде всего в своем исследовании вскрывает сущность экономического явления. И это у Дзарасова можно проследить не только в письменных текстах, но прежде всего в устном творчестве. Общепризнанно, что Дзарасов являлся превосходным лектором. Я много раз наблюдал, как это было. С.С. Дзарасов начинал свою лекцию тихим голосом и порой даже не оченьнятно. Но, быстро дойдя до первой проблемы, С.С. Дзарасов начинает говорить громко, и все слушают, затаив дыхание. Вот здесь и начинается раскрытие сущности явления. С.С. Дзарасов захватил аудиторию не только красивым голосом, но прежде всего логикой изложения. Затем он переходит к деталям и следствиям раскрываемого явления. Это слушателям понятней и ближе. Они уже увлечены. И далее он делает определенные политические выводы в пользу трудящегося народа, т.е. выводы социал-демократического характера. С.С. Дзарасов подсказывает пути решения проблемы, доступные и конкретно применимые людьми. Тем самым, вскрыв сущность экономического явления, С.С. Дзарасов заканчивает лекцию определенными политическими выводами. В этом, на мой взгляд, и состоит политэкономический подход к жизни и социал-демократическая его трактовка. Все это у Дзарасова получалось просто блестяще. В советский период это можно было наблюдать у Н.А. Цаголова и Я.А. Кронрода, самых выдающихся политэкономических ораторов своего времени.

Чужой среди своих

Это странное название можно приложить к Дзарасову, когда он был на кафедре политической экономии экономфака МГУ им. М.В. Ломоносова. Это была крупная научная школа советской политической экономии, и она еще ждет своего историка. И то, что Дзарасов оттуда перешел в Институт экономики АН СССР, лишний раз говорит о том, что в определенном смысле он на кафедре был чужеродным элементом. Я знаю, что многие со мной не согласятся, но давайте разберемся. Возвращаясь к упоминавшейся выше дискуссии о товарном производстве при социализме, надо вспомнить, что школа МГУ была известна формулой о том, что социализм есть система не товарного, а планомерно организованного производства. Сегодня можно утверждать, что эта постановка существенно ближе к истине. Другая школа (Я.А. Кронрада) утверждала, что если производство при социализме носит товарный характер, то, стало быть, и социализм есть разновидность товарного производства. Это более логичное построение, но к социализму имеющее очень отдаленное отношение. Дзарасов сам не отрицал этой логики. Более того, он отмечал «слабость концепции нетоварного характера производства при социализме»³. Но признание товарного характера производства как объективно необходимой его составляющей характеристики с логической неизбежностью ведет к признанию данного общества товарным (хоть в какой-то существенной степени). А это шло вразрез с общей концепцией школы МГУ им. М.В. Ломоносова. Ее руководитель Н.А. Цаголов в книге 1971 г. писал совсем обратное: «Если производство при социализме является товарным по своему характеру, то отсюда следует, что определяющие его природу коренные экономические отношения являются по своему существу товарными. А это значит, что исходные, коренные отношения социалистического производства объявляются

3. Дзарасов С.С. Экономические методы управления. М., 1969. С. 66.

товарными»⁴. И в другом месте он же писал: «Нельзя характеризовать социалистическое производство как товарное»⁵. Дзарасов же такой подход в силу своей природной деликатности и вежливости называл «слабым».

Конечно, Дзарасова нельзя отделить от школы МГУ и ее лидера Н.А. Цаголова. Но тут есть некоторая особенность. С.С. Дзарасова больше интересовала личность самого Цаголова, чем доктрины его школы. Не знаю почему, но после чтения текстов Дзарасова у меня несколько скорректировалось старое впечатление о Н.А. Цаголове. Я вырос в школе Института экономики АН СССР, и для меня облик и стиль жизни многих ученых академического института, и прежде всего Я.А. Кронрада, превратился в некий образец, модель настоящего ученого, интеллектуала, который на первое место в своей жизни ставит духовные ценности и все, что с этим связано. И таких людей среди ученых советской поры было немало. Другие ученые, которые порой слишком активно увлекались женщинами, вином или костюмами, были как бы с изъяном. В силу их талантов и других человеческих достоинств все это, конечно, им прощалось, но не забывалось и относилось на счет их молодости. Так вот, читая тексты Дзарасова, я убедился, что Цаголов представлял по стилю жизни полную противоположность сухому, академическому ученому. Чтобы непосредственно ощутить качество и стиль жизни главы университетской школы, приведем пространную выдержку из текста С.С. Дзарасова на этот счет: «Сам Николай Александрович всегда жил хорошо. Даже в голодные годы он не испытывал особой нужды, а в мирные и спокойные времена как ценный специалист получал достаточно высокую по советским меркам заработную плату. К этому надо еще добавить его особое умение пользоваться всеми материальными и духовными благами жизни. Он был гурманом, любившим

4. Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного социалистического производства / Под ред. Н.А. Цаголова. М., 1971. С. 13.
5. Там же. С. 37. См. также: Цаголов Н.А. Вопросы теории производственных отношений социализма. М., 1983. С. 115.

вкусно поесть, пить самые выдержаные коньяки и ароматные вина, слушать классическую музыку, посещать лучшие постановки московских театров, путешествовать в той мере, в какой позволяли обстоятельства, ездить всегда в курьерских вагонах, отдыхать в лучших санаториях Кисловодска и Сочи, останавливаться в лучших номерах первоклассных гостиниц... Он шил свои костюмы у самых признанных мастеров, которые ценили его вкус и считались с его высокими требованиями⁶. О каком еще советском ученом-экономисте можно так колоритно написать? Ни о каком. И вот под влиянием текстов Дзарасова складывается впечатление, что в лице Цаголова мы имеем не только крупного ученого и организатора науки, не только крупную и широкую личность, но и, как говорят французы, *bon vivant* по жизни. Может быть, это и несправедливо и С.С. Дзарасов совсем не хотел именно так представить читателям Цаголова. Но так получилось. Но вернемся к доктрине самой школы Цаголова. Вот важный вопрос, касающийся соотношения плана и рынка. Дзарасов точно пишет, что школа Цаголова не на словах (что было характерно для некоторых товарников), а на деле «планированию отводила ведущую роль, а рынку ведомую. В этом было принципиальное отличие не только официальной формулировки позиции школы, но, – не собираюсь это утаивать – и личных убеждений основных последователей школы»⁷. Это верно. Вопрос сводится к тому, как сочетать план и рынок. Школа МГУ предлагала на первое место ставить план, а рынок становился ведомым. Но тогда непонятно на чем основывается план. Только на директивах ЦК КПСС? А они на чем? А они основывались на требованиях лишь одного сектора экономики – военно-промышленного комплекса (ВПК). Поэтому советскую экономику вполне обоснованно называют милитаризованной экономикой, или экономикой мобилизационного типа. Но долго так жить невозможно. С.С. Дзарасов приводит слова Цаголова,

6. Дзарасов С.С., Меньшиков С.М., Попов Г.Х. Судьба политической экономии и ее советского классика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. С. 174.

7. Там же. С. 268.

что «планомерность для социализма является таким же ключевым понятием и характеристикой, как товарность (рынок) для капитализма». Однако это разные вещи. Товарность есть сущность экономического механизма капитализма, а планомерность — лишь форма управления. Конечно, можно говорить, что планомерность, т.е. сознательная и целесообразная управляемость, в отличие от стихийного капитализма есть ключевая характеристика социализма. И это будет правильно. Но это и означает, что здесь видоизменился экономический процесс, что главное здесь уже не экономическая эффективность, а социальные императивы, сознательная постановка социальных целей и планомерное их достижение.

Все это постановки 1930-х годов, когда план возводили в экономический закон теории советского хозяйства. А если разобраться по существу, то рынок ведомым быть не может, ибо он тогда и вовсе не нужен. Для чего нужен рынок, если все основные пропорции определяет план? Другое дело, если план основывается на требованиях рынка, в полной мере учитывает их и, если нужно, их корректирует и ограничивает. Но общество должно знать цену этих плановых корректировок. Цену, которую дает только рынок. В этом случае рынок становится не ведомым, а определяющим, ведущим. И вообще, если рынок объективно необходим, то он не может быть на положении «бедного родственника».

В этом-то и состояла основная проблема советской экономики. Хозяйственная жизнь требовала легализации товарных, рыночных отношений. Почти все экономические реформы советского периода были направлены именно в эту сторону и все они не удались. Потому что развитие рынка в конечном счете противоречило бы идеологическим и политическим основам советского режима, для него рыночные отношения были неприемлемы, поэтому политический режим применял временами репрессии, доставалось и экономистам-рыночникам.

В чем все же прав или близок к истине был Дзарасов? У школы МГУ была строго научная методология. Пожалуй,

Цаголов был из крупных экономистов единственным, который последовательно проводил марксистскую методологию в трактовке социализма и социалистического общества. Это касается последовательного разведения социализма и товарного производства. Цаголов представлял собой классического марксиста, похожего, скажем, на Г.В. Плеханова, или даже Л.Д. Троцкого, для которых социалистическое общество является не параллельной альтернативой капитализму, а следующей за ним. Иными словами, социализм в такой трактовке есть не антикапиталистическое, а посткапиталистическое общество. Поэтому для школы МГУ социализм возможен только тогда, когда уже нет ни рынка, ни капитализма. Но все жили в обществе, которое все называли социалистическим. Поэтому, чтобы не впадать в противоречие с политическим властями, лидеры школы МГУ выбрали абстрактную теорию социализма.

Верно пишет Дзарасов, что «сила школы МГУ» состояла в том, что, «опираясь на методологию “Капитала”, она разработала теорию социализма, альтернативную по отношению к господствовавшему у нас тогда сталинско-островитяновскому мэйнстриму. Этим был предопределен взлет школы»⁸. Это, конечно, верно. Но беда состояла в том, что социализма у нас не было и быть не могло. Островитяновский мэйнстрим, отраженный уже в учебнике «Политическая экономия» 1954 г., конечно, был нежизнеспособной конструкцией и в 1960-е годы мало кого удовлетворял. Но идти от него к реальности можно было только в сторону рынка. Таких ходоков идеологические власти быстро приводили в порядок, далеко они не уходили.

Конечно, и в школе МГУ, как и в любой другой, было правое и левое крыло. И Дзарасов в этой школе представлял именно рыночное крыло. По сути своей Дзарасов и тогда был рыночным социалистом, что было характерно для школы Института экономики (Я.А. Кронрод), но он им

8. Там же. С. 272.

остался и в постсоветский период. Так, в 1971 г. Дзарасов писал: «Централизованное управление и планирование не охватывает весь круг общественных потребностей. Поэтому не все они удовлетворяются за счет планов и заданий централизованных органов. Неучтенные в плановом порядке потребности необходимо учитывать и удовлетворять через рыночный механизм, путем открытия для закона стоимости более широкого пространства действия»⁹. Под этими словами мог подписать любой представитель школы Института экономики АН СССР и это правильные слова и с позиций сегодняшнего дня.

В то же время это классическая социал-демократическая постановка проблемы, когда некоторые сферы общества выводятся из-под действия рыночного механизма, а остальные продолжают регулироваться законом стоимости (спроса и предложения). Но социал-демократическая постановка вопроса в принципиальном отношении была чужда школе МГУ. А Дзарасов как социал-демократ, следовательно, и тогда был чужд основным постулатам этой школы.

Политическая составляющая политической экономии

Теперь время заняться основным выводом научной деятельности Дзарасова: политэкономическое исследование должно заканчиваться или увенчиваться социал-демократическим выводом как объективно неизбежным следствием научного анализа.

Для начала разберем, что же такое политическая экономия. К сожалению, политическая экономия сегодня в России как-то заглохла. В вузах многие кафедры политэкономии теперь переименованы и преподают в основном макро- или микроэкономику с начатками «общей теории». Заметим, что и социал-демократические начала в современной России

9. Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного социалистического производства / Под ред. Н.А. Цаголова. М., 1971. С. 100.

звучат как-то глухо, если вообще где-то и как-то еще звучат. Видите — одно связано с другим.

Политэкономический подход по сути своей есть осмысливание и объяснение определенных экономических явлений и процессов с точки зрения политических интересов народа, отдельных его слоев и классов. Именно это дает понимание объективных закономерностей экономического и социального развития общества. Нам сегодня очень не хватает именно политэкономического самопонимания или политэкономического самосознания России. Как-то Р. Гильфердинг назвал политическую экономию самосознанием буржуазного общества. Выходит, если у нас отменили политэкономию, то получается, что Россия еще не дозрела до буржуазного общества.

Тут важен еще один аспект. За все годы советского периода у нас определенные экономические события и сюжеты не анализировались, не осмысливались с политico-экономической точки зрения. Это означает, что то или иное историческое событие интерпретировалось только в угоду одной концепции, одной формулы. Весь прогресс политэкономического осмысления исторического опыта сводился к динамике правящей партии, а точнее, ее вождю или группе вождей, соцолигархам. Политическая экономия особенно в историческом смысле обязана вскрывать экономическую сущность определенного исторического явления, выявлять экономические закономерности и, главное, отвечать на вопрос, кому, в конечном счете, экономически выгодно то или иное историческое или хозяйственное событие.

Советские политэкономы не решались заниматься историческими сюжетами, отдав последние исключительно на откуп профессиональным историкам. При этом игнорировалось замечание Ф. Энгельса о том, что «политическая экономия по своему существу — историческая наука»¹⁰. Это, конечно, не должно означать переноса преподавания поли-

10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 151.

тической экономии на исторический факультет или сведение всего экономического процесса к историческим особенностям той или иной страны, как это делала историческая школа политэкономии в Германии. Если политическая экономия изучает объективные законы материального производства и экономические отношения, складывающиеся в этом процессе, то историческая политическая экономия выявляет и объясняет исторические особенности действия этих экономических законов и отношений. В советский период именно этот аспект политико-экономических сочинений совершенно отсутствовал. И это было очень плохо.

Таким образом, к сегодняшнему дню у нас нет определенного развития политэкономического анализа отечественного исторического опыта. А без этого Россия попросту рискует превратиться в полуколониальную страну, даже хорошо не понимая этого. Сегодня, к сожалению, отсутствует не только политико-экономическое понимание собственного исторического опыта, но даже понимание этого непонимания. Будем надеяться, что этот период не продлится долго. Я бы сказал, что первой ласточкой, восполняющей брешь отсутствия исторической политической экономии, явилась блестящая книга Дзарасова «Российский путь: либерализм или социал-демократизм» (М., 1994). Вся она построена в лучших традициях исторической школы и прекрасно демонстрирует мощные возможности исторического подхода в политической экономии.

Еще об одном отличии политэкономического анализа надоально сказать. Политэкономическое исследование – это не просто и даже не столько сугубо экономическое исследование материального процесса. Этим занимаются конкретные экономические дисциплины. Политическая экономия изучает преимущественно идеологию этого процесса, то есть различные концепции и воззрения, которые интерпретируют живую материю экономического процесса и служат основой для формирования той или иной экономической политики. Политическая экономия – это идеологическая и полити-

ческая наука. Если выхолостить из политической экономии идеологические и политические сюжеты, по необходимости все сведется к «экономикусу». То есть политическая экономия будет сброшена как высохшая оболочка с мощно жущего организма яппи¹¹. Так оно и получилось. Вернее, почти получилось и получилось бы совсем, если бы не мешали этому процессу такие зубры политической экономии, как С.С. Дзарасов и другие ученые такого же ранга. Но вернемся к основной линии нашего очерка. Экономическая политика государства также есть выражение определенной экономической идеологии, тех или иных теорий и концепций, сформулированных в научных или политических трудах. Или просто в головах государственных деятелей там, где общественная наука развита слабо и правящие деятели опираются, главным образом, не на результаты науки, зафиксированные в монографиях и учебниках, а на собственное понимание и интуицию, но прежде всего на житейский опыт и национальные традиции. Справедливо такое общество называют традиционным. Политическая экономия предполагает изучение и анализ теорий и концепций, которые уже стали историей и в той или иной мере воздействовали на формирование определенной экономической политики.

Историки любят говорить, что «историю изучают при помощи текстов». Наверное, это правильно, если оставить в стороне раскопки могил. В политической экономии нет раскопок, здесь изучают только тексты. Ибо теории и концепции предстают перед исследователем не в непосредственном виде, а как политico-экономические сочинения. Как бы важно ни было эмпирическое изучение первичных фактов и статистических рядов, но для понимания взаимосвязи этих фактов и рядов надо подниматься к известным обобщениям, быть схоластом. Это требует уже иного уровня анализа, разбора и обобщения теоретических концепций, критики этих кон-

11. Яппи (от англ. Upstarts) – молодые состоятельные и успешные люди, озабоченные только своей собственной карьерой и личным материальным успехом.

цепций. Наука – это критика устоявшихся представлений. Сегодня в России нет устоявшихся теоретических положений, значит, нет и науки. Сегодня нам подсовывают дешевые западные учебные пособия для домохозяек на тему, как уйти от налогов и стать богатым. И это объявляется современной экономической теорией.

С.С. Дзарасов одним из первых выступил крестовым походом против «экономикса», а точнее говоря, против рази-деологизации экономического мышления нации. Собственно говоря, против ликвидации политической экономии. Ибо устранение политической экономии из нашей системы высшего образования автоматически делает невозможным понимание идеологии экономического процесса, уничтожает экономическое самосознание нации.

Социал-демократия и Россия

Как уже говорилось, политическая экономия есть по сути дела экономическая идеология наиболее прогрессивного класса в классовом обществе, т. е. в обществе, которое осваивает товарное производство и рыночный механизм. Когда-то таким классом была буржуазия, и политическая экономия была идеологическим обоснованием и прикрытием ее борьбы за господствующее положение в обществе. Когда такое господство было достигнуто полностью в начале XX в. (если брать христианский мир, то окончательно феодальные отношения в нем были сломлены только в 1917 г. в России), то политическая экономия как таковая перестала развиваться, но окончательно не утратилась. В ее поле зрения оказались проблемы не развития рыночных отношений и товарного производства, а, наоборот, проблемы государственного регулирования рынка, его ограничений, «провалы рынка». Класс, который оказался заинтересованным в этих проблемах, оказался не столько рабочим классом, а сколько вообще трудающимися или, точнее, средними слоями современного общества. Политические их интересы состоят не столько в поддержании рыночного равновесия и рыночного саморегулирования

(хотя в определенной части это тоже их интересы), сколько в укреплении государства и государственной или общественной поддержки таких нерыночных сфер, как культура, образование, наука, здравоохранение. Эти политические интересы как раз и выражает социал-демократия. Поэтому актуальный вывод из современной политической экономии возможен только в понятиях и категориях социал-демократизма.

И надо сказать, что именно Дзарасов явился первым и наиболее глубоким разработчиком социал-демократической теории на базе политэкономических изысканий. Это подтверждает уже упоминавшаяся блестящая и пока еще единственная в нашей литературе книга Дзарасова «Российский путь: либерализм или социал-демократизм». В заключении этой книги Дзарасов делает такой вывод: «Нашим выбором должна стать социал-демократическая концепция исторического развития, представляющая компромисс (синтез) капитализма и социализма, марксизма и либерализма. Мы можем идти только вперед к постиндустриальному (информационному) обществу, которое представляет собой конвергенцию капитализма и социализма, индивидуальных и коллективных свобод, свободного рынка и его планового регулирования, прав человека и его социальной защищенности»¹². Ведь эти слова, по существу, ничем не отличаются от того места из работы Дзарасова 1971 г., которое я ранее цитировал. И это все правильно.

Последняя книга

У Солтана Сафарбиевича Дзарасова много научных трудов. Их подробный анализ – дело будущего, как и составление полного списка всего опубликованного Дзарасовым. Но на последней книге С.С. Дзарасова стоит остановиться особо.

Итак, книга Дзарасова «Куда Кейнс зовет Россию?» (М., 2012). Книга состоит из 4-х глав. Первая глава «Кейнсианская

12. Дзарасов С.С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 1994. С. 307–308.

революция в экономической теории» дает краткое, но достаточно точное представление об экономической теории Кейнса и ее месте в истории экономической мысли. Вторая глава «Горькие уроки российского капиталистического эксперимента» подробно описывает 20-летний опыт нахождения в постсоветской России капитализма. Дзарасов на цифрах и фактах повествует о полном провале рыночной экономики, выстраиваемой, как пишет автор, по рецептам неоклассической экономической теории. Автор подробно рассматривает «десять тяжких последствий рыночного эксперимента» в России. Их стоит перечислить теми же словами, как это сделано в книге: 1) развал производственного сектора экономики; 2) научно-техническая деградация; 3) сырьевая ориентация экономики; 4) утечка капитала за рубеж; 5) ущербность инвестиций; 6) массовая безработица; 7) усиление неравенства; 8) вымирание населения; 9) рост преступности; 10) всеобщий характер коррупции. Все очень правильно. Третья глава «Посткейнсианство – теория третьего пути» излагает, собственно, ту теорию, которую, по мнению автора, и надо положить в основу экономической политики современной России. Наконец, в четвертой главе «Разнообразие моделей экономического развития» рассматривается экономическое развитие за последние 15–20 лет тех стран (Япония, Китай, Вьетнам, Индия и Бразилия), которые добились за эти годы заметных успехов в экономике. Как пишет автор, эти страны отвергли американский «экономикс» и руководствовались в своей экономической политике национальными интересами страны и учетом рационального опыта других стран, в т.ч. СССР 1920-х годов. В итоге Китай за 20 лет демонстрирует постоянный и уверенный экономический рост, Россия за тот же период времени – уверенный спад производства. Даже некоторый экономический рост, который наметился у нас после 2000 г., пока еще не вывел страну на уровень последнего советского года (1990 г.).

Это хорошая книга крупного нашего ученого о хорошей западной теории. Написана просто, доступно и умно.

Несмотря на то что автор переполнен английским посткейнсианством, он не перегрузил текста изобилием иностранных терминов и слов, а, наоборот, очень бережно и внимательно использует отечественный категориальный аппарат, к которому мы давно привыкли и хорошо понимаем. У российского читателя это вызывает симпатию, которая естественным образом распространяется и на книгу, и на ее автора.

Конечно, эта книга не только о Кейнсе, но главным образом о России. В книге автор поставил много вопросов и предложил свое видение ответов. Вот эти вопросы и ответы Дзарасова мы рассмотрим в дискуссионном ключе, ибо, как говорили древние, в споре рождается истина. А по поводу книги Дзарасова есть о чем поспорить. Она заслуживает не только внимательного прочтения, но и большой научной дискуссии.

С.С. Дзарасов все время бьется вокруг вопроса, какая же нам сегодня нужна экономическая теория. Этот вопрос вообще является главным, стержневым для всей книги. И С.С. Дзарасов прав в том, что западная экономическая теория, и прежде всего направление либерально-радикального реформирования (неоклассика), нам по ряду причин не подходят. Но прежде чем найти (или создать) подходящую экономическую теорию, надо бы ответить на вопрос, а почему это нам нужна особая теория, какие такие причины делают негодной для нас западную экономическую теорию. Для этого, значит, надо ответить и на такой вопрос, кто же мы такие есть.

С.С. Дзарасов подходит ко всем этим вопросам через марксизм и, видимо, не только потому что это было господствующим учением в советский период. Он задается вопросом, почему же на Западе марксизм не имел и не имеет такого широкого распространения, как у нас в советские времена. И вот его ответ: «Очевидно, западное прагматическое мышление склонно сводить познание экономической действительности к установлению количественных, функциональных зависимостей и отдает предпочтение позитивной стороне

марксовой теории, а его методологию оценивает как лишенную смысла метафизику. А склонное к целостному восприятию мира русское сознание превыше всего оценило именно подход Маркса к экономическому анализу¹³. Вообще это очень важный момент в современных рассуждениях на тему «Куда идет Россия?».

Некоторые авторы особенности русских или российских людей готовы возводить до небесных вершин: необыкновенная широта души, целостное восприятие мира, крепость народных нравов и т.п. И на этой зыбкой эмоциональной основе некоторые авторы готовы строить необыкновенную цивилизацию, и даже необыкновенную экономическую теорию. Дзарасов, конечно, не впадает в этот ракурс. Более того, С.С. Дзарасов ищет и предлагает именно западную экономическую теорию (кейнсианство) для России, справедливо считая, что у нее такой же путь экономического развития, как и у большинства европейских стран. Действительно, считать, что западное мышление количественное и функциональное, а российское целостное, думается, чрезмерным. Дело совсем не в этом. Дело в том, что западное мышление в целом позитивистское не в силу каких-то природных особенностей устройства головы европейца, а в силу того что буржуазный экономический строй там утвердился уже несколько сот лет назад, стал устоявшимся и воспитал уже не одно поколение европейцев в духе буржуазного позитивизма и pragmatизма. В России же лишь сравнительно недавно стали формироваться буржуазные ценности. Да и этот процесс был прерван, хотя и не убит после 1917 г. Поэтому российские интеллигенты, в том числе и экономисты, отличались не pragmatизмом, а стремлением к идеалам, поискам лучшего, нового общества, чему свидетельствует не только последняя книга С.С. Дзарасова, но и все его научное творчество. Потому-то в российском интеллектуальном дискурсе важное, даже подавляющее, место занимает так называемый «субъек-

13. Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовет Россию? М.: Алгоритм, 2012. С. 227.

тивный фактор» истории, когда красивые идеи и смелые люди («герои») способны перевернуть жизнь. Но тут ничего оригинального нет. Такая ситуации наблюдалась в начале XIX в. в Германии, в период *"Drang und Sturm"*. Подобная ситуация наблюдается и сегодня в России.

Нам нужна особая, своеобразная экономическая теория не только поэтому. А прежде всего, потому что Россия по своему географическому, историческому, национальному положению очень не похожа на страны Запада, где в свое время была сформулирована классическая экономическая теория и где ныне господствует неоклассика («экономикс»). Конечно, нам нельзя отбрасывать достижения мировой экономической науки, а, наоборот, надо наверстывать все то, что мы игнорировали в советский период. Но экономический процесс в России имеет существенные отличия от развития стран Запада, и не в силу своеобразия широты «русской души», а в силу протяженности страны, нашего климата, резких региональных различий и т.п. объективных обстоятельств. И российская экономическая наука, которая начала формироваться как актуальный императив государственного управления лишь во второй половине, и особенно в конце XIX в., начала процесс осмысливания специфически российских потребностей экономического развития. Этот процесс продолжался и весь XX в., но по разным причинам так и не был закончен.

Дзарасов на место нужной нам теории ставит новый, как он выражается, постклассический синтез. Он пишет следующее: «Мы имеем в виду синтез классического наследия политической экономии с тем, что наработано современным посткейнсианством, институционализмом, неорикардианством и неомарксизмом, и системное осмысление всего этого средствами цаголовской методологии»¹⁴. Здесь правильно названы основные составляющие современной экономической науки и, думается, правильно указано на «средства

14. Там же. С. 277.

цаголовской методологии». Но вот что под этим имеет в виду Дзарасов, остается неясным. Ранее в книге Дзарасов в ряде мест указывал, что цаголовская методология есть методология Маркса, «Капитала», данная лишь в более аутентичном виде. Но тогда это уже названная составляющая постклассического синтеза — марксизм или неомарксизм. Зачем же еще раз ее повторять. Однако, я думаю, что эту «цаголовскую методологию» можно трактовать иначе. Ее можно понимать как специфически российскую традицию «социального фактора» в истории, как особенности формирования и развития специфически российской экономической школы.

Итак, дело не только в том, что нужно делать новый постклассический синтез экономической теории, активно овладевать новыми направлениями западной экономической мысли. Но нужна и специальная экономическая теория для случая России, которая была бы не альтернативой мировой экономической науке, а представляла бы ее органическую, но все же особую часть.

Очень удачен и интересен раздел в книге, который называется «Российский след в воззрениях Кейнса». Оказывается, у Кейнса была русская жена (бывшая балерина) и он проявлял повышенный интерес к событиям в России. Однако русскую революцию 1917 г. и экономические усилия большевиков Кейнс не воспринял. Как пишет Дзарасов, «высокомерие к рабочему классу предопределило также его предвзято мещансскую оценку русской революции... Кейнс стоял на стороне властивущей буржуазии». Но это не помешало Кейнсу «беспощадно критиковать капиталистические порядки», когда они противоречили «здравому смыслу и целям благополучия не только верхних слоев, но всего народа»¹⁵. Общее резюме из концепции Кейнса Дзарасов формулирует так: «В центр внимания этой концепции поставлен вопрос о регулировании экономики, как путем государственного воздействия, так и создания частнокапиталистической заинтересо-

¹⁵. Там же. С. 12.

ваннысти социально ориентированного ведения хозяйства»¹⁶. Таким образом, по мнению автора книги, Кейнс пытался спасти капитализм от самих капиталистов. Затея заманчивая, позволим себе заметить, но реальность ее очень сомнительна. Капиталистические страны в периоды экономических кризисов вроде бы готовы прислушиваться к советам Кейнса и усиливают государственное регулирование экономики, но, когда кризис минует, они опять берутся за старое. Капитализм есть капитализм, даже если ему приделать «человеческое лицо».

Может быть, поэтому Дзарасов много и хорошо пишет о советском опыте регулирования и развития экономики. Автор берет простой пример: два 20-летия. Сперва советское (1970–1989 гг.) и второе постсоветское (1990–2009 гг.) и сравнивает основные показатели экономического развития за эти годы. Так, продукция промышленности в советском двадцатилетии увеличилась на 248 %, в постсоветском двадцатилетии сократилась более чем на 30%; продукция сельского хозяйства в первом случае выросла на 207%, во втором случае сократилась на 16%; инвестиции в первом периоде выросли на 283%, во втором сократились на 47%. Эти цифры говорят сами за себя. И автор делает вполне доказанный вывод: «Сухим языком цифр и фактов двадцатилетний российский капиталистический эксперимент показал, что в наших условиях плановая экономика и общественная собственность в ключевых отраслях экономики являются намного более эффективными, нежели рынок и частная собственность. Такое утверждение противоречит канонам неоклассической теологии и интересам тех, кто прибрал себе богатства страны и теперь готов на все, чтобы сохранить их в своих руках»¹⁷. Это хорошие слова, чувства и мысли С.С. Дзарасова.

Признавая несомненные достоинства книги Дзарасова и по основным ее положениям целиком и полностью соглашаясь и поддерживая автора, для критики приходится выис-

16. Там же. С. 21.

17. Там же. С. 93.

кивать второстепенные и побочные вопросы. Внешне это выглядит занудством, но что же делать! Интересную научную книгу всегда хочется критиковать. Тем она и интересна. Так, представляется, что автор смешивает экономическое развитие и экономическую эффективность. В советский период экономическое развитие у нас, несомненно, было, по сравнению с постсоветским 20-летием, где его просто нет. Тут Дзарасов трижды прав. Но если взять показатели эффективности производства, то радужная картина советского развития несколько тускнеет. Так, прирост производительности труда за три пятилетки (1971–1975; 1976–1980; 1981–1985) соответственно составил – 4,5, 3,3, 3,1%, т.е. явно уменьшался. Фондоотдача снижалась по этим пятилеткам так – 2,7, 3,1, 2,9%. Зато увеличивалась энергоемкость производства на 0,9, 0,8, 1,1% и металлоемкость на 0,9, 3,4, 2,3%. Для постсоветского периода такой занудливый анализ уже несколько бессмыслен, ибо исчезает само производство. Но в целом, думается, трудно оспорить тот факт, что советская экономика по эффективности производства сильно уступала развитым экономикам западных стран. Иначе – зачем нам были все реформы и необходимость перехода к рынку?

И Дзарасов признает неизбежность рыночной экономики и не выступает против нее в целом. Более того, Дзарасов во многих местах указывает, что нам нужна планово-рыночная модель экономики и к ней мы, видимо, должны были переходить в свое время. Но перешли к либерально-рыночной модели, которая продемонстрировала неспособность развития российской экономики. Это все правильно. Дзарасов считает, что все дело в том, что мы, т.е. Россия, выбрали не ту модель экономики. Коренную причину негативных последствий экономических реформ, пишет Дзарасов, «я усматриваю в принятии не соответствующей нашим условиям неоклассической модели рынка»¹⁸. Получается, что мы читали как бы не те книги. А нам надо было читать другие книги

18. Там же. С. 14.

и выбрать, по мнению Дзарасова, модель Кейнса. Вот в этом пункте у меня самые большие расхождения с автором книги. Хотя лично к Кейнсу у меня больших претензий нет, да и его теория заслуживает внимательного изучения. Но вопрос намного сложнее и шире. Рассмотрим все это неспеша.

Я не думаю, что какое-либо правительство в своих практических действиях когда-либо руководствовалось указаниями конкретной экономической теории. И не только потому, что теоретические модели слишком абстрактны и не пригодны для практического использования. Правительства прежде всего действуют исходя из экономических интересов того класса или группы людей, которые создали эти правительства. Экономические теории используют учёные для понимания реальных процессов и объяснения, что и как происходит. Западная экономическая наука в силу своей позитивистской направленности стремится объяснить мир, не переделывая его. Это советская наука, как носящая в целом нормативный характер, стремилась изменить (или улучшить) экономику в интересах процветания всей страны. Но пока еще ни наука, ни общество не достигли такого состояния, когда можно руководствоваться рекомендациями науки в экономическом развитии. И любое правительство, что на Западе, что у нас использует разные экономические теории лишь для прикрытия, идеологического оправдания тех или иных действий.

Далее. Дзарасов приводит опыт советской экономики как положительный пример бескризисного развития. Но ведь тогда, в советское время мы не жили по модели Кейнса. И жили лучше, чем сейчас. Сам же автор пишет, что советская политэкономия, несмотря на свою догматичность, «была если не полным, то все-таки отражением нашей ситуации и для ее понимания давала определенные ориентиры» (Там же. С. 7). Золотые слова. А вот какую российскую ситуацию может отражать теория Кейнса? Более того, у нас был вполне успешный опыт смешанной экономики первой половины 1920-х годов, когда еще Кейнс не создал своей знаменитой теории. И об этом пишет сам же Дзарасов: «То, что Кейнс предлагал

в «Общей теории» на другой основе, делалось в Советском Союзе задолго до него и в более полном объеме» (Там же. С. 122). Зачем же нам тогда Кейнс?

Дзарасов рассматривает успешный опыт проведения экономических реформ в Китае, Индии, Бразилии и делает вполне обоснованный вывод: «В отличие от нас, каждая из этих стран разработала и осуществляет собственную модель экономики в соответствии со спецификой своей страны, ценностями культуры и ментальностью народа» (Там же. С. 16). Очень хорошо. Но ведь ни Китай, ни Индия, ни Бразилия не легли полностью под Кейнса, а разработали собственные модели экономического развития, беря какие-то элементы у Кейнса, а какие-то из нашего советского опыта и какие-то из собственного понимания экономического процесса. И возникает следующий вопрос. Разве теория Кейнса отвечает специфике нашей страны, нашим ценностям культуры и ментальности нашего народа? Очень сомнительно.

У нас самих накоплен колоссальный опыт регулирования экономического развития. Вспомним нашу систему народно-хозяйственного планирования. Да, там было много нелепостей и глупости. Но сам принцип планового начала (в виде индикативного планирования, векторного, программно-целевого) являлся большим достижением советской экономической науки и экономической практики. Да и сам Дзарасов совершенно справедливо на это указывает: «Планирование – это то, что мы умели, как никто другой, и отказ от него явился для нас роковым. Каковы бы ни были теперь трудности его возобновления, другим способом выживания мы не располагаем» (Там же. С. 210). Замечательные слова.

Пойдем дальше. Дзарасов, справедливо критикуя «наш капитализм», полагает, что он представляет «единственный случай создания рынка и капитализма по чертежам неоклассической ортодоксии» (Там же. С. 151). Однако очень сомнительно считать, что российские реформаторы 1990-х годов разваливали отечественную экономику, устраивали уязвимую с юридической точки зрения приватизацию, обогащались

и т.д. в точном соответствии с учебниками «экономикс». Еще большой вопрос, какие книги они читали и читали ли вообще что-нибудь. Они действовали в своих личных интересах, а неоклассическая экономическая теория тут по большому счету ни при чем. Можно привести немало фактов несоответствия реформ 1990-х «чертежам неоклассической ортодоксии». Например, уровень безработицы у нас был ниже, чем это следовало бы по теории, а ставка рефинансирования, наоборот, выше, и т.д. Иными словами, воровство, коррупция, обман, уголовные и государственные преступления, к чему сводились реформы 1990-х, не есть лишь следствия «неоклассической теории». На самом деле теория тут ни при чем. Для воровства совсем не нужна специальная экономическая теория. Виновата не теория, а люди. Теория использовалась лишь для прикрытия, камуфляжа соответствующих действий. Дзарасов далее пишет, что, к сожалению, «мы не прислушались к предостерегающим соображениям о несостоятельности» неоклассической теории и допустили провальные реформы. Да, такие предостережения были, и прежде всего не от иностранных экономистов, а от наших, отечественных ученых. Вспомним многих отечественных ученых, которые громко и открыто говорили в самом начале 1990-х годов о пагубности курса экономической политики того времени. Вспомним «Программу Абалкина» перехода к рынку, да и все выступления Л.И. Абалкина, как и многих других экономистов, предостерегающих от неверной экономической стратегии «шоковой терапии». Вспомним, наконец, страстные выступления в печати против бездумного увлечения либеральной экономической теорией (неоклассикой) и самого Дзарасова в те уже далекие времена. Я-то их хорошо помню. Так, кто эти «мы», которые «не прислушались», которые «не вступили с ней в полемику»? А ведь полемика была, и очень ожесточенная. Мы постоянно выступали против политики рыночного фундаментализма. А не прислушивались к разумным советам отечественных экономистов «они», т.е. те, кто был у власти. Да и сегодня «они» не торопятся прислушиваться. А экономи-

ческая теория тут совсем ни при чем. Как раз и «Программа Абалкина», и многие другие работы сотрудников Института экономики РАН были выполнены в духе теории Кейнса, но без Кейнса. Ведь, по большому счету, и так понятно, что экономикой надо управлять, а не пускать все на самотек. Тем более это относится к России с ее громадной территорией, сложным климатом, многообразным населением, историческими традициями и т.п.

Дзарасов в своей книге прямо и честно предостерегает против бездумного заимствования западной экономической мысли нашими экономистами. Вот, например: «В калейдоскопе большого разнообразия постсоветские государства оказались в положении слепцов, способных только копировать англо-американскую либеральную модель без учета собственной специфики. Бездумное подражательство вместо осмысленного восприятия западной культуры приобрело характер национального бедствия» (Там же. С. 218). Очень верно и мудро сказано. Поэтому мы сами должны думать и самостоятельно идти правильным путем. В другой работе С.С. Дзарасов прямо пишет об этом: «У нас есть два источника теоретического знания, которые дополняют друг друга: советское наследие уникально раскрывает содержание и методы народнохозяйственного планирования, но не располагает адекватной теорией современного капитализма; а западная альтернативная экономика дает уникальную картину последнего, но мало что знает о планировании. Органический синтез этих школ возможен потому, что и советская, и альтернативная западная экономические теории ведут свое начало от одного источника – классической политической экономии»¹⁹. Конечно, надо пользоваться «жемчужинами западной экономической мысли». Но главное – это разработки и достижения нашей собственной экономической науки. И на это не следует жалеть сил и времени.

19. Дзарасов С.С. Мэйнстрим в России: провал и альтернатива. М.: РАН, 2005. С. 17.

И, наверное, последнее. Дзарасов считает, что мы можем выбирать путь экономического развития по своему желанию. Он обрисовывает три пути: путь бюрократического централизма плановой экономики, путь рыночного фундаментализма и третий путь — посткейнсианства, который сочетает достоинства первых двух и отсекает их пороки²⁰. Первый путь, по которому шел Советский Союз и создал мощную индустриальную державу, второй путь за последние 25 лет создал полную экономическую катастрофу. Но можем ли мы выбирать между ними? Если можем, то почему все время выбирали не тот путь? Первый путь уже пройден, и вернуться на него уже невозможно. Второй — себя полностью дискредитировал. Остается третий путь, который и предлагает Дзарасов в своей книге. В этом состоит заслуга автора и ценность его книги. Профессор С.С. Дзарасов аргументированно обосновал и доказал неизбежность именно такой экономической стратегии для России. И никакого выбора тут нет. Это единственная оставшаяся возможность успешного экономического развития. И это не свободный выбор экономической стратегии, а жесткая экономическая необходимость. И ее надо понять.

Таким образом, Дзарасов в своей интересной, содержательной и страстной книге отвечает на любимый вопрос русской интеллигенции, что делать. Но остается без ответа вопрос, кто виноват.

* * *

Конечно, с С.С. Дзарасовым можно много спорить и дискуссионировать по многим вопросам. Ведь труды Дзарасова дают живой материал для длительной и глубокой научной дискуссии. Своими трудами и своей жизнью, т. е. научной и общественной деятельностью, Дзарасов доказал, что последовательный и глубокий политэконом должен обязательно быть социал-демократом. Конечно, не обязательно состоять членом какой-то партии, тем более что с этим у нас, как

20. Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовет Россию? М.: Алгоритм, 2012. С. 174.

всегда, путаница. Но социал-демократическое мировоззрение в себе нести надо обязательно. Вот эта социалистическая и демократическая убежденность Дзарасова и была самой сильной чертой его обаяния. Ведь красота мужчины определяется не формой его носа или уха, а опытом, знаниями, умом. И чем этого больше, тем лучше. Но при всем том для обаяния и этого мало. Для него надо еще хорошо относиться к людям, надо любить людей. А Дзарасов это делал с особой силой и вдвойне: как теоретик социал-демократизма и как человек.

Уже много лет как нет с нами Солтана Сафарбиеевича Дзарасова, у которого всегда можно было учиться многому хорошему. И учиться не только кембриджской школе в экономической теории, но и учиться, как следует учиться у других. Меня как-то поразили слова С.С. Дзарасова на одной научной конференции, когда ведущий дискуссии, увидев Дзарасова входящим в зал, почти сразу же предложил Дзарасову выступить. С.С. Дзарасов отказался, сказав, что он пришел слушать и учиться у других. Много ли в Москве найдется профессоров политической экономии, которое так запросто уступят свое место у микрофона. Более того, Дзарасов обосновал это в таких едких и точных словах, что трудно отказать себе в удовольствии их лишний раз процитировать: «Наши интеллектуальные верхи страдают тем же, что и советская номенклатура — непомерным самомнением, без особых на то оснований, а это обычно исключает культуру понимания других, их достоинств и научного вклада»²¹. Прекрасные слова мудрого и мужественного человека.

Еще более поражает факт поездки Дзарасова в 70-летнем возрасте за рубеж опять же с целью учебы. Ведь это представить надо, чтобы в положении маститого профессора, в атмосфере всеобщей любви, уважения и признания отправиться куда-то за моря, оказаться на целых полгода в шкуре бедного студента в чужой обстановке, с чужим языком и учиться у них экономической теории. На это способен далеко не каждый.

21. Экономическая наука современной России, 1999, № 2. С. 122.

Для этого нужно иметь юношеский пыл и тягу к знаниям. Но Дзарасов не просто просидел на английском острове, но подарил нам серию работ, доказывающих, что и западная экономическая наука далеко не сводится к монетаризму и «экономиксу». Более того, из самых последних работ Дзарасова вытекает тот же социал-демократический вывод, что «экономикс» как таковой не служит интересам трудящихся слоев, а есть затычка идеологии социального прогресса. А политическая экономия все еще выполняет функцию идеологии социального прогресса.

Основные работы С.С. Дзарасова

- Дзарасов С. С. Экономические методы управления. М., 1969.
- Дзарасов С.С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 1994.
- Дзарасов С.С. Российские реформы и проблема экономической теории // Экономико-философские тетради. (Журнал современной социальной мысли), 2003. Вып. 1. С. 81–96.
- Дзарасов С.С. (ред.). Теория капитала и экономического роста. М.: Изд-во МГУ, 2004.
- Дзарасов С.С., Меньшиков С.М., Попов Г.Х. Судьба политической экономии и ее советского классика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 5. Дзарасов С.С. Мэйнстим в России: провал и альтернатива. М.: РАН, 2005. 6. Дзарасов С. Русская революция: национальная смута или мировой триумф? // «Альтернативы». 2007. № 3. С. 45–64.
- Дзарасов С.С. Переосмысление социализма XXI века // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. С. 450–516.
- Дзарасов С.С. Российский кризис: истоки и уроки // Мировые кризисы XXI века: причины, природа, альтернативы преодоления. (Россия в глобальном контексте) / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2009. С. 55–77.
- Дзарасов С.С. Кризис: необходимость новой модели развития // Кризис: альтернативы будущего (глобальный контекст и российская специфика) / Под ред. А.В. Бузгалина и П. Линке. М.: Культурная революция, 2010. С. 123–153.

Дзарасов С.С. Власть и демократия в России // Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала / Под ред. А.В. Бузгалина, М.И. Воейкова. М.: Экономика, 2011. С. 428–448.

Дзарасов С.С. От неолиберальной к посткейсианской экономике // Стратегия опережающего развития – III. Т. 1. Российские модернизации: диагнозы и прогнозы / Под ред. А.В. Бузгалина, Р. Крумма. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 149–190.

Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовет Россию? М.: Алгоритм, 2012.

Дзарасов С. Нужна другая модель экономики // Альтернативы. 2014. № 1. С. 85–99.

Литература о С.С. Дзарасове

Воейков М.И. С.С. Дзарасов и отечественная традиция политической экономии // Альтернативы. 2016. № 1. С. 177–197.

Цаголов Г.Н. Солтан Дзарасов: современник будущего // Альтернативы. 2015. № 1. С. 16–25.

**ЕВСТИГНЕЕВ
РУБЕН НИКОЛАЕВИЧ
(1932–2017)**

Рубен Николаевич Евстигнеев – не только выдающийся российский экономист, но и удивительно светлый человек, вокруг которого всегда естественно складывалась атмосфера творческой доброжелательности, поиска новых путей развития науки.

Евстигнеев родился в Москве 5 июля 1932 г. Его отец, которого в своих мемуарах Рубен Николаевич называл (как и всю жизнь) просто «мой Коля», был актером московских театров (Малого театра, Театра на Малой Бронной и др.). Возможно, именно от отца Рубен Николаевич унаследовал столь гармонирующий с его образом артистизм, любовь к литературе и искусству во всех его проявлениях, поэтический дар. Празднуемые с его участием юбилеи сотрудников нашего института всегда украшались его стихотворными поздравлениями. А ряд его серьезных стихотворных раздумий вошел в вышедшую в 2006 г. книгу его мемуаров «Безмолвное знание».

В Институт экономики АН СССР Евстигнеев пришел в 1956 г. после окончания с отличием МГИМО сначала на скромную должность научно-технического сотрудника в незадолго до этого созданный сектор по изучению экономики стран народной демократии. Там как раз открылась вакансия для специалиста по изучению экономики Чехословакии, а Евстигнеев в МГИМО в качестве второго

иностранных языка выучил чешский и еще до поступления в институт сделал для него ряд переводов с чешского.

В своих мемуарах Рубен Николаевич особо подчеркивал, что именно с сектора стран народной демократии Института экономики АН СССР у нас в стране началось глубокое изучение социально-экономической и политической жизни стран Центральной и Восточной Европы, тогда — «стран социализма». О той роли, которую тогда придавало руководство страны этому направлению исследований, равно как и о качестве выполняемых в секторе работ, красноречиво свидетельствует тот факт, что уже в марте 1960 г. на базе этого сектора был создан специальный Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР, куда естественно перешли сотрудники сектора стран народной демократии. Этот институт долгие десятилетия был одним из флагманов изучения экономической теории и практики стран социалистического содружества, а затем и процессов постсоциалистических преобразований в этих странах. В 1990-х годах институт сменил свое название, по-прежнему оставаясь одним из ведущих исследовательских центров Российской академии наук. В 2005 г. в рамках общих процессов реорганизации институтов РАН он был объединен с Институтом экономики РАН. В каком-то смысле можно сказать, что и институт, и работавший в нем Евстигнеев вернулись в свою *alma mater*. Так об этом и пишет он в своих мемуарах.

Описывая свою научную карьеру, Рубен Николаевич особо подчеркивал, что ему с самого начала было тесно в рамках просто экономиста-страницы, его тянуло к анализу процессов, общих для всего блока «стран социалистического содружества», к выявлению как особенностей каждой из них, так и единых для всех тенденций. Поэтому, вспоминает он, «от социалистической страны я перешел к социалистической системе, далее — к ее трансформации в капиталистическую систему. И вот теперь меня гложет вопрос о том, куда же двинулся в последнее время весь мир и мы вместе с ним. Модерн, постмодерн. Обогащение неоклассиков институци-

оналистами-еволюционистами. Глобализация и локализация. На горизонте замаячили контуры новой науки — экономической синергетики»¹.

Но до экономической синергетики было еще далеко. Пока же молодой экономист Рубен Николаевич Евстигнеев не только погрузился в анализ специфики социалистического развития прежде всего стран Центральной и Восточной Европы, но и в атмосферу широких и интересных дискуссий, разворачивавшихся как в рамках Института экономики, так и за его пределами в конце 1950–1960-х годах. Ведь это, при всех существовавших тогда ограничениях, нередко сопровождавшихся и административными окриками, и даже политическими репрессиями, были годы интенсивных поисков новых форм развития социалистической системы хозяйствования, годы подготовки «косыгинской реформы», попытка которой была предпринята во второй половине 1960-х годов.

Евстигнеев стал активным участником и официальных, и кулачных обсуждений самых насущных проблем. В этой атмосфере проявились его личные качества — способность к глубокому аналитическому мышлению, жажды новых знаний, осмысление новых, даже парадоксальных точек зрения. Это всегда позволяло ему даже при несогласии с оппонентом оценить его аргументы, воспринять их пусть как альтернативную, но имеющую право на существование точку зрения. Поэтому с огромной симпатией писал Рубен Николаевич в своих мемуарах о тех ученых, которые работали тогда в Институте экономики, — о Я.А. Кронроде, Я.Б. Кваше, С.А. Хеймане, Ю.В. Сухотине, Н.П. Шмелеве и др. Не обошел он вниманием и сотрудников лаборатории экономико-математических методов академика В.С. Немчинова, из которой впоследствии вырос ЦЭМИ. Уже в те времена складывались у Рубена Николаевича добрые отношения с С.С. Шаталиным, А.И. Анчишкиным, Ю.В. Яременко и многими другими

1. Евстигнеев Р.Н. Безмолвное знание. Воспоминания экономиста. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2006. С. 79–80.

нашими экономистами, пытавшимися уже в те годы бороться с ортодоксальными взглядами, опираясь на возможности экономико-математических методов.

Расширению кругозора молодого Евстигнеева способствовали и тесные контакты с молодыми сотрудниками институтов философии и истории АН СССР, тем более, что все эти институты в те времена пребывали под одной крышей – старого здания на Волхонке, 14. В то же время научные горизонты Рубена Николаевича расширяла и сама сфера его исследований – не просто анализ советского народнохозяйственного опыта, но и изучение особенностей применения в странах Центральной и Восточной Европы привнесенных из Советского Союза социально-экономических принципов.

Эта специализация, естественно, сблизила его с учеными из разных стран социалистического содружества. С теплотой вспоминает Рубен Николаевич Иржи Карлика – аспиранта Института экономики АН СССР из Чехословакии. Затем, вернувшись на родину, Карлик стал заместителем Ота Шика, бывшего в те годы директором Института экономики Чехословацкой Академии наук. Общение с учеными из стран Центральной и Восточной Европы продолжалось до последних лет жизни Евстигнеева. В этой связи он вспоминает и М. Домбровского, и Г. Колодко, и К. Кирянова, и Л. Чаба, и Я. Корнаи (в 2000 г. под редакцией Евстигнеева на русском языке была опубликована его замечательная книга «Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма»), и многих других.

В особую главу выделил Рубен Николаевич историю своих отношений с О. Шиком, с которым он познакомился еще в конце 1950-х годов и с которым у него сложились дружеские отношения. Именно Евстигнееву удалось в 1964 г. «пробить» в издательстве «Прогресс» перевод крупной монографии Шика «Экономика – интересы – политика». К изданию в СССР при участии Рубена Николаевича была подготовлена и другая монография Шика – «Социалистические товарные отношения», но она так и не увидела свет на русском

языке: шел 1968 год... Содействовал Евстигнеев и изданию в СССР в 1991 г. автобиографической книги Шика «Весенное возрождение: иллюзии и действительность». Правда, после выхода этой книги из-за обидного недоразумения отношения Шика и Евстигнеева прервались. Тут, возможно, сказалась одна из черт характера чешского экономиста — отсутствие у него даже намека на терпимость². В характере самого Рубена Николаевича такая черта абсолютно отсутствовала. Это позволяло ему сохранять добрые дружеские отношения и с теми своими старыми коллегами, которые уже в годы российских реформ занимали позиции, противоположные тем, которых придерживался сам Евстигнеев.

Такая черта Рубена Николаевича как ученого — глубокое знание экономической теории и хозяйственной практики не только нашей страны, но и других государств, принадлежащих к самым разным системам, способность в научных дискуссиях не только отстаивать свое мнение, но и слышать оппонента, улавливать его аргументацию, выявлять в ней рациональное зерно, способное дать всходы на почве его собственных изысканий, — вело не только к расширению контактов с учеными разных стран, нередко переходящих в дружеские отношения. Во многом благодаря этим личностным качествам и, разумеется, его огромной эрудиции Евстигнеев получал приглашения о сотрудничестве из различных международных организаций, особенно в период начала трансформационных процессов в странах, входивших ранее в «мировую социалистическую систему».

Так, в 1989–1994 гг. он входил в исполнком Европейской ассоциации сравнительных экономических исследований, в 1993–2000 гг. являлся членом правления, работающего под эгидой ООН Международного исследовательского института экономики развития (World Institute for Development Economics Research – WIDER). В 1970–1980-х годах Рубен Николаевич был членом известной Проблемной комиссии

2. Там же. С. 111.

многостороннего научного сотрудничества академий наук стран – членов СЭВ «Вопросы совершенствования планирования и управления народным хозяйством стран – членов СЭВ». Возглавлявший эту комиссию академик Н.П. Федоренко как академик-секретарь Отделения экономики АН СССР в своих мемуарах вспоминал даже такой эпизод. Готовилась коллективная монография «Хозяйственный механизм», но проект ее концепции, подготовленный по заданию Комиссии одним из ортодоксально настроенных советских экономистов, встретил резкую критику со стороны представителей академий наук других стран СЭВ. Тогда, как писал Федоренко, было решено ввести с советской стороны еще одного представителя – Р.Н. Евстигнеева, чьи исследования «хорошо знали и ценили в научных кругах стран СЭВ за широкую эрудицию и современные взгляды. Действительно, Рубен Николаевич быстро снял конфликт и “спорный” раздел получился весьма интересным и сбалансированным»³. (Отметим также, что, несмотря на свое несогласие с разрабатываемой в те годы в ЦЭМИ концепцией СОФЭ, Евстигнеев поддерживал плодотворные рабочие контакты с сотрудниками этого института, а с 1999 г. до последних дней был председателем экспертного совета Международного научного фонда экономических исследований академика Н.П. Федоренко.) Нельзя не упомянуть и то, что в течение 10 лет (с 1996 г.) Евстигнеев вел курс по компаративистике по программе МВА в Институте бизнеса и экономики московского филиала Калифорнийского университета, размещавшегося в зданиях РАНХиГС при Президенте РФ.

Годы в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР (в 1990-х годах переименованного в Институт международных экономических и политических исследований РАН) были для Рубена Николаевича годами плодотворных научных поисков. Его стремление к отказу от сугубо страноведческого анализа и перехода к обобщению

3. Федоренко Н.П. Вспоминая прошлое, заглядывая в будущее. М: Наука, 1999. С. 278.

проблем, характерных для стран «социалистического содружества» того периода, воплотилось, в частности, в таких его монографиях, как «Экономические реформы в европейских странах социализма» (1968 г.) и «Новые тенденции в управлении экономикой. Из опыта европейских стран СЭВ» (1972 г.). В эти же годы он стал доктором экономических наук (1974 г.) и профессором (1976 г.). Позднее, уже в 1998 г. Евстигнееву было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Научная работа Евстигнеева органично сочеталась с его административно-научной деятельностью. Десятилетия он возглавлял и сектор, и отдел в ИЭМСС АН СССР, был заместителем директора этого института, руководителем Центра сравнительной транзитологии. А после его слияния с Институтом экономики РАН в 2005 г. возглавил Центр экономической трансформации, входивший в научное направление «Теоретическая экономика», оставив это пост в 2015 г. лишь в связи с возрастом.

Разумеется, и конец 1980-х, и 1990-е, и начало 2000-х годов были для Рубена Николаевича годами размышлений о процессах, разворачивающихся не только в отечественной экономике, но и в экономиках как стран, где шли процессы постсоциалистической трансформации, перехода от плановой системы к рыночной, так и стран с развитой рыночной экономикой. Ведь мейнстрим экономической теории не только тогда, но и сейчас не может дать четкого объяснения значительной части этих процессов. Отсюда и неуверенность в экономической политике, запаздывание с реализацией не только назревших, но и перезревших мер, способных дать шанс пусть трудному, но более или менее эволюционному процессу преобразований.

Но боязнь принятия каких-либо серьезных решений лишь усугубляла ситуацию распада. Может быть, стоит напомнить, что 18 августа 1991 г., за день до начала выступления ГКЧП, Евстигнеев в «Московских новостях» опубликовал статью «Компромиссная экономика», в которой писал: «Мы

быстро проходим период, когда реформы очень болезненны, но еще возможны при значительных потерях. И приближаемся к ситуации, когда они могут показаться просто невыносимыми. Это и есть истинная цена совершаемых компромиссов. Ни я, ни, думаю, мои коллеги не в состоянии с точностью до месяца предсказать, когда экономика достигнет состояния, при котором компромиссы уже будут невозможны, а их авторы скажут обществу: извините, но сами видите, выхода нет – придется вас, мягко говоря, ограбить в надежде, что дальше будет лучше... Но уже не осталось сомнений: мы максимально приблизились к такой ситуации. Более того, нам ее, возможно, уже не избежать»⁴.

Проблемы и трудности трансформационных процессов, их глубинные причины Рубен Николаевич постоянно обсуждал не только в ходе различных академических дискуссий, но и в кругу семьи – со своей женой Людмилой Петровной, также замечательным, глубоким, всесторонне мыслящим экономистом. (Отмечу, что и научная деятельность Людмилы Петровны также неразрывно связана с Институтом экономики АН СССР, куда она пришла после окончания экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, где работала долгие годы и куда вернулась уже в 2000-х годах.) Именно в ходе этих серьезных домашних обсуждений и текущих проблем, и их отражения в различных экономических теориях родилась концепция экономической синергетики. Ныне, когда со временем ухода из жизни сначала Людмилы Петровны, а затем и Рубена Николаевича, скоро минет 10 лет, становится особенно очевидным, что эту концепцию можно назвать их основным вкладом в отечественную экономическую науку, а возможно, и в мировую.

Полностью завершить работу над своей теорией Людмила Петровна и Рубен Николаевич не успели. О ее концептуальной основе можно судить по их последним четырем моно-

4. Евстигнеев Р.Н. Безмолвное знание. Воспоминания экономиста. М: НП «Журнал Вопросы экономики», 2006. С. 264.

графиям, написанным совместно. Это «Экономический рост: либеральная альтернатива» (М.: Наука, 2006), «Экономика как синергетическая система» (М.: ЛЕНАНД/URSS, 2010), «Новые грани ментальности. Синергетический подход» (М.: ЛЕНАНД/URSS, 2011), «Стратегия экономического развития России. Теоретический аспект» (М.: ЛЕНАНД/URSS, 2016)⁵. Не стоит забывать и их многочисленные статьи, опубликованные в 2000–2010-х годах, прежде всего в журналах «Вопросы экономики» и «Общественные науки и современность».

Эти труды были встречены с большим интересом и высоко оценены отечественным сообществом экономистов. Так, при обсуждении первой монографии «экономико-синергетического цикла» «Экономический рост: либеральная альтернатива», состоявшемся на Ученом совете Института экономики РАН в 2006 г., работу Евстигнеевых оценивали и как «один из вариантов преодоления кризиса парадигм экономического мышления в мире» (Л.И. Абалкин), и как попытку «выработать мировоззрение, некое особенное видение экономики, отличающееся от общепринятого» (О.И. Ананьев), и как важный шаг в развитии экономической теории с использованием синергетических методов (В.И. Маевский), и как предложение особой, отличной от общепринятой «альтернативной либеральной теории» (А.Я. Рубинштейн)⁶ (3. С. 153, 152, 148, 149). А Г.Б. Клейнер отметил: «Я не припомню выхода такой же по мощи, охвату, объему и глубине книги по основополагающим, фундаментальным вопросам экономической теории. Это даже более, чем теория. Это мировоззрение, то, как человек видит окружающее его пространство»⁷. Завершая обсуждение, Р.С. Гринберг особо подчеркнул важность при выработке в современном сложном и многообразном мире, стоящем на пороге новой теоретической революции в обла-

-
5. О востребованности этих работ свидетельствует, в частности, то, что последние три из упомянутых монографий регулярно допечатываются издательством ЛЕНАНД /URSS.
 6. Плискевич Н.М. У истоков синергетической парадигмы экономического роста // Экономическая наука современной России. 2006. № 4. С. 145–155.
 7. Там же. С. 147.

сти экономики, не только разнообразия подходов к встающим перед нами проблемам, но и того, чтобы при этом «всестаки должна быть претензия на некий единый теоретический образ действительности. И книга Евстигнеевых — очень хорошая попытка достичь такой цели независимо от того, примет ли ее общественность или нет. В любом случае это мощное движение нашей теоретической мысли»⁸.

Сделанное Р.С. Гринбергом замечание о сложности восприятия концепции А.П. и Р.Н. Евстигнеевых не случайно. Об этом говорилось и на обсуждении книги «Экономический рост: либеральная альтернатива». Так, О.И. Ананьев говорил о том, что новое видение экономики, предложенное Евстигнеевыми, не стало общим достоянием. Он видел причину этого в том, что авторы, «вырабатывая свою концепцию, выработали одновременно и новый язык, доступный лишь человеку, который уже вошел в их концепцию. Но он закрыт, недоступен для внешнего наблюдателя, который привык к иным терминам, к иному языку»⁹. Более того, в привычные для нас термины, такие, например, как «микро-» и «макроэкономика», нередко в том или ином контексте вкладывается непривычное содержание, и чтобы вникнуть в ход мысли Евстигнеевых, приходится прикладывать особые усилия, чтобы сначала уяснить, что в данном случае имеется в виду.

В то же время надо осознавать, что такое обращение с терминологией неразрывно связано с построением общей теоретической конструкции, выстроенной Евстигнеевыми. В ней отдельные ее «кирпичики» должны органично встраиваться в общее целое¹⁰. Пожалуй, наиболее ярким примером здесь может служить расхождение общепринятого и евстиг-

8. Там же. С. 155.

9. Там же. С. 152.

10. Сами Евстигнеевы были обеспокоены проблемой понимания их теории и думали, как помочь читателям войти в логику их концепции, ввести читателя в систему ее базовых понятий, причем не только в фундаментальном, но и практическом ключе. Но эта работа не была завершена. Ее фрагменты, оставшиеся на письменном столе Рубена Николаевича, под заголовком «Азбука экономической синергетики» были опубликованы в посвященной памяти Евстигнеевых монографии «Очерки экономической синергетики» (М.: ИЭ РАН, 2017. С. 140–155).

неевского понятий «финансовый капитал» и «социальный капитал». Будучи вписанными в их нелинейную синергетическую конструкцию, предполагающую и историческую преемственность в эволюционном развитии форм капитала, и усложнение его форм как неизбежное следствие усложнения экономических и общественных систем, и взаимопроникновение экономических, социальных, политических, и даже психологических, процессов, эти понятия также трансформируются, обретают иное содержание. Поэтому понятие «финансовый капитал» в их нелинейной конструкции представляет собой гораздо более сложное многоступенчатое построение, нежели, скажем, тот «финансовый капитал», к которому привыкли многие со времен Р. Гильфердинга. И хотя авторы неоднократно подчеркивают специфику своего толкования этого термина, все же тем, кто знакомится с экономической синергетикой, стоит постоянно помнить об этом различии.

Что касается «социального капитала», то под ним в концепции Евстигнеевых понимаются социально-экономические отношения, связанные с производством, распределением и потреблением социальных и потребительских благ. Между тем термин «социальный капитал» оказался давно «занят». В экономической и социологической литературе он обычно употребляется для оценки качества взаимодействий людей, роли социальных сетей разного рода, степени взаимного доверия между агентами и экономических, и социальных процессов. Он служит для выделения этой сферы в особую, важную для человека область, которая, наряду с человеческим капиталом является важным элементом межличностного общения, приносящим, в частности, определенный (иногда значительный) доход. И все же, несмотря на то что понятие «социальный капитал» давно используется в литературе вполне определенным образом, Евстигнеевы включили его в свою концепцию, но уже в собственной трактовке. И думается, они не могли поступить иначе, так как важнейшая несущая конструкция их концепции — взаимосвязанное иерархическое

выстраивание системы различных капиталов (и промышленного, и денежного, и др.) во главе с финансовым. И чтобы вписать в эту общую систему оборотов капиталов и то, что обычно относится к социальной сфере, термин «социальный капитал» в новой трактовке оказывается органичным. Но нам надо понять и принять логичность такого применения термина и одновременно учитывать его отличие от мейнстриковского толкования.

Это соответствует сути того подхода к экономике и всем общественным явлениям, который был назван Л.П. и Р.Н. Евстигнеевыми «экономической синергетикой». Обычно с синергетическими построениями связывают прежде всего математические модели. Разумеется, для того, чтобы строить те или иные математические модели, необходима определенная методологическая база. И эту основу мы видим уже в работах основоположников синергетического научного направления, таких как И. Пригожин и Г. Хакен. Но Людмила Петровна и Рубен Николаевич поняли, что общепринятая база их не удовлетворяет. Чтобы описать экономику как синергетическую систему, считали они, необходима специальная развернутая философская, мировоззренческая основа, которая позволила бы объединить в единое целое не только экономические, социальные, политические процессы, но даже и специфику ментальных процессов. Только тогда, по их мнению, человек превращается из объекта экономических отношений в их субъект. Поэтому на первых страницах книги «Экономика как синергетическая система» мы читаем: «Для синергетики как науки о сложном неприемлем, например, поиск элементарных рыночных структур (экономических клеточек) как зародышей сложного рынка с развитым макроуровнем. Элементарную рыночную структуру нужно искать на границе между макроэкономическими системными понятиями рыночного и социального. Такая структура представлена системой социально-экономических субъектов рынка, обладающих на всех его уровнях, то есть применительно и к индивидуальным, и к институциональным субъек-

там, фракタルным подобием функций – эмитента, инвестора, производителя, потребителя»¹¹. Выстраиванию новой мировоззренческой и методологической конструкции как основы экономической синергетики и посвящены последние книги Евстигнеевых.

Сам их переход от привычного экономистам линейного анализа экономических процессов был обусловлен их взглядом на социальные отношения в целом, в которых экономика рассматривается как некая целостность, вбирающая в себя всю совокупность процессов, окружающих и пронизывающих рыночные отношения. Это предполагает наличие некоей «системной конкретности единства способа производства и способа жизни»¹² (5, С. 114). Такой подход «качественно отличается от господствующего в экономической теории принципа анализа как микро-, так и макроэкономических процессов, сосредоточенности на сугубо экономических связях и проблемах, рассмотрении, например, социальных и культурных аспектов как пусть важных, но внешних по отношению к сугубо экономическому фактору, как общественной среды, благоприятствующей либо не благоприятствующей собственно экономическим процессам. Евстигнеевы же при анализе экономических, рыночных отношений помешают эти, казалось бы, внешние факторы внутрь экономического анализа. Именно это позволяет сделать его нелинейным, более того – по-новому оценить субъектность этих отношений, возводя уровень их текущего бытования к высокому уровню Бытия»¹³.

Потому Л.П. и Р.Н. Евстигнеевы полагали, что прежде чем приступить к этапу математического моделирования экономических процессов как сложных открытых систем,

-
11. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономика как синергетическая система. М.: ЛЕНАНД/URSS, 2010. С. 6–7.
 12. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Стратегия экономического развития России. Теоретический аспект. М.: ЛЕНАНД/URSS, 2016. С. 114.
 13. Плiskeвич Н.М. В поисках новой экономической стратегии. Рецензия на книгу: Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Стратегия экономического развития России: теоретический аспект // Мир России. 2016. № 4. С. 185–195.

действующих на принципах самоорганизации (что и подразумевает синергетика), требуется выделить те свойства, которые делают ее научной парадигмой. Вот как сами они сформулировали это:

«На смену линейной логике и линейной науке идет нелинейная логика и нелинейная наука, ядром которой является синергетика, вырастающая из нового коммуникативного этапа в развитии общества. То есть это – наука о взаимодействии как универсальном механизме функционирования и развития сложных открытых систем природы и общества.

Синергетика является наукой о становлении, она работает с необратимым временем и пространством. Это касается всех уровней природы и общества. Поэтому одной из принципиальных синергетических задач является определение отношения общества к вечным ценностям человека (или его трансцендентности) и перспектив сохранения устойчивости законов природы и физических констант.

Предметом исследования синергетики является системное единство объекта и субъекта, причем субъект имеет приоритетное значение.

Наконец, методологическим и концептуальным предметом является соотношение между причинностью и свободой»¹⁴.

В таком подходе нет ни грана «экономического империализма», в котором нередко упрекают экономистов представители других общественно-научных дисциплин за попытки распространить на сферу их исследований методы, утвердившиеся в экономической науке. Здесь речь о другом – о попытке анализа социально-экономических процессов в единстве всего многообразия составляющих их факторов, оттенков, нюансов. Небезынтересно, что элементы такого взгляда на экономическую науку мы встречаем и у Г. Беккера, пришедшего к ним при разработке концепции человеческого

¹⁴. Евстигнеева А.П., Евстигнеев Р.Н. Экономика как синергетическая система. М.: ЛЕНАНД/URSS, 2010. С. 13.

капитала. Напомню и то, что он в 1976 г. в переработанном введении к книге «Экономический подход к человеческому поведению» в связи с идущей полемикой о правомерности включения в экономический анализ всего разнообразия интересов человека, сфер его изучения и деятельности, отмечал, что в отличие от других общественных наук экономическую науку характеризует не предмет анализа, а подход к нему¹⁵.

В то же время особый акцент на факторе субъектности при анализе экономических процессов позволил, с одной стороны, по-новому подойти к таким, казалось бы, устоявшимся категориям, как, например, «рынок», «капитал», «доход», а с другой — как уже было отмечено, встроить человека в мир экономической теории, действительно включить в нее принцип органического единства объекта и субъекта с учетом приоритетности субъективного фактора в разворачивающихся процессах. О значении этого аспекта в построении всей конструкции экономической синергетики говорит и тот факт, что изучению человека в экономических процессах как мыслящего субъекта была посвящена специальная монография «Новые грани ментальности. Синергетический подход». В ней подробно анализируются такие темы, как духовные потребности человека, индивидуальное и общественное сознание, статус индивида и структура общественного сознания, процесс становления либеральной ментальности как органичного элемента экономики.

Тема ответственности человека и перед собой, своим нравственным началом, и перед тем сообществом, в самом широком смысле, в которое он вписан, от которого зависит и которое, в свою очередь, зависит от него, позволяет отделить либерализм, предстающий в концепции Евстигнеевых, от его традиционного понимания. В отличие от традиционного представления о либерализме как о теории, проповедующей индивидуалистические принципы, Людмила Петровна

15. Беккер Г.С. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 24–40.

и Рубен Николаевич проводят четкую грань между индивидуалистической ментальностью как проявлением «свободы от», т.е. возможности, не считаясь с моральными ограничениями, добиваться своей цели, и либеральной ментальностью, основанной на принципе «свободы для», т.е. деятельности во имя развития не только собственного, но и всего социума. Поэтому у них происходит четкое разграничение устремлений сторонников индивидуализма и либерализма.

Евстигнеевы подчеркивали: «Грядущая либеральная ментальность не может не включать одновременно полной свободы индивида и его ответственности за принятые решения как собственно им, так и обществом. Поэтому наиболее полным понятием свободы является понятие “свобода выбора”. Отсюда следует, что человек в синергетическом, либеральном обществе будет поставлен перед необходимостью ответственного выбора между Добром и Злом»¹⁶. И далее: «Нравственную природу Истины (Правды) нельзя понимать как проблему ограничения свободы. Для того чтобы человек был отважен в мысли, он должен быть свободным в выборе. И не только в выборе Добра и Зла, но и в понимании того, что есть Добро и Зло. Вторая сторона свободы – поступок. В нем человек ответственен за свой выбор. Мысль и поступок соединяет отвага. Человеку нужна смелость в мысли и поступке. Но это еще не все составляющие свободы. Третья составляющая – нравственная самооценка свободной мысли и деятельности»¹⁷.

А в заключении к книге о ментальности, где обосновывается ее понимание как эндогенного фактора экономики, Евстигнеевы писали, что ментальность «становится важнейшей экономической категорией, определяющей уровень и состав социальной энергетики развития и экономического роста. Но важно не упустить из виду и другую функцию ментальности. Она – не только носитель социального тонуса, но

16. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Новые грани ментальности, синергетический подход. М.: ЛЕНАНД/URSS, 2011. С. 48.

17. Там же.

и важнейший фактор социальной (а значит, и экономической, и политической) стабильности в обществе. Причем речь идет о стратегической устойчивости общества, закрепленной в национальном характере и связанном с ним внутренним, сугубо индивидуальным духовным миром человека»¹⁸.

Такой методологический подход позволяет по-новому оценить субъектность этих отношений. Важная цель всех этих построений – обосновать концепцию общественных отношений, в которой энергетика экономической системы как целостности, охваченной процессом становления, имеет эндогенные источники социальной энергии. Они порождаются созидательной активностью отношений в обществе и его способностью поддерживать в нем высокий социальный тонус. Общество, полагали А.П. и Р.Н. Евстигнеевы, должно найти внутри себя энергетический посыл к новой фазе развития. Потому речь должна идти не просто о технологическом перевооружении существующей экономики, новой индустриализации или глубоких институциональных изменениях, а о том, что переход к новой экономике будущего и ее становление охватывают экономику как целостность, она не происходит частично. Без достижения этой целостности, раскрепощения социальной энергии все инвестиционные вливания дадут в лучшем случае незначительный результат.

Такая сложная переплетенность в анализе объекта и субъекта с упором на их постоянное усложнение присуща и трактовке Евстигнеевыми рыночных отношений. Рынок для них – главный движитель прочих изменений в экономике. История экономического развития рассматривается ими как история формирования, становления, усложнения рынков, прохождения ими различных этапов развития, связанных с глубочайшими технологическими и социальными, а также политическими изменениями в обществе. Можно сказать, что даже в ситуациях, когда рынок подменялся жестким плановым регулированием экономики, он при первых воз-

18. Там же. С. 179.

можностях прорастал сквозь него, даже в виде неформальных отношений.

Подход к категории «рынок» как краеугольной для всей конструкции экономической синергетики обусловлен прежде всего получившими ускоренное развитие в XX в. процессы усложнения и собственно экономических, и всех иных отношений современного общества. Причем этот процесс усложнения в новую эпоху информатизации и глобализации лишь ускорился. И Евстигнеевы в своем анализе пытались работать на опережение, осмысливая все новые и новые изменения, вписывая их в свою нелинейную конструкцию и на этой основе предсказывая грядущие изменения.

Категория «рынок» в наибольшей мере оказывается адекватной этой идеи развития. Ведь суть рынка – выработка системы согласования разнообразных интересов субъектов, участвующих в обменных процессах. На первичных этапах его развития эти процессы ограничивались сферой собственно экономических отношений, позволявших выделить в анализе некоего *homo economicus* как носителя сугубо экономической рациональности. Однако современное усложнение жизни, переплетение самых разных ее аспектов (причем в разных ситуациях влияние тех или иных факторов обладает разной степенью интенсивности) приводит к тому, что рациональность становится невозможна ограничить сугубо экономическими факторами. Она не может не учитывать и политических, и социальных, и психологических, и экологических, и иных «вводных». Без такого учета согласование интересов в сложной системе современного общества оказывается или крайне затруднено, или просто невозможно. «Речь идет о включении в систему социально-экономических структур духовного статуса индивида как неотъемлемой части физического и социального статуса. Это не проблема индивида как такового. Это проблема структуры социально-экономической системы»¹⁹.

19. Там же. С. 46.

Именно на такой основе, по мнению Евстигнеевых, может быть решена проблема единства индивидуализации и социализации. Это и означает переход от линейной зависимости к нелинейным, синергетическим, конструкциям. При этом инструментом учета такой нелинейности оказываются именно рыночные отношения, но перешедшие на новую стадию развития, органически включившие в себя всю совокупность социальных факторов, оказывающихся необходимыми и для более точного прогноза хозяйственной деятельности, но главное – для достижения социального консенсуса в обществе. Эти мысли Евстигнеевых представляются особо актуальными сегодня, когда весь мир идет путем выхода из нового глобального кризиса, порожденного рассогласованием ускорившихся процессов научно-технологических изменений, за которыми не успевают процессы культурно-психологической регуляции общества, что ведет к нарушению его устойчивости.

Для экономического мейнстрима в качестве субъекта рынка представал «человек, проникнутый коммерческим духом». Такое достаточно огрубленное представление о мотивации экономической деятельности, как мы видим, уже завело человечество в тупик. Выход из этого тупика Евстигнеевы видят во включении в анализ рыночных отношений человека как многопланового субъекта с его потребностями и в социальной, и в культурной, и в политической, и в иных сферах. То есть ими выдвигается новый подход к проблеме рациональности экономического поведения, которая должна включать в себя не только социальные и политические, но и духовные, нравственные компоненты (и тут они неодиноки: вспомним, например, авторов такого направления, как «моральная экономика»). Но Евстигнеевы особо подчеркивают, что «духовность имеет мощную социальную составляющую. Она обуславливает содержание общества как целостности, определяя границы свободы человека в рамках данной цивилизации – что можно и чего нельзя»²⁰.

20. Там же. С. 50.

Такой взгляд на сущность субъекта рыночной деятельности снимает как устаревшую формулу противоречие «государство – рынок». «Реальность ставит нас перед необходимостью исследовать рынок и государство как целостную, нерасчлененную систему, далеко выходящую за рамки этой формулы»²¹. Для них характерна трактовка рынка и государства как компонентов более широкого понятия «Социум», который представлен системой социальных субъектов разного уровня: человек, бизнес, государство (как управляющая система, или Квазисоциум), Социум (функция которого – создание и актуализация социальной формы Бытия)²². При этом они предотвращают, с одной стороны, от сужения проблемы до тем соотношения систем общества и государства, а с другой – от игнорирования связи Социума и Цивилизации: «Если в первом случае будем неверно трактовать связь человека и элиты, общества и государства, то во втором нам будут неясны демократические потенции мирового сообщества»²³.

Все эти, казалось бы, далекие от привычного понимания предмета экономической теории мотивы естественно встраиваются в анализ Евстигнеевых, органично проходя через содержание их последних книг. При этом Людмила Петровна и Рубен Николаевич именно как экономисты подвергают критике не только российскую экономику и соответствующую государственную политику («экономика России в последние два десятилетия четко самоопределилась как экономика дохода (бюджетная экономика)»)²⁴, но и роль государства на Западе, где «государство обеспечивает не больше свободы, а больше порядка – соблюдения права, дисциплины»²⁵. А для раскрытия потенций того социального

21. Евстигнеева А.П., Евстигнеев Р.Н. Стратегия экономического развития России. Теоретический аспект. М.: АЕНАНД/ URSS, 2016. С. 30.

22. Там же. С. 31–32.

23. Там же. С. 34.

24. Там же. С. 167.

25. Там же. С. 205.

тонуса, который необходим для устойчивого развития, этого явно недостаточно.

Условием снятия противопоставления рынка и государства, формирования среды, способствующей развитию нового уровня самоорганизации в системе экономических отношений, является, по Евстигнеевым, становление высокоразвитой личности как основного субъекта рыночных процессов. Без этого даже огромные капитальные вложения, которые способно сконцентрировать государство, не дадут ожидаемого эффекта: «деградация современного общества может быть преодолена не с помощью бесконечного умножения капитальных вложений, как полагают большинство экономистов, а только путем зарядки общества мощной социальной энергетикой». А это возможно лишь в ситуации повышения «степени свободы выбора для экономических субъектов и, соответственно, их социального тонуса»²⁶. В свою очередь условием такого развития личности как субъекта рыночных отношений и гармонизации ее отношений с государством является образование особого «коммуникативного пространства», с которым, считают Евстигнеевы, коррелируют такие понятия, как «ментальность», «народ», «население», «государство», «рынок», «но не коррелирует понятие элитарного общества»²⁷. Последнее не соответствует той роли государства, которую оно должно играть в синергетической экономике.

Всякое «усложнение ситуации требует от государства высокого уровня системы управления (с отрицательной и положительной обратной связью)»²⁸. Государство должно способствовать процессам развития рыночной самоорганизации общества, и именно на этой основе, улавливая объективно диктуемые эволюционные процессы, управлять этими процессами самоорганизации. Переход же государства по

26. Там же. С. 131.

27. Там же. С. 85.

28. Там же. С. 87.

отношению к обществу к «самообороне» лишь искажает объективно назревшие процессы, усложняет возможности эволюционного разрешения возникших противоречий.

Здесь также проявляется несоответствие необходимого современному Социуму «коммуникативного пространства» той экономической и социальной политике, которая присуща современным элитам, стремящимся к удержанию монополии на принятие решений в самых разных сферах жизни, предоставив массам, казалось бы, комфортную позицию пассивного потребителя принятых ими решений. Однако, убедительно демонстрируют Евстигнеевы, представление о том, что патерналистское отношение к «управляемым массам», как показывает практика, приводит не к прорыву в экономическом росте, а, напротив, тормозит формирование массовой ответственной и духовной личности. Такое положение, присущее «элитарному» строению общества, согласно Евстигнеевым, является препятствием для нормальных эволюционных процессов. При этом «социализация редуцируется в агрессивную политизацию как со стороны населения, так и со стороны государства²⁹.

Как и положено в экономической синергетике, авторы выходят за рамки чисто экономических рассуждений в традиционном их понимании. И вместе с тем эти рассуждения — часть именно экономической теории, цель которой — объяснить причины стагнации экономики и поиск новых импульсов экономического роста. Пока же мы видим, что построение элитой управления экономикой и обществом по канонам централизации, которое на первых порах может дать некоторый эффект, в дальнейшем ведет к застою, и даже деградации. «Подмораживая» общество, предлагая ему действительно удобные для многих патерналистские схемы, такая система одновременно губит основную энергию творческого развития, а без нее современная экономика разви-

29. Там же. С. 91.

ваться не может. Об этом напоминают Людмила Петровна и Рубен Николаевич.

В то же время нельзя не отметить, что если, говоря о рынке, Евстигнеевы постоянно подчеркивают важность субъектности включенных в него индивидов, раскрытия их творческой энергии как важнейшей движущей силы экономического роста, то анализ государства, по сути, ограничивается у них констатацией его признаков как института и определенной функции. Между тем, даже следуя развиваемой ими концепции о роли ментальности в современной экономике и в мире в целом, нельзя не распространить ее и на государство. То есть компонент субъектности должен быть внесен в анализ государства во всей его полноте. Очевидно, этот пробел в последних книгах Евстигнеевых также относится к тем «лақунам» в их построениях, которые они просто не успели заполнить. А значит, это предстоит сделать тем, кто решит продолжить их путь.

Еще одной несущей конструкцией концепции экономической синергетики является капитал. С ним, с его созидательной ролью связана в концепции Евстигнеевых проблема экономического роста. Капитал они рассматривают во всех его видах, на различных этапах экономического развития, прослеживая его усложнение в соответствии с изменением и усложнением экономических реалий. И не только в связи с изменением исторических и технологических условий, но и с эволюцией ментальности, отмечая, в частности, что именно «добрые качества людей имеют наиболее глубокие корни в капитале»³⁰. Особое место занимает финансовый капитал в их собственной трактовке. Их финансовый капитал, как они сами признавали, — наиболее трудная для восприятия категория, связанная с трактовкой рынка, который всегда играл не только экономическую, но и социальную роль. И носителем этой роли, по Евстигнеевым, всегда являлся финансовый

30. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономика как синергетическая система. М.: ЛЕНАНД/URSS, 2010. С. 66.

капитал. Они видели в нем собирательный образ всех специализированных капиталов (производственного, денежного, валютного, финансового, социального). Усложнение и смена рынков означает последовательную трансформацию финансового капитала. Но с точки зрения системоформирующей функции — это все тот же финансовый капитал, каким он был в маске основного капитала, затем — в маске денежного капитала, а в процессе глобализации — это уже глобальный денежный капитал. Главная функция финансового капитала — системная. Он «формирует рынок как целостность. Рынок развивается исторически вместе со своей системообразующей функцией, носителем которой является финансовый капитал. Он играл не только экономическую, но и социальную роль... Будучи, с одной стороны, одним из функциональных капиталов (на его основе формируются финансовые, денежные и валютно-денежные рынки), он, с другой стороны, выполняет также системные функции, сводимые к образованию рынка как целостности. Именно поэтому социальное содержание рынка и капитала постоянно усложняется»³¹.

Напомним, что капиталу как символу развития в концепции Евстигнеевых противостоит такая категория, как доход, связанный не с развитием, а лишь с потреблением (нередко бездумным и хищническим) имеющихся благ. И если капитал устремлен к сложному, нелинейному развитию, то доход — это фактор линейной экономики. При этом «доход как регулирующий критерий текущего рынка тянет за собой шлейф разрушительных последствий»³². Особо остро это проявляется при господстве «бюджетной экономики» как результате чрезмерных перераспределительных усилий государства, в итоге блокирующих развитие. И если, по Евстигнеевым, «на стороне капитала и стратегического рынка лежит основание устойчивости общества и высокой нравственности как определяющего

31. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Стратегия экономического развития России. Теоретический аспект М.: ЛЕНАНД/ URSS, 2016. С. 164.

32. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Новые грани ментальности, синергетический подход. М.: ЛЕНАНД/ URSS, 2011. С. 66.

свойства ментальности, то на стороне дохода лежат негативные ментальные свойства». Причем, добавляют они, «негативная ментальность – это не другая ментальность, это кризисная ментальность, порожденная сформировавшейся в стране бюджетной экономикой, которой свойственно устойчивое общее рыночное “неравновесие”»³³.

Тема отношений личности, общества, государства, ее разработка волновали Людмилу Петровну и Рубена Николаевича до последних дней их жизни. Об этом свидетельствуют, в частности, последние заметки, сделанные Людмилой Петровной уже в больнице. Она думала о том, как органично соединить социальную энергию, идущую от свободной личности и дающую импульс экономическому росту, и упорядоченность, без которой жизнь в обществе невозможна. Тут важна не только самоорганизация, но и организационная структура. Она думала о том, как объединить хаос, возникающий в условиях рынка (при этом определенная мера хаоса полезна, так как позволяет увидеть возникающие напряжения на ранних этапах и снимать их) и необходимость общей стабильности общества. В одной из ее записей мы читаем: «Рынок – хаос. Государство – порядок. Не подавление друг друга, а приведение к циклу. Самоорганизация – жизнь хаоса, когда он готов к порядку. Хаос прорастает нитями идей, желаний, ему нужно государство. Государство создает организацию, хаос – самоорганизацию. Капитал как внутреннее ядро БКВ» (Больших Кондратьевских волн)³⁴.

В своих работах Евстигнеевы регулярно возвращаются к теме Большых Кондратьевских волн и Большых Кондратьевских циклов. Это является ярким свидетельством того, что они в своей работе опираются на теоретическое наследие предшественников, прежде всего Николая Дмитриевича Кондратьева и Джона Мейнарда Кейнса. Само становление синергетической системы, по мнению Евстигнеевых, должно

33. Там же. С. 66, 67.

34. Евстигнеев Р.Н. Современная экономика: новый концептуальный вызов // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 112–121.

произойти в очередном Большом Кондратьевском цикле (2007–2055).

В исследовательской сфере, равно как и при наблюдении за эволюцией экономических реалий, они всегда подчеркивали неразрывность настоящего с прошлым и то, что будущее прорастает из элементов, складывающихся в настоящем. В своей последней книге они писали: «Развитие есть усложнение, но оно не есть устаревание уровневых экономических структур... современная экономика – это структура, имеющая не только будущее, но и прошлое». И имея в виду кризис современных объяснительных моделей, они добавляют: «По-видимому, структурный ментальный уровень достиг максимальной границы усложнения, если иметь в виду базовую систему экономики как единства способа производства и способа жизни»³⁵. Отсюда следует их вывод о необходимости перехода к осмыслиению усложняющихся процессов в экономике и в обществе в целом, опирающегося на знание прошлого и настоящего, но с нацеленностью на будущее. Не случайно в качестве эпиграфа к книге 2016 года они взяли слова О.Э. Мандельштама «Мы становимся абсолютно слепы, как только перед нами захлопывается дверь в будущее».

Такая устремленность в будущее нередко приводила к тому, что их исследования относили к анализу проблем будущего. Но это не так. Просто они стремились на базе принятых в синергетике исследовательских принципов нашупать пути эволюционного усложнения элементов настоящего, ведущих к изменению картины в будущем. Представляется, именно поэтому они начали разрабатывать свою теорию не с построения математических моделей, а с разработки общеметодологических принципов анализа экономики и общества. Сам Рубен Николаевич в статье, посвященной памяти Людмилы Петровны, констатировал, что их работы, «как и все вообще гуманитарные исследования, без математического аппарата

³⁵ Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Стратегия экономического развития России. Теоретический аспект М.: ЛЕНАНД/ URSS, 2016. С. 102.

носят во многом характер догадок, прозрений, заявлок на открытия. Задача следующих поколений ученых – облечь их в плоть и кровь строго формализованных построений, готовых к практическому применению»³⁶. Перейти к математическому оформлению своей теории они не успели, но следы их идей можно встретить и в замечаниях в их последней книге (например, о двойной экономической спирали, соединяющей в единой модели расширенное воспроизводство капитала и дохода³⁷ или в выступлении Людмилы Петровны на обсуждении их книги 2006 года в Институте экономики РАН³⁸).

Хочется надеяться, что эта статья привлечет внимание ученых к теории Людмилы Петровны и Рубена Николаевича и она получит дальнейшее развитие.

Основные работы Р.Н. Евстигнеева

Экономические реформы в европейских странах социализма М.: Политиздат, 1968.

Новые тенденции в управлении экономикой. Из опыта европейских стран. М.: Наука, 1972.

Социалистический хозяйственный механизм: закономерности развития. М.: Наука, 1981 (в соавторстве с Л.П. Евстигнеевой).

Экономический рост: либеральная альтернатива. М.: Наука, 2006 (в соавторстве с Л.П. Евстигнеевой).

Экономика как синергетическая система. М.: ЛЕНАНД / URSS, 2010 (в соавторстве с Л.П. Евстигнеевой).

Новые грани ментальности, синергетический подход. М.: ЛЕНАНД / URSS, 2011 (в соавторстве с Л.П. Евстигнеевой).

Стратегия экономического развития России. Теоретический аспект. М.: ЛЕНАНД / URSS, 2016 (в соавторстве с Л.П. Евстигнеевой).

Безмолвное знание. Воспоминания экономиста. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2006.

-
36. Евстигнеев Р.Н. Современная экономика: новый концептуальный вызов // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 112–121.
 37. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Стратегия экономического развития России. Теоретический аспект М.: ЛЕНАНД/ URSS, 2016. С. 169.
 38. Плискевич Н.М. У истоков синергетической парадигмы экономического роста // Экономическая наука современной России. 2006. № 4. С. 145–155.

Литература о Р.Н. Евстигнееве

- Плискевич Н.М. У истоков синергетической парадигмы экономического роста // Экономическая наука современной России. 2006. № 4. С. 145–155.
- Плискевич Н.М. В поисках новой экономической стратегии. Рецензия на книгу: Евстигнеева А.П., Евстигнеев Р.Н. (2016) Стратегия экономического развития России: теоретический аспект // Мир России. 2016. № 4. С. 185–195.
- Памяти Рубена Николаевича Евстигнеева (1932–2017) // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 159.
- Дерябина М.А. Концепция экономической синергетики в современном контексте // Очерки по экономической синергетике. М.: ИЭ РАН, 2017. С. 135–140.
- Плискевич Н.М. Анализ основных положений концепции экономической синергетики А.П. и Р.Н. Евстигнеевых в контексте перехода к гуманитарной цивилизации // Очерки по экономической синергетике. М.: ИЭ РАН, 2017. С. 121–135.
- Мальцев А.А., Мальцев А.А. Волшебный мир экономической синергетики (Памяти Рубена Николаевича Евстигнеева) // Общественные науки и современность. 2018. № 2. С. 67–74.
- Плискевич Н.М. Экономика сложного человека (Памяти Рубена Николаевича Евстигнеева) // Общественные науки и современность. 2018. № 2. С. 75–83.

МАНЕВИЧ
ЕФИМ ЛЬВОВИЧ
(1914–1997)

Доктор экономических наук, профессор Е.Л. Маневич принадлежит к блестящей плеяде ученых, работавших в Институте экономики АН СССР во 2-й половине XX в. Его творческое наследие – 23 книги и брошюры, статьи в журналах и сборниках (общий объем печатных работ составляет свыше 240 п.л., а с учетом переизданий и переводов на иностранные языки – 535 п.л.). Целый ряд проблем, поставленных Ефимом Львовичем, и путей их решения, предложенных им в те годы, не утратили и сегодня своей актуальности.

Е.Л. Маневич родился 15 июня 1914 г. в белорусской деревне Голынко в многодетной семье; в шестилетнем возрасте потерял отца. В 1926 г. семья переехала в Крым, где обосновалась в 40 км от Джанкоя, вступив в СОЗ – колlettiv по совместной обработке земли. В Джанкое он окончил семилетнюю школу и начал самостоятельную жизнь, приехав в Москву с целью продолжить учебу. Он поступает в школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), потом была учеба в политехникуме, который окончил через 4 года с отличием, затем – три года учебы в Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, куда Ефим Львович был зачислен как отличник без экзаменов и по завершению учебы (также с отличием) получил распределение на работу в Наркомат пищевой промышленности.

Однако уже в 1937 г. Е.Л. Маневич, которого не устраивала бюрократическая карьера (хотя и сулившая определенные блага), круто меняет жизнь: он поступает на конкурсной основе в аспирантуру Института экономики АН СССР, где в 1940 г., успешно защитив кандидатскую диссертацию, был зачислен на должность старшего научного сотрудника и позднее избран секретарем комсомольской организации Института.

В июле 1941 г. Ефим Львович Маневич (несмотря на освобождение от воинской обязанности из-за плохого зрения) подает заявление и попадает в народное ополчение, в т.н. «профессорскую дивизию», в которую были зачислены сотрудники многих институтов Академии наук, а также Библиотеки им. Ленина, артисты театра им. Вахтангова, Мосфильма, рабочие и служащие предприятий Киевского района Москвы¹.

Эта дивизия получила номер 21 в составе 61 стрелкового полка 33 армии (в конце ноября она получит 173 номер, а после Сталинградской битвы станет именоваться «77-й гвардейской Черниговской», входившей в 4-ю армию). И Ефим Львович после непродолжительного лечения ослепшего глаза в московском госпитале вернется в политотдел армии в качестве инструктора по политинформации. Красноармеец — младший офицер — гвардии майор. Он участвовал в сражениях под Москвой, у стен Сталинграда, на Курской дуге, на Украине, в Молдавии, Румынии, Венгрии, Югославии и встретил победу в Вене. Его грудь украсили три ордена Великой Отечественной войны, орден Красной Звезды, 16 медалей. Дружбу с фронтовыми товарищами — И.А. Анчишкиным, Я.А. Кронродом, Д.Т. Шепиловым Маневич пронесет через всю жизнь.

После окончания войны Ефим Львович рвется на свою работу в Институт экономики, однако командование армии ставит задачу: демобилизация — после того как он напишет

1. Из 12 тыс. человек, вышедших из Москвы с дивизией народного ополчения, назад вернется только 205, в числе которых будет и Ефим Львович.

книгу о боевом пути соединения (вместе со своим другом И. Бенедиктовым). Книга «От Сталинграда до Вены» (о которой хорошо отзывался маршал Советского Союза А.М. Василевский) была издана в конце 1945 г. [1].

Е.Л. Маневич сразу возвращается в свой любимый институт и продолжает работу над проблемой заработной платы – одной из самых актуальных проблем послевоенного времени. Дополнив материалы своей кандидатской диссертации, он, при полном одобрении С.Г. Струмилина, представляет рукопись в издательство. В 1947 г. монография Е.Л. Маневича «Вопросы заработной платы в промышленности СССР» выходит в свет [2]. В то время книга была единственной работой по проблемам заработной платы в Советском Союзе. Она стала фактически учебным пособием во всех экономических институтах и на экономических факультетах учебных заведений страны.

В 1951 г. он публикует монографию «Заработка плата и ее формы в промышленности СССР» [3], где был сделан важный вывод о неадекватности существующей системы заработной платы и необходимости ее срочного реформирования и успешно защищает докторскую диссертацию «Организация заработной платы в промышленности СССР». В 1952 г. Ефим Львович утвержден в ученой степени доктора экономических наук, в 1953 г. ему присвоено звание профессора. На основе материалов докторской диссертации Е.Л. Маневич подготовил докладную записку в политбюро ЦК КПСС (за подписью К.В. Островитянова – директора ИЭ АН СССР), где критически изложил состояние системы заработной платы в стране и обосновал необходимость срочного проведения реформы заработной платы.

В 1951 г. Ефим Львович примет самое активное участие в дискуссии по проекту первого учебника политической экономии. В дальнейшем он нередко будет аргументированно спорить по целому ряду вопросов с выдающимися учеными – С.Г. Струмилиным, Б.Ц. Урланисом, открыто говорить при встречах с руководителями государства А.М. Кагановичем,

А.И. Микояном, Д.Т. Шепиловым о порочной тарифной системе, системе планирования «от достигнутого», о наличии излишней рабочей силы на предприятиях и о других недостатках.

Второй раз Ефиму Львовичу пришлось временно покинуть Институт экономики, когда он, активно участвуя в обсуждении вопросов организации Института труда, его структуры, принял предложение А.М. Кагановича занять должность первого заместителя директора по научной работе в новом институте. За сравнительно короткое время работы в НИИ труда (1955–1958 гг.) Е.Л. Маневич проявил себя как хороший организатор научно-исследовательского процесса; ему удалось укомплектовать институт научными кадрами, прежде всего специалистами, имеющими опыт практической работы (чему он придавал исключительно важное значение), наладить необходимые связи с министерствами и предприятиями, создать хорошую институтскую библиотеку.

В институте начали издаваться сборники «Вопросы труда» под редакцией Е.Л. Маневича, а также бюллетени с официальными материалами по труду и заработной плате, в которых публиковались исследования сотрудников института. Ефим Львович являлся также членом редколлегии журнала «Социалистический труд», в котором работники НИИ труда принимали самое активное участие. Институт представлял в Госкомтруд доклады и записки о необходимости реформ, подготовил и целый ряд тарифно-квалификационных справочников для различных отраслей народного хозяйства. Изучался также опыт организации заработной платы и труда в европейских государствах (наших тогдашних союзниках по социалистическому лагерю), с научными учреждениями которых, прежде всего с институтами труда, были установлены тесные контакты.

Возвращение Е.Л. Маневича в Институт экономики АН СССР в апреле 1958 г. связано с основными научными планами: теперь объектом исследований ученого становятся не только вопросы организации заработной платы (чему глав-

ным образом были посвящены прежние работы), а проблемы труда в целом. Он ставит задачу: на основе анализа большого фактического материала раскрыть причины снижения эффективности труда в народном хозяйстве и в этой связи показать пагубность недооценки личной материальной заинтересованности, уравниловки, определить недостатки в планировании на всех уровнях хозяйствования, приводящие, в частности, к массовым припискам, выявить негативные последствия так называемой «скрытой безработицы», т. е. содержания на производстве излишней рабочей силы.

Итогом его многолетней работы станет монография «Проблемы общественного труда в СССР», которая с невероятными трудностями, пройдя много инстанций (вплоть до отдела ЦК КПСС), была опубликована в 1966 г. в издательстве «Экономика». В работе рассматривается ряд важных теоретических положений в области общественного труда в СССР.

В течение многих лет в Советском Союзе отрицалось марксистское положение о том, что заработка плата – превращенная форма стоимости рабочей силы, а ее уровень должен обеспечивать нормальное воспроизведение этого специфического товара. Считалось, что уровень заработной платы зависит от волонтистских решений государственной власти. В работе автор, критикуя действующий порядок установления жизненного уровня в зависимости от объема национального дохода и пропорции, в которой он распределяется на накопление и потребление (что определялось, как правило, субъективно, а оплата труда осуществлялась по остаточному принципу), формирует новые принципы определения уровня оплаты труда и уровня жизни как «всеобщий закон возмещения затрат рабочей силы». «Сущность этого закона заключается в том, что в условиях социализма (впрочем, как и в условиях других общественно-экономических формаций) действует объективная необходимость воспроизведения рабочей силы, восстановления затраченных в процессе производства физических и умственных сил работников, необходимость обеспечения рабочих, служащих, колхозников и их

семей средствами существования, материальными и духовными благами. Без этого невозможен процесс производства и воспроизведения...» [4, с. 103].

В монографии Е.Л. Маневич последовательно развивает (высказанную им еще в более ранних работах) [5, с. 178–182] точку зрения о том, что при определении уровня заработной платы в социалистических условиях нельзя не учитывать необходимости возмещения затрат рабочей силы; эта необходимость объективна, свойственна всем способам производства, но имеет специфическую форму своего проявления в условиях различных формаций. Отмечалось, что данный закон, связанный с воспроизведением главной производительной силы – человека, трудящегося, требует не только полного воспроизведения затрат рабочей силы, т. е. ее простого воспроизведения, но и учета исторического фактора. Он требует и обеспечения исторически сложившихся материальных и культурных условий жизни трудящегося и его семьи и удовлетворения повышающихся потребностей². Анализ действия закона возмещения затрат рабочей силы автор связывает с необходимостью использования категории « прожиточный минимум » и практической разработки его применения к условиям социалистической экономики.

В решении научного обоснования сложной проблемы дифференциации оплаты труда отправным пунктом, по мнению Е.Л. Маневича, могут быть, с одной стороны, прожиточный минимум, который лежит в основе определения минимальной границы заработной платы работников, занятых трудом низшей квалификации (I разряда), с другой – учет затрат времени на получение высокой квалификации, а также условий и особенностей труда: степени ответственности, психофизической нагрузки, напряженности и т.п., что опре-

-
2. Е.Л. Маневич показал, что критики этого закона неизбежно приходят к необходимости возмещения затрат рабочей силы при социализме, относя это к форме проявления закона распределения по труду. Однако последний лишь обеспечивает равную плату за равный труд, он не может определять факторов, лежащих вне труда (количество трудоспособных членов семьи, фактическое потребление), а также уровня оплаты труда.

деляет максимальную границу заработной платы при данном уровне развития производительных сил. (Учет этих принципов оплаты труда остается актуальным и в наше время). Ефим Львович показал, что сложившаяся до 1953 г. фактическая заработка плата многочисленных слоев трудящихся была существенно ниже прожиточного минимума и не обеспечивала возмещения затрат рабочей силы.

Придавая важное значение материальной заинтересованности рабочих в результатах труда, в том числе в связи с внедрением новой техники, Е.Л. Маневич выступил против противопоставления двух групп факторов роста производительности труда³, которое считал ошибочным: как бы ни были сильны машины, главной фигурой в росте производительности труда всегда является человек. Подобные деления неверны не только в теоретическом, но и в практическом плане: невозможно определить, какой экономический эффект дает каждый из факторов роста производительности труда в отдельности [4, с. 95].

В связи с исследованием путей улучшения системы стимулирования труда, повышения его производительности значительное место в монографии удалено анализу проблем использования, распределения и перераспределения рабочей силы, выявлению причин сохранения на предприятиях излишней рабочей силы (скрытой безработицы): раскрыты две основные причины – стимулирование руководящих работников предприятий в зависимости от численности персонала и их обязанности трудоустраивать высвобождаемых работников. На основе анализа существующей практики

-
3. Так, А.Г. Аганбегян и В.Ф. Майер в книге «Заработка плата в СССР» проводили деления факторов роста производительности труда на две группы – объективную и субъективную (к 1-й относили технический прогресс, ко 2-й – квалификацию и интенсивность труда). По их мнению, действие 1-й группы факторов, как независящее от самих рабочих, не должно сопровождаться ростом их денежной заработной платы; экономический эффект от этой группы факторов следует использовать либо на массовое снижение цен на товары народного потребления, либо на увеличение общественных фондов. Рабочие же не могут претендовать на эти средства, так как рост производительности труда за счет внедрения новой техники, по мнению этих авторов, от рабочих не зависит.

были внесены весьма актуальные для того времени предложения, в частности, поставлен вопрос о создании в стране специальных организаций, которые бы занимались трудоустройством рабочих и служащих. Принципиальное значение имело предложение автора о необходимости материального обеспечения работников, высвобождаемых в связи с техническим прогрессом (по существу речь шла о выплате пособий по безработице). Книга стала заметным явлением в экономической жизни второй половины 1960-х годов. Она была переведена на немецкий, польский, чешский, румынский и другие языки; в 1970 г. была переиздана в Венгрии.

Исследовательскую работу в Институте экономики АН СССР Е.Л. Маневич постоянно сочетал с педагогической, с 1947 г. по совместительству читал лекции в Высшей школе продвижения, сначала на кафедре политической экономии, а затем на кафедре экономики труда, которая была здесь основной, профилирующей, так как ВШПД выпускала профессиональных работников и экономистов по труду. В течение 28 лет им было подготовлено 25 кандидатов и докторов наук. С 1954 г. он участник конференций, проводимых МОТ.

Успешная научная и педагогическая деятельность, большой профессиональный опыт, организаторские способности, авторитет позволили профессору Е.Л. Маневичу в 1967 г. ускорить реализацию давно назревшего решения о создании в ИЭ АН СССР сектора проблем труда и возглавить этот сектор, которым он руководил до конца 1984 г. Благодаря укомплектованию сектора в основном сотрудниками, изучавшими в других подразделениях Института экономики те или иные проблемы труда, и привлечению способной молодежи удалось в короткие сроки развернуть большую исследовательскую работу. Членами сектора стали в основном учёные Института – доктора экономических наук: Н.С. Маслова, М.Я. Сонин, Б.Ц. Урланис, а также кандидаты: И.С. Маслова, В.М. Москович, Л.С. Сбытова, Т.А. Бараненкова. Кроме того, были приглашены со стороны известные специалисты в этой области (д.э.н. Е.С. Рusanov, к.э.н. Н.И. Татаринова).

Будучи членом бюро созданного в 1969 г. Научного совета «Социально-экономические проблемы народонаселения» при Президиуме АН СССР и возглавив в Совете секцию «Социально-экономические проблемы рационального использования трудовых ресурсов в СССР», Е.Л. Маневич налаживает устойчивые научные контакты с учеными-трудовиками институтов АН союзных республик и ряда союзных ведомств, в частности Госкомтруда, Госплана, Госпрофобра, а позднее Госкомитета по использованию трудовых ресурсов РФ. Исследовательские планы сектора увязывались с запросами этих государственных структур, а служащие аппарата госкомитетов нередко приглашались к обсуждению научных работ сотрудников сектора.

В этот период результаты исследований научного коллектива, руководимого Е.Л. Маневичем, и разработки самого ученого публикуются в ряде коллективных монографий и в научных сборниках. Среди них необходимо отметить прежде всего вышедшую под редакцией Е.Л. Маневича монографию «Основные проблемы рационального использования трудовых ресурсов в СССР» [6]. В этой коллективной работе был поднят широкий круг теоретико-методологических и практических вопросов воспроизводства рабочей силы, использования трудовых ресурсов, динамики и структуры населения, баланса труда, занятости и использования рабочей силы.

Монография была высоко оценена в кругах ученых и явилаась важной вехой в становлении в Институте экономики АН СССР собственной школы по проблемам труда, занятости и демографии. Представители этой школы стремились всегда органически сочетать разработку крупных теоретических проблем с изучением реальных процессов и противоречий в сфере труда, использования трудовых ресурсов, занятости, рынка труда и социально-трудовых отношений.

Отправным пунктом прорыва на данном научном направлении стало обоснование правомерности включения категории рабочей силы в предмет экономической теории, общей по своей природе всем общественно-экономическим

формациям, однако специфической по форме и социально-экономической сущности в каждой из них. Проблемы труда всегда рассматривались в контексте с макроэкономическими процессами и социально-экономической политикой. Все исследования трудовых проблем и занятости основывались на теснейшей связи с практикой.

Результаты научной деятельности сотрудников сектора получили отражение также в журнале «Вопросы экономики» — ведущем экономическом журнале страны (тираж журнала в те годы составлял примерно 50 тыс. экз.); в 70–80-е годы социально-трудовая тематика становится одной из ведущих рубрик журнала.

В 1983 г. коллективом сектора была выпущена фундаментальная работа «Проблемы повышения эффективности использования рабочей силы в СССР» [7]. Все главы монографии тесно увязывались с решением актуальной задачи того времени — повышением эффективности производства за счет более рационального использования рабочей силы и увеличения производительности труда. С этих позиций раскрывались вопросы, касающиеся методов стимулирования экономии живого труда и высвобождения работников, совершенствования системы управления, организации перераспределения рабочей силы, изменения государственной системы трудоустройства населения, регулирования миграционных процессов. К этому периоду можно отнести дальнейшее раскачивание догмы об отсутствии безработицы и ее невозможности в условиях существующей экономической системы.

В 1970–1980 гг. Е.Л. Маневич руководит подготовкой многих аспирантов, осуществляет научное редактирование ряда индивидуальных монографий сотрудников сектора⁴.

4. Среди них книги Б.Ц. Урланица «Проблемы динамики населения СССР» (М.: Наука, 1974), Т.А. Бараненковой «Высвобождение рабочей силы и улучшение ее использования при социализме» (М.: Наука, 1974), И.С. Масловой «Экономические вопросы перераспределения рабочей силы при социализме» (М.: Наука, 1976), Н.В. Панкратьевой «Закон народонаселения при социализме» (М.: Наука, 1983).

После смерти своего старого фронтового друга – профессора Я.А. Кронрода он становится соредактором его трех посмертно изданных книг.

Считая важным именно практическое решение народнохозяйственных проблем, Е.Л. Маневич как руководитель авторских коллективов и автор активно участвует в подготовке для плановых органов страны многочисленных докладов и научных записок по актуальным вопросам труда и использования трудовых ресурсов.

Возглавляемый профессором Маневичем сектор проводил большую консультативную работу, теоретические семинары и научные конференции; сектор был ответственным за блок «Трудовые ресурсы и занятость» в КП НТП и принимал непосредственное участие в координации научных исследований по проблеме использования трудовых ресурсов. В секторе проводилась большая работа по подготовке и повышению квалификации научных кадров: здесь обучались стажеры, докторанты, аспиранты из разных республик и городов Советского Союза⁵.

В 1978 г. сектор организовал и провел I Всесоюзную научно-практическую конференцию «Основные направления повышения эффективности использования трудовых ресурсов в свете решений XXV съезда КПСС», которая проходила под эгидой АН СССР, Госкомтруда СССР, Госплана СССР, ГКНТ, ВЦСПС, Минвуза СССР, где Е.Л. Маневич выступил с основным докладом. По результатам конференции было издано шесть томов, к сожалению, с грифом ДСП. Тираж составил всего 40 экз.

В качестве организатора и докладчика Е.Л. Маневич принимал участие в ряде зарубежных экономических конференций и симпозиумов, состоявшихся в 1967, 1968, 1971, 1984 гг. в Швейцарии, ГДР, Венгрии.

5. Некоторые из них позже защитили докторские диссертации, руководили научными подразделениями по проблемам труда и демографии (например, чл.-корр. АН Киргизской ССР Е.П. Чернова, д.э.н., проф. Г.М. Романенкова и др.).

В 1980 г. Ефим Львович Маневич опубликовал в издательстве «Наука» работу «Вопросы труда в СССР» [8], которую посвятил исследованию ряда проблем, имеющих и на современном этапе развития большое народно-хозяйственное значение, среди них: организация труда и его производительность, научно-техническая революция и подготовка рабочих кадров, совершенствование распределительных отношений, демографическая политика и воспроизводство рабочей силы. Рассматривая спорные в науке положения по этим вопросам, он подверг обоснованной критике концепцию С.Г. Струмилина о новом разделении труда в коммунистическом обществе (уже не между людьми, а между машинами), о новой организации труда и быта членов этого общества в «изолированных коммунах», указал на неправильность высказываний ряда экономистов о вытеснении заработной платы доходами из общественных фондов. Профессор Маневич Е.Л. дискутировал с Б.Ц. Урланисом по поводу замены единой демографической политики СССР дифференциированной, отмены выплат пособий на детей и по другим вопросам.

Большое место в работе Е.Л. Маневич отводит проблеме рождаемости и необходимости проведения в связи с начавшимся ее падением эффективной демографической политики. Он критически рассматривает различные высказывания в демографической и общеэкономической литературе о причинах снижения рождаемости⁶.

Ефим Львович причины снижения рождаемости объясняет комплексом одновременно действующих причин. «К ним относятся: все еще сказывающиеся последствия Великой Отечественной войны, в частности снизившаяся численность женщин fertильного возраста, родившихся

6. Одни экономисты и демографы в то время считали, что основной причиной падения рождаемости является общее повышение благосостояния народа (чем выше уровень жизни, тем ниже рождаемость, и наоборот). Широкое распространение получила противоположная точка зрения, согласно которой влияние уровня материального благосостояния на рождаемость играет второстепенную роль. Некоторые демографы объясняли снижение рождаемости главным образом повышением культурного уровня населения, появлением новых потребностей, удовлетворение которых, якобы, несовместимо с увеличением числа детей в семье.

в 1942–1946 гг.; повышение общеобразовательного и культурного уровня населения; высокая занятость женщин в общественном производстве; сознательное внутрисемейное регулирование рождаемости, имеющее решающее значение в определении количества детей; недостаточное обеспечение детскими учреждениями; усиление процесса урбанизации и др.» [8, с. 100].

Е.Л. Маневич большое значение в поощрении рождаемости придает таким факторам демографической политики, как установление пособий на детей, введение различных льгот для семей, имеющих несколько детей, увеличение продолжительности декретного отпуска, введение сокращенного рабочего дня для матерей, имеющих малолетних детей, и т.д., предоставление семьям, имеющим двух, трех и более детей, а также молодоженам благоустроенных квартир. Он полагает, что в дальнейшем по мере подъема общественной производительности труда и эффективности производства станет возможным ввести широкую систему выплат пособий, особенно для семей, имеющих двух и более детей.

Е.Л. Маневич не был согласен с теми экономистами, которые считали, что денежные пособия, выдаваемые государством семьям, имеющим несколько детей, не имеют решающего влияния на уровень рождаемости. Так, В. Пискунов и В. Стешенко выступали против выплаты этих пособий, полагая, что они, во-первых, могут использоваться родителями не по назначению и, во-вторых, подорвут всю систему распределения по труду. Б.Ц. Урланис тоже опасался, как бы некоторые отцы не использовали пособия на другие цели, и поэтому предлагал «предоставлять эти пособия не семье в целом, а только матери ребенка».

Рассматривая необходимость разработки различными научными и государственными учреждениями демографической политики как предпосылки и условия составления долгосрочного плана социально-экономического развития страны, Ефим Львович в отличие от ряда известных ученых-демографов (в том числе Б.Ц. Урланиса), предлагающих про-

ведение дифференцированной демографической политики⁷, отстаивает и обосновывает единую для всей страны демографическую политику, которая, по его мнению, является одним из принципиальных завоеваний ленинской национальной политики⁸. Он критикует также д.э.н. А.Я. Квашу, который, с одной стороны, считал возможным проведение единой по цели демографической политике по всей стране (что соответствует общим принципам построения коммунистического общества) и в то же время пишет о возможной демографической политики в разных направлениях – поощрения деторождаемости в районах низкой и стимулирующей ее снижение в районах высокой рождаемости [9].

По мнению Е.Л. Маневича, теория дифференцированной демографической политики представляется принципиально ошибочной. Такая политика не может способствовать повышению рождаемости в целом по стране, а активное сдерживание рождаемости в республиках с высокой рождаемостью приведет к снижению прироста трудовых ресурсов в стране и к большей напряженности баланса труда. (Заметим, что данная проблема и в наше время в постсоветской многонациональной, моноконфессиональной России продолжает оставаться довольно спорной.) Профессор Маневич Е.Л. поддерживал действенные меры активной демографической политики как в отношении рождаемости, так и в отношении мероприятий по снижению смертности населения в целях

7. Б.Ц. Урланис в книге «Проблемы динамики населения СССР» писал: «Советский Союз – большая страна со значительными различиями в условиях географической среды. Поэтому неправильно исходить из того, что демографическая политика должна быть совершенно одинакова во всех частях нашего государства. В связи с этим и вопросы стимулирования рождаемости в каждой части нашей страны должны ставиться по-разному».
8. Е.Л. Маневич критикует ряд демографов, которые считают, что демографическая политика должна быть настолько дифференциированной, чтобы поощрять рождаемость в районах низкой и стимулировать ее снижение в районах высокой рождаемости (См.: Демографическая политика. М.: Статистика, 1974. С. 82), а также Г.И. Литвинову, которая считала, что «многодетная семья становится отживающим демографическим типом, поддержка которой не может быть успешной и едва ли может быть желательной» (Литвинова Г.И. Воздействие государства и права на демографические процессы // Советское государство и право, 1978, № 1. С. 135).

увеличения продолжительности жизни и трудоспособной деятельности человека. Он писал: «Назрела необходимость в усилении мер по профилактике и улучшению работы санитарно-гигиенической службы, расширению производства медикаментов, а также по предупреждению несчастных случаев на производстве и на транспорте, улучшению условий труда и быта, решению экологических проблем (очистка воздуха, воды и почвы), повышению эффективности борьбы с алкоголизмом и курением и т.п.» [8, с. 103].

Понимая важное значение миграции в развитии производительных сил, перераспределении трудовых ресурсов, обеспечении необходимого соответствия между потребностью и наличием рабочей силы в разных районах страны, Е.Л. Маневич считает возможным для государства воздействовать на миграционные процессы, используя мощные экономические рычаги, прежде всего регулирование уровня жизни. Он показал, что дифференцированный подход в демографической политике полезен лишь в отношении одного из ее элементов – миграции населения, т.е. создания таких условий, при которых работники были бы заинтересованы в трудовой деятельности в труднодостаточных районах страны, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, в Нечерноземной зоне России.

Полагая экономическое воздействие на миграционные процессы недостаточным, автор считает, что для создания материальной заинтересованности трудящихся в переселении на постоянное жительство в отдаленные районы страны и уменьшения их оттока оттуда «необходимо осуществить ряд социально-экономических мероприятий, улучшить структуру производства в этих районах с тем, чтобы можно было более широко использовать труд женщин (например, создать те отрасли легкой и пищевой промышленности, расширить число предприятий непроизводственной сферы, где в основном применяется труд женщин). ...В целом проблема привлечения рабочей силы в отдаленные районы страны может быть успешно разрешена при условии, во-первых, претворения в жизнь всего комплекса экономических мер

по созданию наиболее благоприятных условий жизни в этих районах; во-вторых, высвобождения рабочей силы в связи с техническим прогрессом во всех отраслях народного хозяйства; в-третьих, постепенного выравнивания уровня жизни в различных экономических районах» [8, с. 105, 107].

С 1985 по 1991 г. Е.Л. Маневич – ведущий научный сотрудник Института экономики АН СССР – продолжал активно участвовать в научной жизни страны. Он приветствовал начавшуюся перестройку, выступал с докладами, издал монографию «Хозрасчет и материальное стимулирование в условиях рыночной экономики» [10], публиковал статьи в центральной печати, посыпал докладные записки в правительство, где, в частности, писал о необходимости подготовки страны к легализации безработицы (перевода ее из скрытой в явную форму), к установлению и выплате пособий по безработице, созданию бюро по трудоустройству населения, что в то время было чрезвычайно актуально.

Критически оценивая хозяйственный механизм, сложившийся в годы советской власти, Маневич большое место в своих работах уделил исследованию путей его быстройшей адаптации к новым условиям реформирования экономики. В работах, в журнальных статьях «Пути перестройки хозяйственного механизма» (1986), и особенно в последней «Заработка плата в условиях рыночной экономики» (1991), он подробно описал недостатки существующей централизованной системы управления, обосновал необходимость скорейшего проведения радикальной реформы, призванной осуществить всестороннюю перестройку экономической, политической и социальной жизни страны.

Впервые в открытой печати он писал, что в СССР фактическая заработка плата многочисленных слоев трудящихся, занятых на государственных предприятиях и в учреждениях, была существенно ниже прожиточного минимума и не обеспечивала нормального воспроизводства рабочей силы. Почти без всякой оплаты трудились колхозники, которые были лишены элементарных гражданских прав – не могли поки-

нуть деревню и вынуждены были для поддержания жизни дополнительно трудиться в личном подсобном хозяйстве. Была показана пагубность достигшей громадных размеров разницы в уровне жизни рабочих и служащих (реальная заработная плата которых снижалась) и руководящих кадров, у которых она из года в год повышалась как за счет ее номинальной части, так и за счет большого количества натуральных благ.

Ефим Львович считал, что распространение и развитие различных форм собственности как в городе, так и в деревне ослабляет монопольное положение государственной формы собственности. Открывшиеся возможности свободного выбора работы изменяют положение на рынке труда, ибо возникает реальная конкуренция между предприятиями и учреждениями за работника и тем самым появляется экономическая заинтересованность в создании для своих работников лучших условий труда и жизни.

Для устранения негативных последствий административно-командной системы управления заработной платой Е.Л. Маневич полагал необходимым одновременно с коренной перестройкой хозяйственного механизма и переходом на полный хозяйственный расчет осуществить систему неотложных мер в области трудовых отношений, и в частности в отношениях распределения по результатам труда, расширив права предприятий и их советов трудовых коллективов. Он указывал на многие недостатки, содержащиеся в проекте Концепции организации оплаты труда в народном хозяйстве в условиях регулируемых рыночных отношений, разработанной Госкомтруда СССР и НИИ труда в 1990 г.

Е.Л. Маневич считал, что Концепция ограничивает самостоятельность предприятий и по-прежнему сохраняет слишком большую роль государственного регулирования, в ней почти полностью обойдены такие совершенно необходимые в условиях рыночной экономики элементы оплаты труда рабочих и ИТР, как участие в прибылях, выплата дивидендов по акциям и т.п. Он был не согласен и с предложением об отмене коэффициентов к заработной плате, в том числе за

работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Необоснованными казались ему предложения об отмене выплат по итогам работы за год.

По мнению Е.Л. Маневича, в России в результате неоправданно скоропалительной приватизации 1990-х годов собственность сосредоточилась в руках узкой группы олигархов, численность которых даже в кризисные годы продолжала увеличиваться, большинство же населения было лишено доходов от обладания ценностями бумагами, получения дивидендов.

* * *

Е.Л. Маневич был одним из зачинателей и организаторов отечественной школы трудовиков. Как высоко квалифицированный специалист он внес значительный вклад в развитие экономической теории, экономики труда и демографии. Поражает его целеустремленность, энергия и полная отдача работе, умение направить коллектив на решение сложных и актуальных задач.

Итог своей многогранной, сложной жизни Е.Л. Маневич изложил в последней работе «Воспоминания о родине, войне и мире» [11] (рукопись, которая была издана в Институте экономики РАН в 2016 г.), написанной в Кирьят Шмона, Израиль (куда он выехал с семьей в 1991 г.) и где он завершил свой жизненный путь в 1997 г.

Основные работы Е.Л. Маневича

От Сталинграда до Вены: боевой путь Н-ской гвардейской армии: очерки / Составили: Е.Л. Маневич и др. Б. м.: Действующая армия, 1945.

Маневич Е.Л. Вопросы заработной платы в промышленности СССР (под общ. ред. проф. Яковлева А.Ф.). М.: Тип. им. Котлякова в Лгр., 1947.

Маневич Е.Л. Заработка плата и ее формы в промышленности СССР. М.: Госпланиздат, 1951.

Маневич Е.Л. Проблемы общественного труда в СССР. М.: Экономика, 1966.

Маневич Е.Л. Проблемы политической экономии социализма. М.: Госполитиздат, 1959.

Маневич Е.Л. Глава 1. Воспроизводство рабочей силы и пути улучшения использования трудовых ресурсов в СССР, с. 3–28 / Монография: Основные проблемы рационального использования трудовых ресурсов в СССР (под редакцией Е.Л. Маневича). М.: Наука, 1971.

Маневич Е.Л. Предисловие. Глава 1. Основные проблемы рационального использования рабочей силы в современных условиях, с. 3–23 / Монография: Проблемы повышения эффективности использования рабочей силы в СССР / Отв. ред. Е.Л. Маневич. М.: Наука, 1983.

Маневич Е.Л. Вопросы труда в СССР, М.: Наука, 1980.

Маневич Е.Л. Проблемы рационального использования рабочей силы. С. 27–40. В кн.: XXV съезд КПСС и развитие науки и социального обеспечения. М.: Институт государства и права АН СССР, 1978.

Маневич Е.Л. Хозрасчет и материальное стимулирование в условиях рыночной экономики. М.: ИЭ, 1990.

Маневич Е.Л. Воспоминания о родине, войне и мире. М.: ИЭ РАН, 2016.

Литература о Е.Л. Маневиче

Маневич Ефим Львович. «Экономическая энциклопедия. Политическая экономия». Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1975.

Бараненкова Т.А. Ефим Львович Маневич. Боевой и научный путь / Война и мир в судьбах ученых-экономистов. Очерки. Вып. 4. Волгоград, 2004. С. 205–218.

Завьялова Г.Б., Иванова Р.К., Хавина С.А. Маневич Ефим Львович / Институт экономики в лицах. Вып. 1. М.: ИЭ РАН, 2005. С. 116–138.

Маслова И.С., Бараненкова Т.А. Школа трудовиков в Институте экономики / Экономические исследования социально-трудовой сферы в Институте экономики: история и современность. М., 2009. С. 4–9.

Бараненкова Т.А. Ефим Львович Маневич: ученый и гражданин (к 100-летию со дня рождения) // Вестник Института экономики РАН, 2014. № 6. С. 138–153.

А.Е. Городецкий, д.э.н.

М.Н. Федорова, д.э.н.

**САВЧЕНКО
ПОЛЬ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ
(1931–2021)**

Поль Вячеславович Савченко – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН (работал в ИЭ РАН с 1978 г. по 2021 г.), заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Он был уникальным ученым, сочетавшим яркий исследовательский талант, способности генерировать новые идеи, раскрывать теоретические основы новых явлений и великолепные организаторские способности, умение объединить ученых-исследователей различных сторон социально-экономических отношений, институтов социально-экономической политики и управления.

Поль Вячеславович Савченко родился 2 сентября 1931 г. в Москве. После окончания школы поступил на экономический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и в 1955 г. с отличием его окончил. В его трудовой деятельности сочетались преподавательская и научная деятельность. Трудовая биография началась с работы на кафедре политической экономии в Орехово-Зуевском педагогическом институте (1955–1966 гг.). Затем П.В. Савченко работал в НИИ труда при Госкомитете СССР по труду и заработной плате в 1966–1967 гг., на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 1967–1977 гг., в Российском университете кооперации (МКИ им. В. Волошиной) в 1977–1978 гг., в Институте эконо-

мики АН СССР (в настоящее время – Институт экономики РАН) в 1978–2021 гг., до конца жизни (26.03.2021).

Для научных исследований П.В. Савченко характерен поиск места исследуемого явления или процесса в общей системе социально-экономических отношений, выявление его взаимосвязей с другими экономическими отношениями, его социальных аспектов, влияния на мотивацию человека, определение социальных групп, заинтересованных или не заинтересованных в его функционировании и развитии. Все это, в конечном счете, давало возможность обосновать и спрогнозировать тенденции дальнейших изменений объекта исследования. В своей книге «Поиски истины» П.В. Савченко отмечает, что для него поиск истины связан со стремлением «раскрыть и понять связь социально-экономической Системы с образом жизни людей, их ценностными ориентациями и мотивациями деятельности»¹. При этом П.В. Савченко не был «кабинетным» ученым. Его теоретические поиски, кандидатская и докторская диссертации основывались на изучении практики, результатах социологических опросов населения в Краснодарском и Ставропольском краях, Московской, Тамбовской и Ярославской областях. Его лекции, статьи и монографии – это живое исследование и живое изложение его результатов.

Важное место в исследованиях П.В. Савченко занимает кооперативная форма производства. В советский период П.В. Савченко рассматривал кооперативную собственность в сложной системе производственных отношений, включающей, с одной стороны, чисто социалистический формы обобществления производства и труда, планомерность и т.п., а с другой стороны – товарно-денежные отношения. Он отмечал, что кооперативные предприятия (колхозы) имеют более глубокую относительную экономическую самостоятельность по сравнению с государственными предприятиями и, соответственно, существуют более значительные различия

1. Савченко П.В. Поиски истины. Избранные произведения. М., 2001. С. 6.

между предприятиями в сфере социально-трудовых отношений — в оплате труда, социальных выплатах и т.д. Исследуя процессы сближения государственной и колхозно-кооперативной форм собственности, включенности государственных и кооперативных предприятий в воспроизводственный процесс в рамках единого народнохозяйственного комплекса, общих тенденций в технико-технологической и финансово-кредитной сферах и т.п., П.В. Савченко исходил из того, что главным индикатором сближения форм собственности является выравнивание возможностей для людей, независимо от того, на государственном или кооперативном предприятии они работают. Глубинная сущность социализации экономики, развития социалистических производственных отношений, по его мнению, определялась тем, насколько эти процессы способствуют повышению уровня и качества жизни населения. П.В. Савченко обосновывал необходимость перехода от трудодня к гарантированной денежной оплате труда колхозников и к единой системе пенсионного и социального обеспечения рабочих, служащих и колхозников. Эти проблемы исследовались на основе обобщения материалов, собранных в колхозах, в его диссертациях²; результаты исследований были опубликованы в монографиях³. При этом П.В. Савченко считал необходимым развитие фондов экономического стимулирования предприятий (государственных и кооперативных), чтобы государственные гарантии единых трудовых и социальных прав граждан сочетались с вознаграждением работников по результатам их работы и по результатам работы предприятий. П.В. Савченко был сторонником развития колхозно-кооперативной формы собственности, а не тотального слияния колхозов и совхозов в межхозяйственные

2. Кандидатская диссертация «Общественные фонды потребления колхозов», докторская диссертация «Кооперативное предприятие как форма обобществления социалистического производства в сельском хозяйстве».
3. Савченко П.В. Материалная заинтересованность в действии. М.: Изд-во «Советская Россия», 1962; Савченко П.В. Общественный фонд потребления колхоза. М.: Знание, 1965; Городецкий Е.С., Савченко П.В. Сочетание уровня оплаты труда и общественных фондов потребления в колхозах. М.: Изд-во МГУ, 1974.

предприятия, что фактически означало бы ликвидацию колхозов⁴. Таким образом, в его трудах разрабатывалась концепция взаимодействия непосредственно общественных отношений с товарно-денежными отношениями, государственных предприятий с кооперативными, централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью.

Впоследствии, при исследовании трансформации экономических отношений при переходе к рынку и рыночной экономике в России П.В. Савченко обосновывал необходимость конвергенции государственного и рыночного регулирования. Он считал, что «чистый социализм» и «чистый капитализм» – это абстракции, необходимые для классификации производственных отношений, а реальная экономика является смешанной.

К рассмотрению взаимодействия непосредственно общественных и товарно-денежных отношений при социализме П.В. Савченко обратился при подготовке третьего издания учебника «Курс политической экономии»⁵. П.В. Савченко рассматривал личное подсобное хозяйство прежде всего как необобществленную форму производства, а не как форму личной собственности. Он обосновывал необходимость товарно-денежных отношений при социализме тем, что существует необобществленная форма производства. Субъект личного подсобного хозяйства, с одной стороны, работник социалистического предприятия. С другой стороны, он собственник средств производства в личном подсобном хозяйстве, результаты производства в котором не являются объектом общественной собственности и планомерного хозяйствования в масштабе общества, а являются товарной продукцией, реализуемой владельцем в соответствии с законом стоимости.

Необходимо обратить внимание также на исследование П.В. Савченко «нестандартной» для системы социалистических

4. См.: Савченко П.В. Прошедшие годы: взгляд современника. Второе издание, перераб. и доп. М., 2011. С. 85.

5. Курс политической экономии. Т. 2. Социализм / Под ред. Н.А. Цаголова. Изд-е 3-е. М.: Политиздат, 1973.

производственных отношений проблемы — монополии при социализме. Он не сводил монополию при социализме к наличию предприятий-монополистов (в СССР некоторые товары производились на единственных предприятиях). Монополию он рассматривал в пространстве всей системы производственных отношений, на всех уровнях экономики. П.В. Савченко выделял различные формы проявления монополизма, связанные с тем, что производители имеют более сильные позиции по сравнению с потребителями, с планированием от достигнутого уровня, «монополизмом» показателей, по которым государственные органы оценивали работу предприятий, монополизмом централизованно установленных государственных оптовых и розничных цен, с монополией рабочего места и т.д.⁶

С 1979 по 1987 г. П.В. Савченко был исполняющим обязанности, а затем заведующим сектором экономических основ социалистического образа жизни и социальной однородности общества (с 1985 г. — сектор экономических проблем социалистического образа жизни). Исследование образа жизни стало для П.В. Савченко тем научным пространством, которое дало возможность глубже рассматривать место и роль человека как главной производительной силы и субъекта производственных отношений, мотивы трудовой деятельности, систему обратных связей в обществе, действие экономических законов через механизмы реализации потребностей и интересов человека и социальных групп. П.В. Савченко называл себя «социальщиком» — он при анализе экономических явлений и процессов прежде всего выявлял интересы людей и экономические последствия для населения.

П.В. Савченко отмечал, что «в политической экономии еще недостаточно изучена роль самого человека в развитии производительных сил, а исследуются, в основном, отношения по поводу производства, распределения, обмена и потребления общественного продукта. Необходимо, чтобы именно человек как целостный субъект общественных отношений

6. Савченко П.В., Шехет Н.И. Монополия при социализме. М.: ИЭ АН СССР, 1987.

стал также предметом политической экономии»⁷. При этом П.В. Савченко исходил из того, что проблема человека – это междисциплинарная проблема, в разработке которой экономическая теория взаимодействует с другими общественными и естественными науками. Образ жизни человека он не рассматривал как чисто экономическую категорию, а исследовал его экономические основы (систему производственных отношений и положение человека в ней, удовлетворение потребностей населения и т.п.), формы реализации в экономической сфере (качество человеческого потенциала) и последствия для развития экономики (например, у трудового характера образа жизни и здорового образа жизни – позитивные последствия, а у пьянства и стремления к нетрудовым доходам – негативные).

Категория «образ жизни» в настоящее время незаслуженно забыта экономистами, по-видимому, в связи с тем, что понятие «социалистический образ жизни» было идеологически перегружено. Однако категория «образ жизни» дает возможность исследовать, каким образом человек использует частные и общественные блага, купленные на свои доходы или предоставленные за счет государства, как он реализует свои жизненные установки в трудовой, предпринимательской и социальной деятельности. Это важно для качественной характеристики человеческого потенциала. Каков человек и какие цели он для себя определил, таковы и экономика, и будущее развитие страны.

В период социально-экономических трансформаций, связанных с переходом к рыночной экономике, П.В. Савченко продолжил исследование человека как субъекта экономики и общества, рассматривая проблемы адаптации человека к рынку, приоритеты социальной стратегии и социальной политики. П.В. Савченко стал инициатором и организатором исследований, результаты которых нашли отражение в докла-

7. См.: Укрепление трудового характера социалистического образа жизни / Под ред. П.В. Савченко. М.: Наука, 1987. С. 7–8.

дах «План Маршалла – путь к стабилизации и возрождению экономики», «Предложения по разработке теоретических основ социальной стратегии адаптации человека к рынку», «Некоммерческие организации в системе институциональных отношений», и определили направления дальнейших исследований. Эти исследования дали ему возможность обосновать необходимость и раскрыть теоретические основы формирования модели социально-экономического развития России, сохраняющей достижения советского периода и учитывающей необходимость социально-экономических трансформаций, обновления экономики, государства и общества, становления и развития новых социально-экономических феноменов и институтов.

В названных выше и последующих работах П.В. Савченко рассматривал переход от человека – «винтика» административно-командной экономики к «экономическому человеку» рыночной экономики. Он отмечал, что в директивном планировании человек рассматривался как существо стандартное, нормативное, и ему предлагался стандартный набор благ, но стремление государства охватить все стороны потребностей человека приводило к нехватке средств и несоответствию структуры производимых товаров спросу населения. В случае нерегулируемого рынка предложение соответствует спросу, а набор социальных приоритетов минимален – борьба с преступностью, селективная социальная помощь – нетрудоспособным, безработным и т.д. Социальная цена рыночных реформ в России оказалась высока – снизилась рождаемость, выросли бедность и преступность, усилилась социальная напряженность. Наиболее предпочтительным вариантом, по мнению П.В. Савченко, «является регулируемый рынок: государство намечает ряд социальных приоритетов, некоторые из них осуществляет непосредственно, а для реализации других создает условия, заинтересовывающие экономических субъектов в развитии социальной сферы»⁸. В этом случае

8. Савченко П.В. Поиски истины. Избранные произведения. М., 2001. С. 27.

социальная справедливость и экономическая эффективность будут взаимосвязаны. Будет соблюдаться необходимый для устойчивого развития экономики баланс интересов человека, общества и государства.

В основе этих выводов было исследование процессов становления новых форм хозяйствования — кооперативов по производству товаров и оказанию услуг, индивидуальной трудовой и индивидуальной предпринимательской деятельности. П.В. Савченко как ответственный редактор, руководитель авторских коллективов и один из авторов подготовил справочники⁹, посвященные законодательству, организации работы, налогообложению, мерам государственной поддержки этих форм хозяйствования. Для подготовки справочников он собрал множество авторов — ученых из Института экономики и других институтов Академии наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, сотрудников министерств. Материалы этих справочников дают представление о том, как произошло освобождение и развитие индивидуальных интересов людей по мере легализации частной собственности и частной предпринимательской деятельности. Вопросы и ответы в справочниках — словно голоса этих людей. В такой форме был фактически осуществлен анализ становления малого бизнеса в России, сложностей с его встраиванием в российскую экономику, взаимодействие с институтами государственного регулирования.

Результаты исследований социально-экономических трансформаций в России при переходе к рыночной экономике были изложены в учебнике «Курс переходной экономики» под ред. Л.И. Абалкина (М: Финстатинформ, 1997), где П.В. Савченко был составителем и одним из авторов.

«Курс переходной экономики» — это осмысление и обобщение трансформационных процессов в России с точки зрения

9. Индивидуальная трудовая деятельность: вопросы и ответы / Под ред. П.В. Савченко. М.: Экономика, 1989; Кооперативы по производству товаров и оказанию услуг. Справочное пособие / Под ред. П.В. Савченко. М: Экономика, 1989; Индивидуальная предпринимательская деятельность. Справочное пособие / Под ред. П.В. Савченко. М: Экономика, 1992.

продвижения вперед и преодоления крайностей и ошибок рыночных реформ 1990-х годов. Этот учебник не был пересказом зарубежных экономических теорий, не пытался привнести левоконсервативных идей и заимствований не всегда подходящего для России опыта стран Восточной Европы и Прибалтики. Для подготовки этого учебника академик РАН Л.И. Абалкин объединил лучшие силы академической науки и университетского сообщества, а научно-редакционная проработка идеи подготовки такого курса и организационная работа осуществлялась П.В. Савченко. Эта книга стала уникальным теоретическим исследованием начала трансформационной эпохи в России и быстро разошлась по научному сообществу.

Главы учебника, подготовленные П.В. Савченко, посвящены становлению частнопредпринимательских структур, условиям устойчивого экономического роста и социальным приоритетам в социальной политике и социальной защите населения. И здесь также экономические процессы рассматривались под углом зрения интересов человека, уровня качества его жизни. П.В. Савченко обосновывал невозможность проводить рыночные реформы за счет человека, по принципу «кто не сможет переплыть реку — пусть утонет», как считали «либералы-рыночники», во всем уповаяшие на рыночное саморегулирование. «Преобразования в переходной экономике — приватизация, либерализация цен, финансовая стабилизация и др. — не являются самоцелью, не могут быть сведены к формированию рынка и созданию конкурентной среды. Они имеют смысл и оправдание только в том случае, если их результатом будет достижение высоких жизненных стандартов. При осуществлении экономических реформ государство должно оценивать их последствия для всего населения, проводитьзвешенную, реалистическую социальную политику»¹⁰.

Человекоориентированный подход к экономическим преобразованиям актуален и в наши дни и, наверное, явля-

10. Курс переходной экономики / Под ред. Абалкина Л.И. М.: Финстатинформ, 1997. С. 470–471.

ется лакмусовой бумажкой для оценки экономических преобразований в любой стране в любую эпоху.

Идеи «Курса переходной экономики» были развиты в коллективной монографии «Россия-2015: оптимистический сценарий» под ред. Л.И. Абалкина (М: ММВБ, 1999), в которой П.В. Савченко был руководителем организационно-редакторской группы и одним из авторов. В этой книге раскрыты долгосрочные закономерности, приоритеты стратегии развития России, изложены идеи научного сообщества, выходящие за ограниченные рамки субъективных подходов.

Профессор П.В. Савченко сыграл важную роль в подготовке и издании одного из последних общеакадемических межинститутских научных проектов академика РАН Л.И. Абалкина – книги «Стратегический ответ России на вызовы нового века» под ред. Л.И. Абалкина (М: «Экзамен», 2004). Эта книга трудно продвигалась, потому что времена изменились, и надежд с энтузиазмом поубавилось. Оптимистический сценарий развития России после политического низложения Правительства Е.М. Примакова – Ю.Дм. Маслюкова очевидным образом откладывался. Новые экономико-политические откровения в стиле «Россия – новая великая энергетическая держава», «Программа Грефа», административных и социальных реформ начала 2000-х годов («реформы 2-го поколения»), Концепции – 2020 и прочее означали очередной неолиберальный перехват концептуально-стратегической инициативы.

Но, к счастью, не перевелись еще к тому времени в Институте экономики РАН и в Российской Академии наук энтузиасты и подвижники... Леонид Иванович Абалкин обратился к испытанному варианту, предложил возглавить работу авторского коллектива Полю Вячеславовичу, и дело сдвинулось с места. Монография была издана в срок и заняла свое почетное место в ряду фундаментальных теоретических разработок, прокладывающих дорогу позитивной концептуально-стратегической альтернативе и новому курсу в экономической политике.

Исследование социально-экономических трансформаций в переходной экономике вызвало необходимость решения фундаментальной методологической проблемы – поиска общих основ взаимодействия общественных отношений, их субъектов и институтов. Зигзаг в социально-экономическом развитии России – «капитализм – социализм – капитализм» выявил недостаточность формационного подхода для исследования социально-экономических трансформаций, определения факторов и перспектив развития. П.В. Савченко проявил научную смелость, предложив социально-экономическую Систему как структурную основу взаимодействия различных факторов, субъектов и институтов общественного развития на всех уровнях, как основу парадигмы развития национальной экономики России.

П.В. Савченко проанализировал процессы становления, формирования, вызревания и развития социально-экономической Системы России – и новой, и правопреемницы вечной, 1000-летней исторической России, действительно переживающей новые, весьма не простые времена. Времена были действительно непросты, а бывали и «дни окаянны» (И. Бунин), но в своем творчестве Поль Вячеславович никогда не терял веры в будущее.

Он рассматривал социально-экономическую Систему как феномен и как способ исследования. Феномен Системы – это, с одной стороны, совокупность научных знаний о взаимосвязях технико-экономических, социальных и институциональных отношений в развитии цивилизации, а с другой стороны – реальное функционирование совокупности этих отношений в отдельной суверенной стране. Система объединяет вертикальные и горизонтальные, формальные и неформальные, экономические, социальные, административные, корпоративные, культурные и др. отношения между людьми, социальными группами, органами государственного управления и хозяйственными субъектами на макро-, мезо- и микроуровне. Она интегрирует экономическую, социальную, политическую, нравственно-духовную и семейно-бытовую подси-

стемы¹¹. Система как способ исследования дает возможность рассматривать взаимодействие целого и частей, вертикальных и горизонтальных структур, роль человека в общественном развитии, развитие и функционирование различных социально-экономических связей при исследовании той или иной экономической проблемы.

Феномен Системы раскрывает взаимосвязи развития человека, экономики и общества. Человек как субъект экономики и общества, как главная производительная сила и субъект социально-экономических отношений, как фактор производства и человеческий капитал, как личность и как член общества является ядром Системы и всех ее подсистем. П.В. Савченко отмечал, что «человек – это своего рода микросистема, в которой, как в зародыше, представлены все сегменты, все аспекты развития Системы. ... Все подсистемы в Системе рассматриваются как сфера деятельности человека – субъекта экономических, социальных, политических, нравственно-духовных и семейно-бытовых отношений»¹².

Как ученый-экономист, П.В. Савченко уделял главное внимание экономической подсистеме. Вместе с тем он учтывал, что изменения в любой подсистеме влияют на другие подсистемы, на Систему в целом и на вектор ее развития. В социально-экономической Системе нет прямолинейного «экономического детерминизма».

П.В. Савченко выделял два типа Систем, исторически сложившихся в ходе развития цивилизации, с превалированием вертикальных или горизонтальных отношений. Особенностью первого типа Систем является преобладание централизованных, административных методов управления, а второго типа – преобладание рыночных, демократических методов управления. Соответственно, объединение частей в целое в Системах первого типа осуществляется преимущественно государство, а в Системах второго типа – преиму-

11. Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития. Изд-е 4-е, перераб. и доп. / Под ред. Р.С. Гринберга, П.В. Савченко. М: ИНФРА-М, 2021. С. 18.

12. Там же. С. 20.

щественно рынок. Какой тип Системы лучше подходит для конкретной страны, объективно определяется в ходе ее исторического развития, а не субъективным мнением. Попытки искусственно выстроить тип Системы, не соответствующий идентичным особенностям страны, неизбежно кончаются неудачей. Российскую Систему он относил к Системам первого типа, поскольку вертикальные отношения в ней всегда играли определяющую роль — будь то в Российской империи, СССР или в современной России.

В социально-экономических Системах П.В. Савченко выделял общее и идентичное. К общему он относил необходимость гармонии вертикальных и горизонтальных отношений во всех подсистемах, человека как ядро Системы, взаимодействие институтов рынка и государства, индивидуальной свободы и социальной справедливости. Идентичными являются конкретные формы отношений и институты, отражающие особенности всех подсистем в каждой стране, специфику ее экономики, социальных отношений, политики, нравственно-духовных ценностей, семейно-бытовой сферы¹³.

Система как способ исследования дала П.В. Савченко возможность выделить основные проблемы в каждой подсистеме в России. Он отмечал, что экономическая подсистема является монополизированной и олигархичной, происходит снижение темпов экономического роста и реальных располагаемых доходов населения. В социальной подсистеме наблюдается несоответствие интересов человека, общества и государства, высокий уровень социального расслоения, региональных различий, недостаточность социальных расходов государства. В политической подсистеме отсутствует реальная политическая конкуренция. В нравственно-духовной подсистеме мотивации «экономического человека» не могут создать национальной идеи развития российской цивилизации. В семейно-бытовой подсистеме много проблем соз-

13. Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития. Изд-е 3-е, перераб. и доп. / Под ред. Р.С. Гринберга, П.В. Савченко. М.: ИНФРА-М, 2019. С. 24–25.

дают дороговизна жилья, коммерциализация образования, «оптимизация» здравоохранения и т.п.¹⁴

Модернизация Системы, согласно концепции П.В. Савченко, может осуществляться эволюционным путем при условии гармонии интересов человека, общества и государства, расширении возможностей свободной самореализации человека в сочетании с соблюдением законов, заинтересованности индивидов, хозяйственных субъектов и государства в инвестировании в человеческий капитал, совершенствовании институтов и инфраструктуры, заинтересовывающих людей в создании инновационного общества, реализации творческих и предпринимательских способностей. Таким образом, Системе присущи человекоцентристский вектор развития и социальный тренд – возрастание роли социальных факторов экономического роста, главным из которых является свободный человек.

Разработанная в трудах П.В. Савченко Система как способ исследования дает методологический ключ для рассмотрения экономических явлений и процессов: их необходимо анализировать с учетом взаимодействия всех подсистем, проверять на соответствие человекоцентристскому вектору и на гармоничное сочетание интересов человека, общества и государства.

Систему как способ исследования П.В. Савченко использовал при рассмотрении социально-трудовых отношений в своих статьях и в монографии «Системный метод исследования социально-трудовых отношений: человек как доминанта развития», которая вышла в свет, когда его уже не было в живых. Социально-трудовые отношения он рассматривал как интегрированный блок Системы, связанный со всеми подсистемами.

Система как способ исследования является методологической основой создания учебника «Национальная эко-

14. Савченко П.В. Очерки о социально-экономической Системе России: человек как вектор развития. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 12.

номика», который вышел в пяти изданиях¹⁵. П.В. Савченко отмечал, что «концепция национальной экономики позволяет исследовать экономический блок, интегрированный в социально-экономическую Систему страны, единство и целостность воспроизводства, легитимность институтов государства и рынка, взаимосвязь общего и идентичного в социально-экономических отношениях¹⁶. Системный подход дал возможность рассматривать национальную экономику России как социально-экономическую Систему, функционирующую в период перехода к информационно-индустриальному обществу в условиях глобализации, обосновать смешанный характер российской экономики, интегрированность экономического строя и соответствующих институтов, экономического и социального блоков, проанализировать изменение моделей национальной экономики, выявить этапы и основные проблемы развития национальной экономики России.

Сама по себе постановка вопроса о национальной экономике предполагает внимание исследователя к реальной экономической действительности. П.В. Савченко всегда исходил из того, что субъекты экономических отношений функционируют не в «чистом капитализме», «чистом социализме», «чистом экономиксе» или «чистом глобализме», а в конкретной системе социально-экономических отношений в определенной стране, занимающей определенное место в мировой экономике.

Системный подход был положен в основу логики и структуры учебника, в котором рассматриваются теоретические основы национальной экономики и показатели ее развития, в соответствии с ними раскрываются потенциалы национальной экономики (экономический, инновационный, демографический, экономико-географический), федеративная модель

15. Национальная экономика / Под ред. П.В. Савченко. М.: Экономистъ, 2005 (1-е изд.), М.: Экономистъ, 2007 (2-е изд.), М.: ИНФРА-М, 2011 (3-е изд.), М.: ИНФРА-М, 2016 (4-е изд.), М.: ИНФРА-М, 2018 (5-е изд.)
16. Национальная экономика. 5-е изд-е, перераб. и доп. / Под ред. П.В. Савченко. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 9.

национальной экономики и ее проблемы, производственные и территориальные комплексы, дается характеристика субъектов национальной экономики (государственного сектора, корпораций, домашних хозяйств, малого и среднего бизнеса), механизма регулирования национальной экономики (конкуренции, саморегулирования и его институтов, государственно-частного партнерства, политических механизмов, прогнозирования как условия эффективного управления национальной экономикой). Особо выделены финансовый и социальный блоки национальной экономики, вопросы функционирования национальной экономики России в мировой экономике. Учебник завершается разделами, посвященными воспроизведству национальной экономики и ее устойчивому развитию, в которых раскрывается взаимодействие инвестиционных, природных и социальных факторов, роль человеческого капитала, социальной сферы, мотивационного механизма, антикризисного регулирования, неоиндустриализации и разработки стратегии долгосрочного социально-экономического развития. Таким образом, каждый блок экономических отношений в национальной экономике, каждый комплекс отраслей, условия, факторы и задачи их развития, взаимосвязь национальной экономики России и мировой экономики получили соответствующее место в структуре учебника, что позволяет читателю изучать проблемы в целом и их составляющие.

Умение составить структуру учебника и объединить многочисленный авторский коллектив – это отдельная сторона деятельности П.В. Савченко и его организаторский талант. В написании учебника приняли участие ученые и преподаватели из Института экономики РАН, Института мировой экономики и международных отношений РАН, Центрального экономико-математического института РАН, Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, РАНХ и ГС при Президенте РФ, НИУ ВШЭ, Финансового универси-

тета при Правительстве РФ, РЭУ им. Г.В. Плеханова, ВНИИ охраны и экономики труда Минтруда РФ и др.

Успех в этой работе в определенной мере связан с тем, что П.В. Савченко приобрел опыт научно-организационной деятельности, будучи заместителем заведующего кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Н.А. Цаголова. Эта кафедра в советский период занимала лидирующее положение на факультете и была одним из научных центров по политической экономии. Она имела собственную программу по политической экономии объемом 500 часов, в то время как стандартная программа была рассчитана на 350 часов, и собственный учебник, в котором излагалась концепция кафедры о системе производственных отношений социализма, где исходной категорией была планомерность, а не общественная собственность, как в других учебниках. С ней поддерживали контакты кафедры внутри страны и за рубежом. В своей книге «Прошедшие годы: взгляд современника» П.В. Савченко отмечал, что «главный капитал кафедры – это человеческий капитал, профессорско-преподавательский состав, в первую очередь, заведующий кафедрой»¹⁷. В этой книге много добрых слов о научной и педагогической работе, о человеческих качествах преподавателей и сотрудников кафедры и экономического факультета в целом.

В сложный период перестройки и рыночных реформ (с 1988 г. по 2006 г.) П.В. Савченко был заместителем заведующего кафедрой социально-экономических проблем экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова академика РАН А.И. Абалкина. Он привлек к работе на кафедре многих заведующих отделами и секторами, главных научных сотрудников Института экономики. Спецкурсы читали академик РАН В.И. Маевский, чл.корр. РАН Е.И. Капустин, д.э.н.

17. Савченко П.В. Прошедшие годы: взгляд современника. Второе издание, перераб. и доп. М., 2011. С. 57.

В.М. Иванченко, д.э.н. В.Г. Фельзенбаум, д.э.н. И.С. Маслова, д.э.н. А.Ш. Ахмедуев, д.э.н. Б.З. Мильнер, Ю.Б. Мильнер, д.э.н. А.В. Никифоров, д.э.н. С.Д. Валентей, д.э.н. А.Е. Городецкий, д.э.н. Ю.Я. Ольсевич, д.э.н. Р.К. Иванова, д.э.н. И.В. Можайская, д.э.н. Л.Н. Лыкова, д.э.н. В.К. Фальцман, д.э.н. Б.В. Ракитский, д.э.н. В.Н. Кириченко, д.э.н. И.А. Погосов, д.э.н. С.А. Андрюшин, д.э.н. И.В. Караваева, д.э.н. Б.П. Плыщевский и др.

Для работы преподавателей это был сложный период, когда, по словам П.В. Савченко, «студенты голосовали ногами», т. е. выбирали интересующие их спецкурсы, посещая вступительные лекции. Спецкурсы сотрудников Института экономики вызывали интерес и были популярны у студентов. На кафедре социально-экономических проблем студенты писали курсовые и дипломные работы, выпускались сборники студенческих и аспирантских работ. Была издана коллективная монография «Заработка плата. Денежное обращение. Инфляция. Экономический рост» под редакцией И.А. Погосова и П.В. Савченко.

Научный поиск, инициативность, энергия, организаторский талант и человеческие качества —уважение к людям, отзывчивость, желание и умение помочь — привлекали к П.В. Савченко многих научных работников и преподавателей из Института экономики РАН, других институтов РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, РАНХ и ГС при Президенте РФ, НИУ ВШЭ, Финансового университета при Правительстве РФ и др. вузов к сотрудничеству при подготовке учебников «Политика доходов и заработной платы»¹⁸, «Экономика общественного сектора»¹⁹, «Национальная экономика» и коллективной монографии «Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития»²⁰.

-
18. Политика доходов и заработной платы / Под ред. П.В. Савченко, Ю.П. Кокина. М.: Экономистъ (1-е изд-е – 2001, 2-е изд-е – 2004).
 19. Экономика общественного сектора / Под ред. П.В. Савченко, И.А. Погосова, Е.Н. Жильцова. М.: ИНФРА-М (1-е изд-е – 2009, 2-е изд-е – 2015).
 20. Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития / Под ред. Р.С. Гринберга, П.В. Савченко. М.: ИНФРА-М (1-е изд-е – 2014, 2-е изд-е – 2016, 3-е изд-е – 2019, 4-е изд-е – 2021).

Исследуя актуальные современные проблемы, П.В. Савченко не игнорировал научных разработок советского периода. Как ученый, он понимал, что в любой исторический период существуют глубинные экономические проблемы и закономерности. Не случайно он выделял общее и идентичное в социально-экономической Системе. П.В. Савченко внес свой вклад в то, чтобы результаты исследований ученых-экономистов советского периода рассматривались с точки зрения поиска глубинных общих закономерностей, которые продолжают оставаться актуальными.

П.В. Савченко был руководителем авторского коллектива и одним из авторов книги, посвященной академику АН СССР А.И. Анчишкому²¹, в которой раскрывается вклад А.И. Анчишкина в разработку теории воспроизводства, макроэкономического равновесия и прогнозирования. Устойчивое и динамичное развитие экономики невозможно без стратегических прогнозов. В книге показано, что прогнозирование и разработка различных вариантов социально-экономических стратегий осуществляются в регулируемой рыночной экономике современной России, концепции долгосрочного социально-экономического развития утверждаются Правительством РФ, находят отражение в законах о федеральном бюджете и т.д., и идеи А.И. Анчишкина составляют теоретическую основу этих разработок.

Вкладу в экономическую науку своего учителя, коллеги и друга доктора экономических наук профессора Е.С. Городецкого П.В. Савченко посвятил книгу, в которой был научным редактором и одним из авторов²². П.В. Савченко отмечал, что Е.С. Городецкий изучал взаимодействие планирования и товарно-денежных отношений. «Проблема конвергенции институтов государственного и рыночного регулирования актуальна и в настоящее время, поскольку в экономической теории возобладала другая крайность – пренебре-

21. Очерки о жизни и научной деятельности академика А.И. Анчишкина. М.: ИНФРА-М, 2013.

22. Очерки о жизни и научно-педагогической деятельности доктора экономических наук профессора Е.С. Городецкого / Под ред. П.В. Савченко, М.Н. Федоровой. М.: ИНФРА-М, 2019.

жение, минимизация экономической роли государства»²³. Представляет интерес также исследование Е.С. Городецким оплаты труда и общественных фондов потребления в колхозах и совхозах. Известно, что в современной России в затратах организаций на рабочую силу присутствует «социальный пакет» (оплата питания, проживания, повышения квалификации, отдыха, лечения работников и т.п.) и его наличие является одним из привлекательных моментов при поиске человеком места работы. И это не «пережиток социализма», а использование корпоративной формы инвестиций в человеческий капитал, которая в ряде случаев эффективнее, чем индивидуальные или государственные инвестиции, потому что сфокусирована на том, что необходимо для конкретного предприятия, конкретной компании.

П.В. Савченко был видным ученым, талантливым организатором научной работы, жизнерадостным и отзывчивым человеком с добрым сердцем и позитивной энергией. На протяжении всей своей научной деятельности П.В. Савченко выявлял новые теоретические проблемы, возникающие в социально-экономической Системе в целом и социально-трудовых отношениях как ее интегрированном блоке, искал новые пути их решения. Как организатор научных исследований, он умел раскрыть лучшее, что есть у каждого автора, давал возможность всем проявить себя при подготовке коллективных работ. В этом соединении исследовательских организаторских и человеческих качеств заключались притягательность его личности и секрет его успеха.

Поль Вячеславович Савченко прожил огромную, яркую, насыщенную и счастливую жизнь. Он был всегда, везде и во всем верен себе, честен во всем, последователен до конца. Любовь, Дружба, Верность, Долг, Ответственность, Самопожертвование – это всё про него. Человек своего Времени, думаю, что и человек на все времена. Есть люди, которые живут в едином ритме со Временем, и он всегда был одним из них.

23. Там же. С. 69.

Он умел чувствовать, слышать и понимать Время. И быть с ним в ладу. Так получилось, что времени на все его планы, которые он строил до последнего, не хватило. Но и того, что им было сделано, достаточно, чтобы оставить свой яркий след в российской экономической науке, светлую и благодарную память в нашем научно-образовательном сообществе, среди коллег и друзей в стенах нашего общего родного дома — Института экономики РАН.

Основные работы П.В. Савченко

- Савченко П.В. Материальная заинтересованность в действии.* М.: Изд-во «Советская Россия», 1962.
- Савченко П.В. Общественный фонд потребления колхоза.* М.: Знание, 1965.
- Городецкий Е.С., Савченко П.В., Пицков А. Производственный коллектив колхоза.* Ставрополь: Книж. изд-во, 1974.
- Городецкий Е.С., Савченко П.В. Сочетание уровня оплаты труда и общественных фондов потребления в колхозах.* М.: Изд-во МГУ, 1974.
- Савченко П.В. Обобществление кооперативного производства при социализме.* М.: Изд-во МГУ, 1976.
- Савченко П.В. Социалистическая собственность на средства производства — основа экономической системы социализма.* М.: Знание, 1984.
- Савченко П.В. Укрепление трудового характера социалистического образа жизни.* М.: Знание, 1986.
- Savchenko P. What is labour?* Progress publishers, 1987. Книга издана также на языках: английском, амхарском, арабском,ベンガリ, испанском, лаоском, малагасийском, португальском, тамили, французском, хинди.
- Савченко П.В., Шехет Н.И. Монополия при социализме.* М.: ИЭ АН СССР, 1987.
- Савченко П.В., Федорова М.Н. Роль человеческого фактора в повышении эффективности труда.* М.: Знание, 1988.
- Савченко П.В. Поиски истины.* Избранные произведения. М., 2001.
- Савченко П.В. Прошедшие годы: взгляд современника.* Второе издание, перераб. и доп. М.: МГУ, 2011.

- Савченко П.В., Федорова М.Н. Система: тенденции ее развития.* М.: ИЭ РАН, 2011.
- Савченко П.В., Федорова М.Н. Монополия рабочего места в Системе социально-экономических отношений.* М.: ИЭ РАН, 2012.
- Савченко П.В. Очерки о социально-экономической Системе России: человек как вектор развития* М.: ИНФРА-М, 2016.
- Савченко П.В. Системный метод исследования социально-трудовых отношений: человек как доминанта развития.* М.: ИНФРА-М, 2021.

***Коллективные работы под редакцией и под руководством
П.В. Савченко***

- Экономические основы социалистического образа жизни в условиях развитого социализма. Под ред. Савченко П.В. М.: Наука, 1983.
- Укрепление трудового характера социалистического образа жизни / Под ред. П.В. Савченко. М.: Наука, 1987.
- Индивидуальная трудовая деятельность: вопросы и ответы / Под ред. П.В. Савченко. М.: Экономика, 1989.
- Кооперативы по производству товаров и оказанию услуг. Справочное пособие / Под ред. П.В. Савченко. М.: Экономика, 1989.
- Индивидуальная предпринимательская деятельность. Справочное пособие / Под ред. П.В. Савченко. М.: Экономика, 1992.
- План Маршалла – путь к стабилизации и возрождению экономики. Руководитель – П.В. Савченко. М.: ИЭ РАН, 1993.
- Предложения по разработке теоретических основ социальной стратегии адаптации человека к рынку / Научный руководитель П.В. Савченко. М.: ИЭ РАН, 1994.
- Курс переходной экономики / Под ред. Л.И. Абалкина. Составитель П.В. Савченко. М.: Финстатинформ, 1997.
- Россия-2015: оптимистический сценарий / Под ред. Л.И. Абалкина М.: ММВБ, 1999. Руководитель организационно-редакторской группы П.В. Савченко.
- Заработка плата. Денежное обращение. Инфляция. Экономический рост / Под ред. И.А. Погосова, П.В. Савченко. М.: ТЕИС, 1999.
- Некоммерческие организации в системе институциональных отношений. Руководитель П.В. Савченко. М.: ИЭ РАН, 2000.

- Политика доходов и заработной платы / Под ред. П.В. Савченко, Ю.П. Кокина. М.: Экономистъ (1-е изд-е – 2001, 2-е изд-е – 2004).
- Очерки о жизни и научной деятельности академика А.И. Анчишина / Рук. авт. кол-ва П.В. Савченко. М.: ИНФРА-М, 2013.
- Экономика общественного сектора / Под ред. П.В. Савченко, И.А. Погосова, Е.Н. Жильцова. М.: ИНФРА-М (1-е изд-е – 2009, 2-е изд-е – 2015).
- Национальная экономика / Под ред. П.В. Савченко. М.: Экономистъ, 2005 (1-е изд.), М.: Экономистъ, 2007 (2-е изд.), М.: ИНФРА-М, 2011 (3-е изд.), М.: ИНФРА-М, 2016 (4-е изд.), М.: ИНФРА-М, 2018 (5-е изд.).
- Очерки о жизни и научно-педагогической деятельности доктора экономических наук профессора Е.С. Городецкого / Под ред. П.В. Савченко, М.Н. Федоровой. М.: ИНФРА-М, 2019.
- Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития / Под ред. Р.С. Гринберга, П.В. Савченко. М.: ИНФРА-М (1-е изд-е – 2014, 2-е изд-е – 2016, 3-е изд-е – 2019, 4-е изд-е – 2021).

Литература о П.В. Савченко

- Поль Вячеславович Савченко // Вестник Института экономики РАН. 2021. № 2. С. 201–202.
- Соболева И.В. Исследование социально-трудовой сферы в Институте экономики РАН: история и современность // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 2. С. 9–26.

М.И. Воейков, д.э.н.

СОРОКИН
ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ
(1946–2021)

Дмитрий Евгеньевич Сорокин – выдающийся российский экономист, научное творчество которого еще плохо изучено и освоено. Родился Д.Е. Сорокин в Москве 1 января 1946 г. в интеллигентной семье, скончался после продолжительной болезни 14 марта 2021 г. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1991 г. – докторскую диссертацию. Долгое время Д.Е. Сорокин работал в Институте экономики РАН, с 1988 г. по 2014 г. был заместителем директора Института, в 2008 г. был избран членом-корреспондентом РАН. После 2014 г., продолжая работать главным научным сотрудником в Институте экономики РАН, стал заниматься преподавательской деятельностью в должности научного руководителя, а затем – руководителя Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ.

Д.Е. Сорокин в 1969 г. окончил Московский экономико-статистический институт, он знал статистику и с интересом ею занимался, почти каждая его статья содержала определенные статистические выкладки. Но, читая его работы, понимаешь, что Сорокин был прежде всего политэкономом. Он знал политическую экономию и любил ее. Так, например, завершая дискуссию «Политэкономия: формулируем предмет исследования» в Вольном экономическом обществе (2015 г.), он говорил: «Слушая и размышляя над тем, зачем та же политэкономия кому-то, кроме нас, нужна, я все время памятую

о том, что мы говорим, что важнейшее условие прогресса – это наличие развитого гражданского общества, состоящего из активных граждан. И дикий капитализм, и те самые феодально-бюрократические отношения зачастую опираются на молчаливое большинство. А оно молчаливо потому, что не хватает знаний¹. Вот это очень важно. Именно политэкономическое знание об обществе делает человека понимающим и активным. В другом месте Сорокин писал: «Нужна политическая экономия современной России. Именно в этом направлении всегда работала российская школа политической экономии и наш научный долг продолжать и развивать эту традицию»². И почти все работы Сорокина были пропитаны политэкономическим смыслом. Исследователи научного творчества Д.Е. Сорокина специально отмечают: «Работы Дмитрия Евгеньевича последовательно продолжают путь российской школы политэкономической мысли, в которой в области исследования находятся исключительно фундаментальные проблемы человеческого бытия»³. И именно с этой политэкономической позиции Д.Е. Сорокин разрабатывал многие вопросы модернизации российской экономики.

Нужен ли поворот в социально-экономической стратегии развития, назовем его «структурной модернизацией», и в чем состоит теория такого поворота? Вот вопросы, на которые четкого ответа в отечественной экономической науке пока еще нет. На эти вопросы совершенно определенным образом отвечал Д.Е. Сорокин. Его очень волновала судьба России и плачевые итоги экономического реформирования начала 1990-х годов. Так, он писал: «На основе примитивных

1. Сорокин Д.Е. Заключительное слово // Труды Вольного экономического общества России. Т. 193. М.: ВЭО России, 2015. С. 180.
2. Экономические исследования Института: итоги и перспективы. Материалы «Круглых столов». М.: ИЭ РАН, 2000. С. 50.
3. Альпидовская М.Л., Цикун А.М. О неизбежности социально-экономической трансформации российской экономики (Памяти Дмитрия Евгеньевича Сорокина) // Вопросы политической экономии. 2021. № 2. С. 78.

идей возникает общество, которое рано или поздно заходит в тупик»⁴.

И еще несколько мыслей Д.Е. Сорокина, высказанных лет 15 назад, но ставших сегодня очень актуальными. Так, он пишет: «Нынешняя Россия может сохранить себя в XXI в. лишь в качестве одной из мировых (великих) держав»⁵. И дальше в той же работе: «США не смогут «наблюдать со стороны» борьбу за российские ресурсы, результатом которой может стать усиление геополитико-экономических позиций какой-либо из соперничающих сторон. В этой ситуации США вынуждены уже на нынешнем этапе стремиться обеспечить себе наиболее выгодные «стартовые позиции» для этой борьбы. Таким образом, геополитическое положение России таково, что она неизбежно становится «яблоком раздора» между основными цивилизационными центрами современного мира»⁶. Очень актуальные мысли. Оказывается, что Д.Е. Сорокин предвидел события, которые случились через 18 лет.

И еще важная мысль Сорокина: «Если ставится задача сохранения Российской Федерации, как минимум, в ее нынешних границах, то ее стратегия не может не быть стратегией становления России в качестве великой державы («полюса») современного мира». И далее Сорокин пишет, что для сохранения и развития России нужен «выбор «пионерной», а не «догоняющей» модели»⁷. Итак, как же развиваться России дальше? Сохраняя нынешние минимальные темпы экономического роста, просто наращивать объемы экспортных производств, без глубинной трансформации структуры народного хозяйства или же выбрать иной сценарий развития? Действительно, без хорошо продуманной «структур-

-
4. Сорокин Д.Е. Необходима интеграция обществоведческого знания // Экономическая теория марксизма и современность: труды научного семинара. Вып. 2 / Под. ред. В.А. Медведева. М.: ИЭ РАН, 2011. С. 253.
 5. Сорокин Д.Е. Россия в меняющейся системе мироустройства // Россия в глобализирующемся мире. Политико-экономические очерки / Под ред. Д.С. Львова. М.: Наука, 2004. С. 33.
 6. Там же. С. 33.
 7. Там же. С. 36, 43.

ной модернизации» страна сама собой, базируясь только на рыночных началах, не сможет перейти на инновационный путь развития.

Рыночная модель

Говоря о рынке и рыночной модели, мы не имеем в виду отказа от рыночной экономики вообще, ибо от объективной неизбежности отказаться невозможно. Так, Сорокин справедливо подчеркивал, «что эффективное индустриальное развитие требует экономической системы, опирающейся на рыночные механизмы»⁸. Но речь идет о теоретическом ракурсе вопроса, может ли рыночная модель сама по себе повести модернизацию экономики и общества в сторону инновационного пути развития, осуществить инновационную модернизацию. На сегодня имеется немалое число экономистов, готовых положительно ответить на этот вопрос.

Социальные ценности, с одной стороны, накладываются на рынок, определяют параметры его функционирования. С другой стороны, сам рынок предопределяет возможный объем социальных ценностей. Поэтому всегда и везде рынок ограничен, регулируем. В противном случае при господстве только экономической эффективности он может привести к нелепым и просто антигуманным последствиям. И в этой связи важное значение имеет мысль Сорокина, что в мире произошли такие фундаментальные изменения в регулировании экономики, что «современный механизм ее саморегулирования лишь по инерции продолжает называться рыночным, по существу качественно отличаясь от классических представлений о последнем»⁹.

В сегодняшних российских условиях весьма эффективен только один сектор национальной экономики – сырьевой. Он демонстрирует высокую эффективность и конкурентоспособность на мировом рынке. То есть либеральная экономи-

8. Сорокин Д.Е. Ориентиры институциональной трансформации // Воспроизводственный вектор России. К теории структурного поворота. Гл. 4. М.: ИЭ РАН, 2010. С. 84.

9. Там же. С. 94.

ческая модель сделала российскую экономику эффективной только в ее узком, одном секторе. Все остальное владельцам этого сектора просто не нужно. Поэтому, с их точки зрения, надо закрывать ненужные заводы, университеты, школы и больницы. И население в таком количестве тоже не нужно. То же происходит и с основным индустриальным ядром (машиностроение) экономики. В свое время Д.Е. Сорокин специально выделял этот вопрос. Он писал: «Доля продукции машиностроения и металлообработки в развитых странах составляет 30–50% объема продукции промышленности, в то время как в России – 19%»¹⁰. Эти отрасли как неэффективные с точки зрения рыночной экономики в России сворачиваются.

Вся экономика, вернее, то, что еще осталось от нее, работает на один сырьевую сектор. Это логика рыночного механизма, и с точки зрения неоклассической экономической теории тут все правильно. С точки зрения мирового рынка и либеральной экономической модели Россия нужна как сырьевой пришаток этого рынка. Здесь будет достигнута высокая степень экономической эффективности, здесь есть рост.

Более того, есть вполне научно обоснованная позиция ряда экономистов, что эффективность одного сектора российской экономики (сырьевого) в конечном счете приведет к расщеплению всей страны, по сути дела к ее ликвидации. «Сырьевой сценарий, – пишет, например, Д.Е. Сорокин, – это не сценарий одного из вариантов будущего России, а сценарий прекращения существования России в качестве субъекта глобальных политико-экономических отношений и превращения ее территории в объект этих отношений. Именно поэтому у России как государства сырьевого будущего нет»¹¹.

Россия должна отказаться от такого унижительного отношения к государству. Структурная модернизация экономического развития должна базироваться на трех прин-

-
10. Сорокин Д.Е. Формирование стратегии роста // Воспроизводственный вектор России. К теории структурного поворота. Гл. 2. М.: ИЭ РАН, 2010. С. 57.
 11. Сорокин Д.Е. Есть ли у России сырьевое будущее? // Вестник Института экономики РАН. 2008. № 1. С. 83.

ципах или элементах: народнохозяйственном планировании; рыночном саморегулировании и политической демократии (гражданском обществе). Именно должное сочетание этих трех элементов и дает в комплексе оптимальное направление. На это сочетание трех элементов (рынок, государство и гражданское общество) в свое время указал Сорокин. Он писал: «Взаимодействие этих трех составляющих современного механизма регулирования экономической жизни общества порождает синергический эффект, выражющийся в устойчивом следовании по пути реализации ценностных ориентиров данного общества, чего не может обеспечить самостоятельно ни одна из названной совокупности институтов»¹². Можно отметить, что такое сочетание этих трех принципов до сих пор не было свойственно известным нам типам экономик. Так, советский тип экономического порядка предусматривал систему жесткого народнохозяйственного планирования с очень небольшой (минимальной) долей рыночного саморегулирования (в части распределения товаров народного потребления и натурализации бесфондового обмена средствами производства) и с полным отсутствием политической демократии.

Россия также сегодня находится в экстремальной ситуации и уже поэтому оправдано здесь и сейчас использовать народнохозяйственное планирование. Кроме того, планирование в России имеет давние традиции и в силу характерных особенностей российской территории и индустрии является наилучшей формой государственного регулирования экономики. На этот момент в свое время также указывал Д.Е. Сорокин: «Ни в коем случае нельзя забывать и о своеобразии регионального устройства России, в рамках которого на территории одного государства сосуществуют зачастую принципиально различные природно-географические и geopolитические условия хозяйствования, взаимодействуют различные

12. Сорокин Д.Е. Ориентиры институциональной трансформации // Воспроизводственный вектор России. К теории структурного поворота. Гл. 4. М.: ИЭ РАН, 2010. С. 93.

национальные культуры и соответственно осуществляются региональные воспроизводственные процессы»¹³. Отказ от народнохозяйственного планирования привел к расчленению экономики, разрушению экономических связей, развалу народнохозяйственного комплекса.

Особенное беспокойство вызывает состояние социальных наук. Прежняя общественная советская наука сегодня полностью отменена, хотя в ней наряду с пустословием были и определенные достижения.

Но чтобы вырваться из сегодняшней отсталости, нужен резкий рывок вперед, «структурный поворот». Нужен резкий поворот в сторону развития всей интеллектуальной сферы: науки, образования, культуры, что составляет базис инновационного типа развития. Нужно разработать теорию такого структурного поворота. И существенный вклад в такую теорию вносят научные работы Д.Е. Сорокина. Например, он ставит такой вопрос: «Прогнозируется углубление того сырьевого перекоса в нашем народном хозяйстве, который послужил материальной основой кризиса. Так извлекла ли для себя государственная власть уроки из кризиса?»¹⁴ Это хороший вопрос. Сегодняшний кризис очень серьезный. И наша государственная власть начинает возвращаться к здравомыслию. Так, например, по поручению правительства Минобрнауки разрабатывает новые критерии оценки научной деятельности, которые будут свободны от учета цитирования в международных базах. Интересы России и ее судьба были всегда в центре научной и общественной деятельности Дмитрия Евгеньевича Сорокина.

-
13. Сорокин Д.Е. Ориентиры институциональной трансформации // Воспроизводственный вектор России. К теории структурного поворота. Гл. 4. М.: ИЭ РАН, 2010. С. 106.
 14. Сорокин Д.Е. Разрыв в доходах на предприятиях непомерно высок // Экономическая теория марксизма и современность: труды научного семинара. Вып. 3 / Под. ред. В.А. Медведева. М.: ИЭ РАН, 2013. С. 53.

Основные работы Д.Е. Сорокина

- Сорокин Д.Е. План или рынок? – ложная дилемма. М.: Знание, 1989.
- Сорокин Д.Е. Саморегулирование в социалистической экономике (радикальная экономическая реформа). М.: Экономика, 1990.
- Сорокин Д.Е. Россия перед вызовом: Политическая экономия ответа. М.: Наука, 2003.
- Сорокин Д.Е. Россия в меняющейся системе мироустройства // Россия в глобализирующемся мире. Политико-экономические очерки / Под ред. Д.С. Львова. М.: Наука, 2004.
- Сорокин Д. Есть ли у России сырьевое будущее? // Вестник Института экономики РАН, 2008. № 1.
- Сорокин Д.Е. Ориентиры институциональной трансформации // Воспроизводственный вектор России. К теории структурного поворота. Гл. 4. М.: ИЭ РАН, 2010.
- Сорокин Д.Е. Формирование стратегии роста // Воспроизводственный вектор России. К теории структурного поворота. Гл. 2. М.: ИЭ РАН, 2010.
- Сорокин Д.Е. Возможно ли была трансформация советской системы? // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор / Под ред. М.И. Воейкова. СПб.: Алетейя, 2011. С. 399–420.
- Сорокин Д.Е. Необходима интеграция обществоведческого знания // Экономическая теория марксизма и современность: труды научного семинара. Вып. 2 / Под. ред. В.А. Медведева. М.: ИЭ РАН, 2011.
- Сорокин Д.Е. Разрыв в доходах на предприятиях непомерно высок // Экономическая теория марксизма и современность: труды научного семинара. Вып. 3 / Под. ред. В.А. Медведева. М.: ИЭ РАН, 2013.
- Сорокин Д.Е. Заключительное слово // Труды Большого экономического общества России. Т. 193. М.: ВЭО России, 2015.

Литература о Д.Е. Сорокине

- Альтидовская М.Л., Цукин А.М. О неизбежности социально-экономической трансформации российской экономики (Памяти Дмитрия Евгеньевича Сорокина) // Вопросы политической экономии, 2021, № 2 (26). С. 75–82.
- Экономическая и технологическая модернизация России: уроки истории и современные вызовы. Памяти Д.Е. Сорокина / Под ред. Н.Ю. Ахапкина. М.: ИЭ РАН, 2022.

Редакционно-издательский отдел:
Тел.: +7 (499) 129 0472
e-mail: print@inecon.ru
www.inecon.ru

Научное издание

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ В ЛИЦАХ

Выпуск 4

Редактор – Полякова А.В.
Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 25.12.2025
Заказ № 22. Тираж 300 экз. Объем 8,3 уч.-изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0799-0

9 785994 007990 >